

Леон Дегрелль

ЭССЭСОВСКИЙ ЛЕГИОН ГИТЛЕРА

Откровения с петлей на шее

ЭССЭСОВСКИЙ ЛЕГИОН ГИТЛЕРА
Откровения с петлей на шее

Леон Дегрелль

Annotation

За годы Второй Мировой автор этих мемуаров сделал феноменальную карьеру — от рядового добровольца до штандартенфюрера, командира *28.S5-Freiwilligen-Panzergranadier-Division «Wallonien»* (28-й добровольческой дивизии СС «Валлония»). Награждая его Рыцарским крестом с дубовыми листьями, Гитлер заявил: *«Если бы у меня был сын, я хотел бы, чтобы он походил на Вас!»*. А в родной Бельгии военного преступника Дегрелля приговорили к повешению, и до конца жизни он скрывался в Испании под чужой фамилией.

Эта книга, прослеживающая боевой путь бельгийских добровольцев фюрера от создания Валлонского легиона в августе 1941 года до его преобразования в штурмовую бригаду СС «Валлония», — лучшее противоядие от фашизма. Эти мемуары полезно почитать для прочищения мозгов всем доморощенным нацистам, верящим сказкам «о добром Гитлере», который-де пришел освободить Русь от «жыдов и комиссаров». В отличие от простых солдат Вермахта, поражавшихся несоответствию «арийской внешности» русского народа геббельсовской лжи о «недочеловеках», фанатичный гитлеровец Дегрелль видит на Восточном фронте только «азиатские орды» — одних лишь «татар», «киргизов» и «монголов»(!), — еще раз доказывая, что для европейских фашистов русской нации не существует вовсе!

-
- [Леон Дегрелль](#)
 - [Предисловие переводчика](#)

- [Предисловие автора](#)
- [Глава 1](#)
 - [Бросок на Украину](#)
 - [Завоеванная Украина](#)
 - [Днепропетровск](#)
 - [Фронтная грязь](#)
 - [Деревня](#)
- [Глава 2](#)
 - [Зима на Донце](#)
 - [Ледяные дороги](#)
 - [Рождество в Щербиновке](#)
 - [Итальянцы на Донце](#)
 - [Воющая степь](#)
 - [Казачи](#)
 - [Роза Люксембург](#)
 - [Оттепель и заморозок](#)
 - [Настоящий ад](#)
 - [Громовая Балка](#)
 - [Ледяной фронт](#)
- [Глава 3](#)
 - [Битва за Харьков](#)
 - [Крик кукушки](#)
 - [Яблонская](#)
 - [Пятьдесят градусов](#)
 - [Берега Донца](#)
 - [Кровь и ловушки](#)
 - [Преддверие Азии](#)
- [Глава 4](#)
 - [На Кавказ пешком](#)
 - [Форсирование Дона](#)
 - [Кубань](#)
 - [Майкоп](#)
 - [Ловушка](#)
 - [Прусская](#)
 - [Третьяков](#)
 - [Кровавое ущелье](#)
 - [Сто двадцать шесть часов](#)

- [Армения](#)
- [Ожидание](#)
- [Джунгли и горы](#)
- [Бури и ущелья](#)
- [Гора Индюк](#)
- [Конец](#)
- [Глава 5](#)
 - [Окопы на Днепре](#)
 - [Возвращение на Днепр](#)
 - [Ольшанка](#)
 - [Молчаливый лес](#)
 - [Кровь в кустах](#)
 - [Ирдынь](#)
 - [Праздники](#)
 - [Закревка](#)
 - [Первые трещины](#)
 - [Теклино](#)
 - [Семьсот бункеров](#)
 - [Ловушка захлопнулась](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Леон Дегрелль
Эсэсовский легион Гитлера
Откровения с петлей на шее

Предисловие переводчика

Перед вами воспоминания Леона Дегрелля, в которых он описывает действия Валлонского легиона на Восточном фронте. Весьма поучительная книга, особенно с учетом личности автора. Эти воспоминания написаны, что называется, по горячим следам, когда впечатления от грандиозных событий еще не изгладились в памяти. Первое издание этой книги вышло в 1949 году.

Итак, кто он такой, Леон Дегрелль? Если отвечать коротко — убежденный фашист. Человек, который всю жизнь восхищался Адольфом Гитлером и даже перед своей смертью в 1994 году подтвердил это. Друг рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера. Человек, лично знавший Бенито Муссолини. Именно Гитлер и Муссолини финансировали создание партии рексистов в Бельгии, которую возглавил Дегрелль. Эта партия объединяла самое реакционное крыло католиков, и ее название происходило от выражения *Christus Rex* — Царь Христос. На выборах партия рексистов получила несколько мест в бельгийском парламенте. Однако когда в мае 1940 года немцы начинают наступление на Западном фронте, Дегрелль попадает в тюрьму, откуда его освобождают немцы. Дегрелль активно проповедует необходимость сотрудничества с «Новым порядком».

В августе 1941 года немцы формируют так называемый Валлонский легион из бельгийских добровольцев. (Валлоны — жители франкоговорящих областей Бельгии.) Дегрелль вступает в него рядовым, что уже само по себе необычно. Депутат парламента — и рядовой. В рядах легиона Дегрелль делает бешеную карьеру. Ефрейтор, обер-фельдфебель, лейтенант и — знаменательный момент! — обер-штурмфюрер СС. Валлонский легион сначала получает название 373-го пехотного батальона вермахта, потом в июне 1943 года превращается в 5-ю добровольческую штурмовую бригаду СС «Валлония». В январе 1945 года бригада становится 28-й добровольческой панцер-гренадерской дивизией СС «Валлония», хотя численность ее никогда не превышала усиленного полка. Сразу внесем уточнение: *Panzergranadier Division* означает всего лишь моторизованную пехотную дивизию.

Продолжается и карьерный рост Дегрелля. 20 апреля 1945 года он становится штандартенфюрером СС и командиром дивизии. Впрочем, завершается его карьера анекдотом: 2 мая 1945 года Гиммлер делает его бригадефюрером СС и генерал-майором Ваффен СС, но вот беда — приказом Гитлера еще 28 апреля сам Гиммлер лишен всех постов в партии и СС!

Дегрелль обладал определенными литературными талантами и весьма живо описывал свои приключения на Восточном фронте, причем достаточно правдиво. Например, он не скрывает, что Валлонский легион дважды был фактически полностью уничтожен, когда потери превышали 80 процентов личного состава. Выясняется, что из первых 600 человек, вступивших в легион в августе 1941 года, войну закончили всего трое! Дегрелль невольно признает мужество советского солдата, и не раз в его мемуарах проскакивают упоминания о паническом ужасе, который испытывали эти вояки перед «Катюшами», которых он называет «Сталинскими органами». Напомним, это писал человек, который ненавидел Советский Союз до зубовного скрежета, ненавидел буквально до самого конца своей жизни. Так что давайте ему поверим в этом.

Вообще Дегрелль довольно красочно рисует войну глазами младшего офицера. Он отправился на фронт за красивыми победами и славой, но нашел там только грязь и вшей, лишения и кровь, мучения и смерть.

Интересно, что эта книга нашпигована «местным колоритом». К месту и не к месту автор употребляет словечки «isba», «muzhik», «kolkhoz», «telega». Кстати, употребляет довольно точно, вы не встретите здесь знаменитого развесистого клюквенного дерева. Единственное уточнение: судя по всему, под «колхозом» Дегрелль понимает комплекс зданий центральной усадьбы.

В воспоминаниях Дегрелля иначе, чем мы привыкли, рисуется картина Корсунь-Шевченковской битвы, причем его описания расходятся как с советскими, так и с немецкими. В частности, оказывается, что штурмовая бригада «Валлония» **не участвовала** в прорыве кольца окружения! Дегрелль пишет, что бригада в самом буквальном смысле отсиделась в кустах, выжидая благоприятный момент. И лишь когда возникло определенное замешательство,

вызванное ударом дивизии СС «Викинг», остатки бригады самостоятельно выскользнули из окружения **без боя!**

Эти мемуары также ставят под сомнение рассказы о донельзя моторизованной немецкой армии. Дегреллю прекрасно запомнились изматывающие затяжные пешие переходы. Собственно, одна из глав так и называется — «На Кавказ пешим строем». И это про моторизованную бригаду!

Сейчас стало модно отделять так называемых правильных «европейских фашистов» от неправильных гитлеровских. Скажем прямо, не новая тенденция. Еще Муссолини в свое время смертельно обижался, когда люди путали правильных итальянских фашистов с неправильными немецкими нацистами. Видите, даже названия разные! И наши доморощенные нацики, по дурусти или искренне, верят, что уж с «правильными фашистами» им определено по дороге. Господа, почитайте, что пишет такой вот «правильный фашист»!

Для Дегрелля русские как нация просто не существуют. Если в книге и мелькает слово «русские», то используется оно как собирательное обозначение солдат противника. Ну, примерно как слово «фрицы». Против Дегрелля все три года войны сражаются только киргизы, казахи, татары и монголы, причем, по какой-то непонятной причине, в основном именно монголы. Правда, мелькают еще какие-то загадочные «сибиряки», однако он пишет, что это были типичные азиаты на собачьих упряжках, то есть, судя по всему, либо буряты, либо якуты. Короче, кто угодно, только не русские. В крайнем случае, Дегрелль еще соглашается признать существование украинских крестьян, но именно в крайнем случае. Причем все они без исключения — вонючие, грязные, косоглазые, вшивые, подлые людоеды, даже анатомически отличающиеся от чистых и стройных европейцев, воодушевленных великой идеей. Господа российские нацики, вы согласны с определением, которое вам дает «правильный европейский фашист» и кавалер Рыцарского Креста? Так что Дегрелль вполне разделял расовую теорию Гитлера. Да, еще одна маленькая деталь — впервые я встретил воспоминания человека, который не отрицает, что принимал личное участие в расстрелах «бандитов и партизан».

Дегрелль был человеком смелым, скажем прямо, он не раз участвовал в рукопашных схватках, был ранен пять раз. Его действия

были оценены по заслугам. Адольф Гитлер наградил Дегрелля Рыцарским Крестом с дубовыми листьями. А вот на родине, в Бельгии, Дегрелля приговорили к повешению, и этот приговор так и не был отменен. Более того, искреннего католика епископ его родного города Буйон отлучает от церкви. Дегреллю приходится искать священника-эсэсовца, чтобы снова быть допущенным к церковным таинствам.

Лучше всего характеризует неизменность взглядов Дегрелля судебный иск к Центру Симона Визенталя, который даже был принят калифорнийским судом. Обиженный Дегрелль потребовал 14 миллионов долларов в виде компенсации за моральный ущерб по причине клеветы. Он даже подписался как «генерал Леон Дегрелль». Интересно, был бы принят иск, подписанный «бригадфюрер СС Леон Дегрелль»? Впрочем, о том, что генерал он липовый, мы уже писали.

Так что в приложении к Леону Дегреллю формула «звериный оскал фашизма» приобретает самое буквальное значение, хотя этот оскал и спрятан за лощеной физиономией бельгийского парламентария. Лишь читая подобные воспоминания, можно в полной мере оценить подвиг солдат Красной Армии, избавивших мир от фашистской чумы.

Предисловие автора

В 1936 году я был самым молодым политическим лидером в Европе. В возрасте 29 лет я уже потряс свою страну до самого основания. Сотни тысяч мужчин, женщин и молодых людей последовали за мной, полностью мне доверяя. Наше движение получило десятки мест депутатов и сенаторов в бельгийском парламенте.

Я предпочитал продолжать борьбу за порядок и справедливость, против коррупции, но за пределами официальных рамок. У меня были идеалы, которые не позволяли мне идти на компромиссы или принимать участие в дележе награбленного.

Я хотел освободить свою страну от господства денежных интересов, тесно связанных с коррумпированной властью, подрывающей наши интересы, разъедающих совесть, разрушающих промышленность и труд. Анархический режим старых партий, которые все до единой были испятнаны проказой политических скандалов, я хотел заменить новым, легальным, сильным и свободным государством, в котором существуют четкий порядок, ответственность и представительство энергичных людей.

Это не был вопрос тирании или «фашизма». Это был вопрос здравого смысла. Страна не может жить в беспорядке, некомпетентности, безответственности, неопределенности и коррупции.

Я призывал к твердой власти в государстве, к компетентности общественных институтов, динамичному развитию нации, действующему контракту между массами и правительством, умной и продуктивной гармонии между гражданами, которые противостояли друг другу по причинам надуманным и искусственным. Классовая борьба, религиозная борьба, языковые проблемы — все они были созданы и старательно поддерживались противоборствующими партиями, одинаково лживыми, которые вели театральные дискуссии, делящими власть между собой.

Я спустился с метлой в руке к коррумпированным шайкам, которые истощали энергию моей страны. Я выметал их и сек, я

уничтожал на глазах народа белые гробницы, в которых они прятали свои пороки и награбленную добычу. Я принес своей стране дыхание юности и идеализма. Я возвысил духовные силы, воспоминания о борьбе и славе наших доблестных предков.

Движение рексистов стало реакцией общества на распространение коррупции. Это было движение за социальную справедливость и обновление. Оно дало сильнейший толчок к величию, освободило тысячи душ, которые стремились воссиять и подняться над тусклой обыденностью режима и эпохи.

Такая борьба шла до мая 1940 года.

Вторая мировая война — которую я проклинаяю — перевернула все, в том числе и в Бельгии. Старые институты, старые доктрины рухнули, как прогнившие деревянные замки, вдобавок источенные червями.

Движение рексистов никак не было связано с победоносным Третьим Рейхом, ни с его лидером, ни с его партией, ни с его пропагандистской машиной. Наше движение было целиком и полностью национальным и совершенно независимым. Все архивы Третьего Рейха были захвачены, но никто не сумел найти даже малейшего следа, прямых или косвенных связей между Гитлером и рексистами до мая 1940 года. Наши руки чисты, наши сердца чисты, наша любовь к стране, яркая и горячая, была совершенно искренней.

Немецкое вторжение захлестнуло нашу страну.

Для 99 процентов бельгийцев и французов война закончилась в июле 1940 года. Более того, старые демократические и финансовые режимы страстно желали как можно быстрее приспособиться к господству Рейха!

Среди тех, кто возмущался Гитлером в 1939 году, слишком многие пожелали броситься к его ногам в 1940-м. Это были лидеры левых партий, финансовые магнаты, владельцы крупнейших газет, министры-масоны, бывшее правительство — все они с льстивыми улыбками искали возможности стать коллаборационистами.

Разве можно было отдать страну во власть дискредитированных призраков старых партий, гангстеров финансовых империй, чьим единственным богом оставалось золото, бандитам, лишенным ума и достоинства, жаждущим только набить свой кошелек?

Эту тяжелую проблему следовало решить как можно быстрее. Почти все обозреватели полагали, что Германия одержала полную победу. Необходимо было изменить точку зрения. Можем ли мы, опасаясь ответственности, позволить стране безвольно плыть по течению?

В течение нескольких недель я размышлял об этом.

Только запросив и получив у короля разрешение, я возобновил издание газеты рексистов.

Однако бельгийский коллаборационизм, который возник в конце 1940 года, пошел в неверном направлении. Было совершенно понятно, что немецким оккупационным властям больше нужны капиталисты, чем идеалисты. Никто не мог точно понять, что именно требуется Германии.

Король бельгийцев Леопольд III желал выяснить все более точно и разобраться во всем. Он попросил Гитлера принять его. Аудиенция была дана. Но король Леопольд вернулся из Берхтесгадена, ни в чем не преуспев и не узнав ничего нового.

Было ясно, что нашей стране придется ждать, пока установится мир. Но к тому времени может быть и поздно. Мы должны победить раньше, чем закончится война, чтобы получить право вести переговоры с Германией на веских основаниях. Как этого добиться?

Коллаборационизм внутри страны был не чем иным, как работой в окружении, собиранием обломков, бесконечной борьбой за влияние против непонятных второстепенных персонажей. Такая работа не только не принесет авторитет занимающемуся ей, но может только дискредитировать его.

Я не попался в эту ловушку. Я следил и искал другой вариант. Внезапно в июне 1941 года я получил свой шанс: Германия начала войну против Советского Союза.

Это была уникальная возможность, возможность завоевать уважение немцев в бою, завоевав славу. В 1940 году мы были побеждены, наш король стал пленником.

В 1941 году нам представилась возможность стать товарищами своих завоевателей. Все зависело от нашей отваги. Наконец мы получили возможность завоевать престиж, который позволит нам в момент реорганизации Европы говорить с высоко поднятой головой от

имени своих героев, от имени своих павших, от имени своей нации, которая принесла в жертву свою кровь.

Во время нашей борьбы в бескрайних степях Востока мы желали исполнить свой долг перед Европой и христианством. Но, мы говорим об этом прямо, мы с первого дня заявили об этом прямо и громко, мы приносили в жертву свою юность ради будущего нашей нации в могучей и спасенной Европе. Именно ради этого погибли тысячи наших товарищей. Именно ради этого тысячи мужчин сражались четыре года, страдали четыре года, поддерживаемые этой надеждой, ведомые этом желанием, укрепляемые уверенностью, что добьются своей цели.

Рейх проиграл войну, но ведь он также мог и выиграть ее.

До 1945 года победа Гитлера оставалась возможной.

Я уверен, что если бы Гитлер стал победителем, признал бы право нашей нации на жизнь и величие, право, которое приобретает медленно и трудно, кровью тысяч бельгийских добровольцев.

Эти люди вынесли два года эпической борьбы, прежде чем привлекли внимание Рейха. В 1941 году бельгийский антибольшевистский Валлонский легион отправился на фронт, никем не замеченный. Наши солдаты должны были дать множество примеров отваги, тысячи раз рисковать жизнью, делая имя своей страны легендой. В 1943 году наш легион добровольцев стал известен всему Восточному фронту своим идеализмом и бесстрашием. В 1944 году он достиг пика своей славы во время битвы вокруг Черкасс. Немецкий народ, более чем другие, ценит мужество солдата. Наше признание в Третьем Рейхе было уникальным, нас ценили выше, чем кого бы то ни было еще.

За время войны я видел Гитлера два раза, но мои визиты к нему ясно показали мне, что мы выиграли для своей страны. Пожимая мне руку в момент отъезда, Гитлер с волнением сказал мне: «Если бы у меня был сын, я хотел бы, чтобы он походил на вас». Как после всех сражений он мог отказать мне в праве моей страны жить в чести? Наши добровольцы достигли своей мечты, в случае победы немцев они помогли бы возрождению нашего народа и повели бы его к величию.

Победа союзников временно сделала бесполезными усилия четырех лет войны, гибель наших мертвых и славу выживших.

После поражения мир приложил все силы, чтобы опозорить проигравших. Наши солдаты, наши раненые, наши инвалиды были приговорены к смерти или брошены в концентрационные лагеря. Победители не уважали ничего, ни чести воина, ни наших родителей, ни наши дома.

Но величие не может быть напрасным. Добродетели, проявившиеся в страданиях и жертвах, сильнее ненависти и смерти. Точно так же солнце изгоняет ночную тьму, чтобы воссиять с новой силой.

Будущее принесет больше, чем просто реабилитацию. Оно не только приведет к признанию героизма солдат, сражавшихся на Восточном фронте, все поймут, что они были правы. Они были правы, потому что большевизм — это отрицание любых ценностей. Они были правы, потому что объединенная Европа, за которую они боролись, была единственной и, вероятно, последней возможностью выживания чудесного континента, прибежища человеческой радости и страстей, едва не уничтоженного вихрем смерти.

Настанет день, когда люди пожалеют о поражении в 1945 году защитников и строителей новой Европы.

И в ожидании этого дня я намерен рассказать правдивую историю — историю их сражений, их испытаний, рассказать о том, как они отдавали сердца этой борьбе.

Эпическая история бельгийских добровольцев — всего лишь одно подразделение среди сотен — на огромном русском фронте включает и солнечные дни великих побед, и черные дни великих поражений, поражений, привнесенных внешними обстоятельствами, но поражений, с которыми они не смирились.

Именно там, в бескрайних степях, родились **люди**.

И ты читатель, друг или враг, увидишь, как они вернутся к жизни, потому что мы жили в те времена, когда нужно было долго искать **настоящих** людей, а они были именно такими. Это ты увидишь собственными глазами.

Леон Дегрель

Глава 1

Бросок на Украину

День 22 июня 1941 года начался, как всякое другое прекрасное летнее воскресенье. Я вообще ни о чем не думал, когда включил радио, но внезапно несколько слов заставили меня оторопеть. Войска Третьего Рейха пересекли европейскую границу СССР.

Кампания в Польше, кампания в Норвегии, кампания в Нидерландах, в Бельгии и Франции в 1940 году, кампании в Югославии и Греции весной 1941 года были только предварительными операциями или вообще ошибочными. Настоящая война, в которой решалось будущее не только Европы, но и всего мира, только начиналась. Это больше не была война за границы или интересы. Это была религиозная война. И, как все религиозные войны, она должна была стать беспощадной.

Прежде чем бросить свои танки в степь, Рейх попытался прибегнуть к обходным маневрам, как затаившийся кот.

В 1939 году национал-социалистическая Германия выполняла беспрецедентную программу. Она восстанавливала себя столь беспрецедентными темпами в громе и блеске вспышек таких катаклизмов, что вся Европа и весь мир содрогались в ужасе. Если бы в это время все ее враги на Западе выдвинулись к Рейну, и в то же самое время большевики начали бы наступление в Восточной Пруссии, они могли бы просто удавить Гитлера. Он любил повторять раз за разом, что кайзер Вильгельм II проиграл Первую мировую войну только потому, что не сумел избежать войны на два фронта. Он намеревается поступить умнее. Но мы еще увидим, как однажды на руинах рейхсканцелярии в Берлине встретятся не только шотландец и мужик, но также черномазый из Гарлема и дикий киргиз из азиатских пустынь...

В августе 1939 года накануне Польской кампании Гитлер в последнюю минуту сумел вывернуться из стратегической удавки.

Сталин имел много причин дружить с национал-социалистами, его сотрудничество с «демократиями» было еще в будущем. Лондон и Париж с огромным треском отправили в Москву военные делегации. Но в то же самое время в обстановке строжайшей секретности Гитлер сумел ослабить петлю.

Сталин, как и Гитлер, играл очень умело. Он был заинтересован в том, чтобы плутократические демократии и национал-социализм истощили друг друга, так как ненавидел обоих. Чем больше они подорвут свои силы в борьбе, тем легче коммунистам будет добиться своих целей. Сталин вел свою партию с азиатской хитростью, как главарь международной банды, уверенный в своих людях. Он даже мог позволить себе для видимости заключить союз с Третьим Рейхом: во всем мире дисциплина коммунистов была железной.

Эффект необычайной солидарности дал о себе знать. Англия и Франция превратили войну в мировую после того, как Гитлер вторгся в Польшу. Сталин сделал то же самое 15 дней спустя, но ни одна из союзных держав не посмела вмешаться.

Таким образом советский лидер совершенно безнаказанно нанес удар в спину сражающейся Польше и аннексировал треть территории несчастной страны. Англия и Франция, столь озабоченные ранее территориальной целостностью Польши, не посмели объявить войну СССР.

Это моральное и военное отречение от своих обязательств вселило уверенность в коммунистические банды по всей Европе. Демократии испугались Сталина! Они отступили перед ним! То, что было нестерпимо у Гитлера, оказалось вполне терпимо у русских!

«Демократии» пожертвовали моралью, принципами, самоуважением из опасений сделать союз Гитлера и Сталина еще прочнее. Они также опасались саботажа, который могли начать или уже начали коммунистические партии по всей Европе. Как всегда сиюминутные интересы взяли верх над другими соображениями.

В действительности «маленькая война» длилась всего 15 дней. Начиная с сентября 1939 года у союзников имелась только одна идея: не спровоцировать СССР, начать заигрывать со Сталиным, несмотря на его агрессию в отношении Польши.

Сталин смог резко увеличить свои требования, чтобы покончить с независимостью Литвы, Латвии и Эстонии, отобрать Бессарабию у

Румынии. Для союзников было важно только одно: позволить русским сменить сторону. Менее чем через два года это им удалось.

Германия в 1939 и 1940 годах выиграла битвы в Польше, Норвегии и на Западном фронте. Однако она вела войну уже более 500 дней, не сделав одной очень важной вещи: не совершив победоносной высадки в Англии.

Англия со своей стороны точно так же не могла высадиться на континенте: Черчиллю пришлось готовить эту высадку несколько лет.

Поэтому курс Сталина был совершенно очевидным. Он шел на конфронтацию с Рейхом. Особенно это стало заметно на Балканах.

Игра становилась все более осторожной.

Немцы уже протянули свои лапы к Бухаресту, Софии и Белграду. В марте 1941 года Югославия импульсивно разорвала договор с Рейхом, заключенный всего 8 дней назад, что привело к роковым последствиям. Большевики, которые тайно подстрекали к такому поступку и которые хотели чуть больше, чем просто сместить британского ставленника короля Петра, публично объявили о поддержке югославского правительства.

Но в результате через две недели немецкие танки прошли по улицам Белграда, Сараево, Салоник и Афин. Парашютисты маршала Геринга заняли остров Крит. Однако даже после этого советско-германские отношения еще не были разорваны. Союз с Рейхом имел для Сталина практическое значение. Он принес ему все, что Сталин ожидал: окровавленный кусок Польши, три прибалтийские страны, некоторые важные территории в Финляндии, великолепную Бессарабию.

Фашистский лимон был выжат досуха. Пришло время браться за второй лимон: так называемые «демократии». Мы знаем, какого рода сок дал большевикам этот фрукт к 1945 году: оккупацию территорий в Европе и Азии, на которых проживали 200 миллионов человек. Красная Армия обосновалась в Тюрингии, на Эльбе, у ворот Любека, в Петсамо, в Маньчжурии, Корее и на Курильских островах!

Югославский переворот стал доказательством наличия интересов СССР на Балканах, а весной 1941 года русские развернули военные приготовления. Все это не оставляло у Гитлера сомнений в амбициях Сталина. Чем больше он будет ждать, тем вероятнее его атакуют. Чтобы сосредоточить свои силы на востоке, он временно отложил план

вторжения в Англию. Гитлер пытался разными способами найти хоть какой-то вариант мирного разрешения конфликта между Германией и Соединенным Королевством. Но было уже слишком поздно для этого. Англичане больше не были расположены прекращать борьбу, однажды начавшись, она уже не могла быть остановлена.

В течение двух лет каждая страна хладнокровно подсчитывала, придерживаясь своего исконного национального эгоизма и соблюдая собственные интересы. В конце концов, все пришли к совершенно одинаковым заключениям.

Русские, умело подталкиваемые Англией и прищипываемые новыми соблазнами, намеревались напасть сами, раньше или позже — неважно. Немцы, чувствуя, что жребий брошен, решили согласиться с неизбежным. 22 июня 1941 года началась битва не на жизнь, а на смерть между национал-социалистическим Рейхом и советской Россией: два империализма, две религии, два мира, протянувшихся по степям на восток.

Основные богатства Англии, отделенной от остальной Европы морем, были рассеяны по всему миру, поэтому она не могла в полной мере оценить важность дуэли. Она отреагировала, думая о своих ближайших интересах — облегчить блокаду островов, а не о судьбе, которая ждет Европу в день победы большевиков.

Наоборот, для нас, населения Европейского континента, эта борьба стала решающей.

Если победу одержит национал-социалистическая Германия, она получит господство на востоке над огромными территориями, пространство для расширения прямо от своих границ, связанное с метрополией железными дорогами, реками и каналами. Немцам придется осваивать эти территории. Великий Германский Рейх полностью возродится, имея замечательную социальную структуру, он обогатит новые территории, простирающиеся от Северного моря до Волги. Он будет обладать невероятной мощью, неслыханной притягательной силой и предложит двадцати миллионам человек, теснящимся на старом континенте, такие возможности для прогресса, что эти территории станут исходной точкой для создания Европейской федерации, о которой мечтал Наполеон, которую описывал Ренан и которую воспевал Гюго.

Если же, наоборот, верх возьмут коммунисты, кто в Европе сможет им противостоять, когда рухнет германский бастион? Польша, истекающая кровью? Безумные Балканы, обманутые, оккупированные, порабощенные? Обескровленная Франция, которая противопоставит красивые речи двумстам миллионам мужиков и большевистской идеологии, возвращенной на победных лаврах? Греция, Италия, болтливые и очаровательные, со своим нищим населением, привыкшим греться на солнце, словно ящерицы? Винегрет мелких европейских народов, ошметки тысячелетней гражданской войны, каждый из которых не наскребет и сотню танков? Большевики разгромят Рейх, и тогда Сталин взгромоздится на тело Европы, которая, утратив все силы сопротивления, будет готова подвергнуться насилию.

Естественно, позднее западные державы попытаются спасти советизированную на три четверти Европу. Бывшие союзники придут в ужас, потому что СССР перестанет довольствоваться тем, что лежит поблизости, и едва закончится Вторая мировая война, он протянет свои жадные лапы к Тихому океану, Китаю, Персидскому заливу, Средиземному морю, Суэцкому каналу, угрожая колониям, сырью и огромным многонациональным трестам.

Но даже тогда англо-американцы не будут пытаться спасти Европу ради Европы. Они будут рассматривать Запад всего лишь как исходный плацдарм, с которого они будут защищать свой собственный империализм и противостоять империализму советскому. А в случае необходимости с помощью атомного оружия они легко превратят этот плацдарм в выжженную пустыню.

Мы, сыны Европы, думали о жизни Европы. Каково бы ни было наше мнение относительно причин, по которым началась война, какие бы сожаления о прошлом мы ни питали, какова бы ни была горечь от иностранной оккупации наших стран, каждый из нас понимал, что сейчас не время думать о приятных или неприятных моментах, пережитых с 1939 по 1941 год в той или иной стране. Сейчас на карте стояла судьба Европы.

Это объясняет совершенно необычайное, спонтанное движение, которое увлекло множество энергичных молодых людей от Осло до Севильи, от Антверпена до Будапешта. Они покинули свои родные дома в Ютландии и Анжу, в Арденнах и Пуште, в Лимбурге и Андалусии не для того, чтобы служить интересам Германии. Они намеревались защищать две тысячи лет древнейшей цивилизации. Их вдохновляли базилика Флоренции и собор Реймса, Алькасар в Толедо и колокольня Брюгге. Они умирали тысячами не за германский новый порядок, но за свои старые страны, за Европу, Европу Вергилия и Ронсара, Европу Эразма и Ницше, Рафаэля и Дюрера, Европу Св. Игнатия и Св. Терезы, Европу Фридриха Великого и Наполеона Бонапарта.

Свой выбор между старинной Европой и советским нашествием со всеми его ужасами они сделали сразу и без колебаний. Новое поколение со всей Европы решило бороться. Белокурые гиганты из Скандинавии и Прибалтики, венгерские мечтатели и усатые смуглые румыны, темпераментные хорваты, эксцентричные и сентиментальные итальянцы, испанцы с горячими черными глазами, добродушные французы, датчане, голландцы, швейцарцы — все поспешили на битву за Европу. Здесь были все нации. Мы видели даже нескольких английских добровольцев, всего десяток или целый десяток — как хотите.

Тысячи бельгийцев записались сообразно языку либо во Фламандский, либо в Валлонский легионы. Сначала они образовали два батальона, затем в 1943 году — две бригады, наконец в 1944 году — две дивизии: Валлонскую дивизию и Фламандскую дивизию «Лангемарк».

В течение 46 месяцев я был одним из этих европейских добровольцев, пережил вместе со своими товарищами величайшие и ужаснейшие события. В течение двух лет мы стояли на пороге Азии, затем началось бесконечное отступление от Кавказа до Норвегии. Мы пережили неслыханный экстаз наступлений в 1941 и 1942 годах,

горькую славу поражений и изгнания, пока, наконец, добрую половину Европы не захлестнули волны желторылого советского прилива.

Завоеванная Украина

В октябре 1941 года нам потребовались две или три недели, чтобы совершить путешествие от границ Рейха на фронт.

Мы проехали через Лемберг, он же Львов, где все брички были украшены желто-голубыми украинскими флажками. Едва мы выехали в сельскую местность на юго-западе, то сразу смогли оценить размеры военных катастроф, которые обрушились на Россию. Сотни бронемашин стояли вдоль дорог. Каждый перекресток был забит горелым металлом.

Этот спектакль продолжался около получаса, потом свидетельства сражений исчезли. Мы ехали по центральной Украине, не пострадавшей Украине, и видели сотни огромных стогов сена, длинных, словно дирижабли. Они стояли на грязных полях.

Мирные деревни, рассеянные там и тут, с избами, выкрашенными в белый или бледно-голубой цвет, и соломенными крышами. Каждый крошечный домик прятался в рощице молодых вишневых деревьев.

Стены изб были сделаны из глины, но местные художники вырезали примитивные скульптуры птиц, цветов, животных и украшали ими оконные ставни. Эта деревянная резьба была раскрашена яркими красками. Окна были с двойными рамами, герметически закрытыми, разделенными деревянной доской шириной в ладонь, на которой лежали на шерстяной пряже маленькие стеклянные безделушки, апельсины и томаты, сделанные из раскрашенной глины.

Перед избами стояли большие девочки. Их белокурые волосы были заплетены синими и красными лентами. Они были одеты в платья из грубого полотна и потому походили на жительниц Лапландии. В высоких сапожках казачьего типа они спокойно шлепали по грязи среди хрюкающих свиней.

Поезд должен был остановиться на несколько часов прямо посреди поля или перед разрушенной деревней. Мы покупали цыплят, которых варили в кипятке, полученном от паровозного котла. Некоторые молодые украинцы с гордостью демонстрировали нам свои познания в немецком языке. Но в их учебниках на первой странице

красовались слова: «Сталин — величайший человек в мире». Но в конце учебника фразу уже исправили, и теперь она выглядела как: «Гитлер — величайший человек в мире». Но школьников, судя по всему, это не слишком волновало.

* * *

Некоторые встречи дали нам представление о масштабах побед, одержанных в сентябре и октябре 1941 года. Мы видели составы, перевозившие в Рейх огромные толпы пленных.

На каждой остановке мы бежали посмотреть на вагоны с пленными. Мы в удивлении таращились на огромных волосатых мужчин с маленькими, блестящими кошачьими глазами. Среди них было много азиатов. Их набивали по 80 и даже по 100 человек в вагон.

Однажды ночью на остановке нас разбудили ужасные крики. Мы поспешили открыть двери вагона, набитого пленными. Азиаты, голодные как пираньи, дрались между собой, вырывая куски мяса чуть ли не изо рта. И это было человеческое мясо! Пленные дрались вокруг останков мертвого монгола, которого разрезали на куски с помощью жестянки от консервной банки. Наверняка некоторые пленные решили, что их обделили при раздаче мяса. Обглоданные кости они выбрасывали наружу через окошки. Эти окровавленные объедки валялись на насыпи вдоль вагона.

Мы позднее узнали, что сотни тысяч пленных, собранных таким образом, были вынуждены стоять на ногах до трех недель. Питались они лишь тем, что можно было найти рядом с путями. Многие из этих азиатов были привезены прямо из диких степей, они предпочитали глотать ребра калмыков или татар, но не умереть с голода. На одной из станций я видел, как несколько пленных рылись в земле. Они вытаскивали красных извивающихся червяков длиной около шести дюймов и глотали их. Эти пожиратели червяков даже причмокивали от удовольствия.

Однажды утром мы прибыли на реку Буг, но большой металлический мост лежал на дне реки. Нам пришлось выгружать весь свой багаж и расположиться лагерем в городе Первомайск.

Здесь мы получили очередные новости с фронта. Наступление больше не было столь стремительным, как могло показаться наблюдателям на железной дороге. Наоборот, продвижение немцев заметно замедлилось. Не была взята Москва, не был взят Ленинград, на фронте под Ростовом ситуация была довольно запутанной. Оптимизм все еще был очень велик, но кое о каких вещах люди предпочитали помалкивать. Немцы в Первомайске вскользь жаловались на трудности, которые испытывали дивизии, оказавшиеся в тысячах километров от границ Рейха.

Глядя на грязь, мы думали о бескрайнем месиве, которое отделяло наступающие армии от бывших баз. Лишь одна дорога связывала Первомайск с Днепром. Несколько грузовиков, пытавшихся проехать по ней, увязли в трясине по оси. Грязь была черной и густой, как смола. Самые сильные моторы оказывались бессильны.

Железнодорожные линии были не в лучшем состоянии. Судя по всему, их не ремонтировали с царских времен. Поезда ползли вперед мучительно медленно, рельсы поднимались и опускались, словно морские волны. Движение было умеренным, хотя вагоны переставляли на широкую колею очень быстро. Пересадка из одного состава в другой еще больше ухудшала положение. Когда мы прибыли к Бугу, нам пришлось пешком спуститься на дно долины, а затем снова подниматься, совершив обход в несколько километров по грязи. В качестве тропы использовалась сама река — люди маршировали по колено в воде. Так как все мосты были взорваны, всю помощь армиям на юге приходилось доставлять таким образом.

Наступая на восток, немецкие армии играли в азартную игру. Если бы затея Гитлера увенчалась скорой победой, положение на Восточном фронте удалось бы консолидировать относительно быстро. Немцы, всегда считавшиеся гениями организации, могли развернуть войска, чтобы наладить тыловые коммуникации, отремонтировать и улучшить железнодорожные линии, восстановить мосты — и все в течение считанных месяцев. Это помогло бы предотвратить катастрофу.

К несчастью для Рейха, война не закончилась так быстро, как рассчитывало Верховное командование. Дивизии еще пытались

двигаться вперед, но осенние дожди сделали степь непроходимой. Боеприпасы, бензин, подкрепления тратили недели, чтобы преодолеть русские просторы.

Прикованная к месту армия очень уязвима. Приближалась зима. В 1812 году именно в это время года Наполеон был вынужден принять роковое решение об отступлении из Москвы.

Однако армии Рейха были намерены остаться в России. Причем это была не попытка удержать отдельный удаленный пункт, как было у французского императора. Вместо этого немцы собирались удержать фронт длиной 3000 километров от Белого до Черного моря.

Мы смотрели на пустые вокзалы, взорванные мосты, грузовики, утонувшие в грязи, и не могли не думать о сотнях тысяч солдат, сражающихся в России, которые намеревались совершить то, на что не отважился Наполеон: удержать позиции, несмотря ни на что, среди степей, имея перед собой врага, а позади пустыню. Ну а вдобавок с неба валил снег, и лед глодал их тела и души...

Тем не менее все верили в безошибочность германского Верховного командования, а потому мы не могли долго предаваться тяжелым мыслям. Война еще может закончиться до того, как наступят самые жестокие холода. Но даже если нет, все это предусмотрено, как всегда было ранее...

Мы пересекли затопленную долину Буга и погрузились в другой состав. Днем степь оставалась спокойной, однако ночью наши поезда обстреляли. Однажды утром мы заметили тела советских солдат вдоль насыпи. Когда-то они пытались атаковать, но теперь их скрюченные тела лежали в снегу.

Вода начала замерзать, и нам приходилось раскалывать лед в колодцах по утрам, чтобы умыться.

Мы ехали 17 дней, находясь по 40 человек в вагоне. Рано утром 2 ноября мы пересекли большой противотанковый ров, врезанный в красно-коричневый склон холма.

Поезд начал спускаться вдоль бесконечных стен сгоревших заводов. Это было чудесное зрелище: могучий голубой поток, купающийся в солнечных лучах, внезапно появился, сверкая, перед нашими глазами: это был Днепр, имевший ширину более километра.

Днепропетровск

Между Галицией и Днепром боев практически не было. После захвата города Лемберга бой на окружение Балты решил судьбу прекрасной украинской равнины, где росли кукуруза и пшеница, где стояли большие белые и голубые деревни, затерявшиеся среди тысяч вишневых деревьев. Немецкие танки без всяких проблем дошли до Днепропетровска.

Битва на окраинах города была жестокой. Только на одном кладбище возле вокзала появились более 600 немецких могил. Целые улицы были сожжены. Однако город был по-прежнему прекрасным. Проспект Карла Маркса, сразу переименованный в Адольф Гитлер штрассе, пересекал город из конца в конец, широкий, как Елисейские Поля.

Война перешагнула реку. Ее обличье, проявившееся, когда немецкие войска вошли в густонаселенные районы, имело вид скорее комический, чем трагический. Длинные ряды людей, мертвецки пьяные, лежали вдоль канав, по которым текли потоки водки, ведь большевики, отступая, разбили хранилище. Пьяные черпали алкоголь даже из грязи, а потом, упившись, валялись пузом кверху, ожидая прибытия победителей.

В Днепропетровске сталинский режим вел грандиозные строительные работы. На нас все это произвело впечатление еще в пригородах, когда мы увидели огромные кирпичные дома, построенные большевиками для рабочих. Они выглядели вполне современно. Здания были огромными, и их было очень много. Несомненно, что большевики делали кое-что для рабочих. Если нищета крестьян была ужасающей, рабочие, по крайней мере, получили кое-какие выгоды в новые времена.

Однако было необходимо посетить эти здания и рассмотреть их внимательно. Мы жили шесть месяцев в Донецком бассейне. У нас оказалось достаточно времени, чтобы проверить выводы, которые мы сделали, впервые войдя в Днепропетровск. Здания, столь внушительные издали, на самом деле оказались гигантским обманом

для глупых туристов, которых привозил сюда «Интурист», и операторов документальных фильмов.

Если подойти поближе к этим зданиям, то чувствовалось ужасное зловоние, которое поднималось от гигантских луж грязи и дерьма, окружавших каждый дом. Вокруг них не было ни тротуаров, ни щебенки. Русская грязь была повсюду, и повсюду стены облупливались и трескались. Балконы шатались, цементные лестницы были выщерблены, хотя здания простояли всего несколько лет.

На каждом этаже имелись несколько квартир, которые были выбелены и располагали крошечными кухнями, рассчитанными на несколько семей. Электрические провода были собраны в пучки. Внутренние стены были сделаны из гипса и трескались при попытке забить в них гвоздь.

Как правило, в домах не было воды. Пролетарии, не умея пользоваться коммунальными удобствами, облегчались вокруг зданий, превратив район в огромную выгребную яму. На морозе дерьмо застыло, но при каждой оттепели снова начинало смердеть. И в результате эти многоэтажные дома были еще менее пригодны для жизни, чем жалкие избы, в которых, на богатейшей в Европе почве, прозябали в нищете миллионы русских крестьян. Они были одеты в лохмотья, ели из глиняных мисок грубыми ложками, вырезанными из дерева.

75 процентов наших солдат были ремесленниками. Многие из них в свое время поддались советской пропаганде. Теперь они стояли, разинув рты, при виде грязи и убожества, в которых жил русский пролетариат. Они трясли головой, отгоняя видение, и были вынуждены посмотреть дважды, чтобы поверить собственным глазам.

Гитлер поставил опасный эксперимент. Сотни тысяч германских рабочих были мобилизованы и посланы на Восточный фронт, и они могли сделать опасные сравнения, если бы коммунисты действительно сделали что-то серьезное для своих рабочих.

Напротив, мысли немцев возвращались к уютным домам в Германии, к их комфорту, семейным садикам, клиникам и родильным домам, приятному отдыху, оплаченному отпуску, восхитительным круизам по Скандинавии и Средиземноморью. Они вспоминали своих жен и детей, здоровых и прекрасно одетых. Глядя на оборванных

русских, на их жалкие избы, квартиры мрачных и рахитичных рабочих, они делали совершенно ясные выводы.

Никогда еще немецкие рабочие не совершали столь поучительного путешествия.

Четыре года спустя это сопоставление сработало в обратную сторону: советские солдаты возвращались домой, разграбив Восточную Европу — часы, ювелирные изделия, одежда. Они были поражены комфортом в некоммунистических странах и разочарованы «раем» деревянных ложек, заплатанной одежды и кучами говна вокруг домов-бараков.

По прошествии трех дней мы получили приказ выступать дальше. Ближе к утру мы должны были переправиться на левый берег Днепра и войти в прифронтовую зону.

В 18.00 наш легион собрался на террасе, возвышавшейся над рекой. До нас долетал мощный шум воды, и я вышел вперед, чтобы еще раз напомнить своим товарищам об их долге, как европейцев, патриотов и революционеров. Странные чувства овладели нами. Кто из нас вернется обратно?

В полночь мы построились в колонны.

Имелся лишь один путь через реку — деревянный мост длиной 1300 метров. Его несколько раз разрушали советские авиация и артиллерия. Сильные зенитные батареи прикрывали оба конца моста, так как он был единственной ниточкой, связывающей тыл с южным участком фронта. В черной речной воде мелькали бесчисленные куски льда, похожие на легендарные лотосы. Остовы затонувших кораблей торчали над водой.

Мы поспешили через реку, навстречу войне. Все солдаты мрачно молчали.

Фронтальная грязь

Тот, кто не осознает важности грязи в России, не сможет понять, что происходило в течение четырех лет на Восточном фронте. Русская грязь — это не только лекарство, которое каждую весну возвращает степь к жизни, она также является естественным препятствием, во много раз более эффективным, чем снег и лед.

Еще возможно как-то взять верх над холодом и двигаться вперед при температуре 40 градусов ниже нуля. Но русская грязь непобедима. Ничто не властно над ней, ни человек, ни природа. Она господствует в степи несколько месяцев в году, пока яростное солнце не высушит ее, а земля от жара не начнет трескаться. Но грозные тучи возрождают грязь каждые три недели. Грязь очень скользкая, потому что почва пересыщена маслянистыми веществами. Весь район буквально плавает в масле. Вода не течет, а стоит, грязь липнет к ногам людей и животных.

Выгрузившись на берегах Буга в октябре, мы уже удивились при виде грузовиков, наполовину утонувших в черной трясине. Но мы не оценили весь ужас ситуации, пока сами не вступили в эту трясину на юге Украины.

* * *

Дальше Днепропетровска поезда не ходили. Мосты обрушились, рельсы были взорваны.

В октябре 1941 года немецкие войска на большой скорости продвигались по Донецкому бассейну, оставляя в тылу обширные регионы, которые с началом сезона дождей превратились в черные дыры, физически недоступные. Подразделения, которые ранее двигались со стремительностью пули, на несколько месяцев увязли в борьбе с 300-километровым болотом, отделявшим их от Днепропетровска.

Сталина спасли 15 дней. Если бы солнечная погода простояла еще 15 дней, немецкие конвои со снабжением добрались бы до фронта. Но

Сталина, оказавшегося на грани гибели, спасла всепобеждающая грязь, которая остановила его солдат и пушки в шаге от цели.

Гитлер разгромил миллионы советских солдат, уничтожил их авиацию, их артиллерию и танки, однако он ничего не смог сделать с ударами, которые сыпались с неба, напав водой огромную маслянистую губку под ногами солдат, колесами грузовиков, траками танков. Величайшая и самая быстрая в истории победа на своей последней стадии увязла в грязи. Грязь и только грязь, в первую очередь грязь, старая, как мир, более мощная, чем стратегия, чем золото, чем ум и гордость человека.

Наш легион прибыл на Украину как раз вовремя, чтобы вступить в бой — точнее, вступить в борьбу с врагом.

Но борьба без славы, изматывающая борьба, борьба, сбивающая с толку, борьба разочаровывающая, хотя она придавала мужество тысячам советских солдат, которых немецкие танки расшвыривали во все стороны буквально пару недель назад.

Сначала они, как и французы в 1940 году, верили, что все потеряно. Все указывало на это. Они боялись и потому стремились спрятаться. Затем начались дожди. Из тополевых рощ и гнилых изб, которые скрывались среди деревьев, партизаны могли видеть, как отборные войска Рейха, которые ранее произвели на них такое впечатление, утратили свою непобедимость. Их грузовики потерпели неудачу, их танки потерпели неудачу. Русские могли слышать, как водители в бессильной злости проклинали свои моторы. Бесновались мотоциклисты, неспособные вытащить свои машины из грязи. Понемногу перепуганные русские вернули себе уверенность.

Грязь подарила им передышку и позволила организовать сопротивление, которое стало эффективнее, потому что немецкая армия продемонстрировала свою уязвимость, невыносимую еще неделю назад, когда ее танковые колонны сверкали на солнце. Грязь превратилась в оружие. Снег стал еще одним оружием. В течение шести месяцев не произошло ничего особенно серьезного. Шесть месяцев отсрочки приговора, когда плечи борца едва не были

припечатаны к ковру... До мая 1942 года этого было достаточно, чтобы сковать силы Рейха, которые, побежденные природой, мечтали только отсидеться спокойно до лучших времен. Партизаны уже организовали свои отряды в тылу немецких дивизий, беспокоили подобно комарам на болоте, больно жалили и стремительно исчезали сразу после укуса.

Мы мечтали об эффектных битвах. Но теперь мы узнали настоящую войну, войну против усталости, войну с предательской, засасывающей трясинной, ужасными условиями жизни, бесконечными болотами, ночами проливных дождей и пронизывающих ветров.

Мы прибыли на фронт после окончания летнего наступления, когда армии Гитлера увязли в чудовищном болоте, когда партизаны появлялись из-за каждой роши и ставили свои ловушки повсюду.

Именно партизаны начали бои после Днепропетровска. В теории фронт находился в 200 километрах от Днепра. В действительности он начинался в 50 метрах от дороги. Буквально в паре километров от Днепра тысячи партизан укрывались в еловых лесах, растущих на берегах реки Самары. По ночам взлетали на воздух соседние мосты, отдельных солдат убивали, вспыхивали таинственные пожары. В ночь нашего прибытия в большой заводской поселок Новомосковск загорелся гараж, в котором стояли 90 грузовиков вермахта, и осветил весь населенный пункт.

Этих опасных налетчиков следовало изловить и уничтожить. Наш легион получил приказ выдвинуться на запад, юго-запад и юг от этого лесного убежища противника.

Когда мы пересекли полосу грязи, которая отделяла нас от деревьев, то были вымотаны до предела адской борьбой. Каждый метр грязи стал непреодолимым препятствием.

Вся местность вокруг была черной, как смола, причем повсюду стояла вода. Не светило ни одно окно на фермах. Мы падали в ямы, полные грязи, роняли оружие и на ощупь искали его. Вода поднималась до середины бедра. Ямы были такими опасными, что нам приходилось связываться веревками по три человека, чтобы можно было быстро вытащить товарища, попавшего в беду.

Мы потеряли около 20 часов, пересекая эти адские километры. В конце концов все оказались перемазаны с ног до головы. Свои вещи нам пришлось бросить в воде. Наконец мы натолкнулись на несколько заброшенных изб. Мы развели костры из соломы и досок, отодранных со стен. Вся наша одежда пропиталась грязью. Наши тела покрылись липкой слизью. Наша кожа стала какой-то непонятно серой.

Довольно долго мы пытались оттереться клочками сена, но разочарованные, грязные, вонючие остались ждать наступления утра, задыхаясь в клубах едкого дыма.

Вот такую борьбу вели тысячи солдат на фронте длиной 3000 километров, превратившемся в сплошную полосу навоза и слизи.

Встревоженные, измученные, мы должны были сражаться с врагом, находившимся впереди нас, позади нас и вообще со всех сторон. Грязь подорвала наш дух. Самые слабые просто падали в изнеможении.

Во время первой фазы боя один из наших солдат попал в трясины, так что торчать осталась лишь голова. Полностью потеряв мужество, он выстрелил себе в рот из винтовки.

Земля имела свои укрепления. Старая русская земля, по которой шагали завоеватели, использовала свое естественное оружие, она сама защищала себя, сама мстила.

Первое возмездие настигло нас дождливой осенью 1941 года, когда мы увидели лужи красной крови на черной, липкой, скользкой грязи.

Деревня

Деревню Карабиновка, где мы провели почти три недели, стараясь нейтрализовать действия партизан, пересекала, как и все остальные русские деревни, бесконечная сельская дорога шириной около 50 метров. По обеим ее сторонам стояли избы, изгороди, дощатые заборчики и вишневые сады.

Разбросанные там и сям соломенные крыши домов проседали под собственной тяжестью, и дома всюду были одинаковыми, если не считать цветов, в которые их раскрасили хозяева. В дом можно было попасть через крошечные черные сени, либо ты сразу попадал в общую комнату. Тебя приветствовала удушающая жара, запах грязи, помидоров, дыхания и мочи, так как зимой молодые животные жили вместе с людьми.

Зимой в русских избах вряд ли остались свободными маленькие скамейки и грубые деревянные стулья. Взрослые поднимались только для того, чтобы задать корма свиньям, корове или овцам. Потом они возвращались с охапкой кукурузных или подсолнечных стеблей, которые они использовали, чтобы поддерживать огонь.

Печь выполняла множество функций. Здесь готовили еду, она согревала дом, на ней спала вся семья. Внушительный куб из кирпичей и глины занимал треть или половину комнаты и не доходил всего лишь на полметра до потолка. Два или три раза в день кто-нибудь подбрасывал дрова или ветки в топку. Вечером вся семья забиралась на печь. Отец, мать, дети теснились вместе и спали поверх грязных ковриков, укрывшись дешевыми тряпками, из-под которых торчал ряд босых пяток, плоских и грязных. Дети проводили на печи шесть или семь месяцев в году, словно обезьяны на деревьях. Их единственной одеждой была рубашка чуть ниже пояса. Они были жалкими и грязными, из носов постоянно текло. В России детская смертность была ужасающей, естественный отбор в первые годы жизни работал без всякой пощады.

Целый угол в избе был отведен иконам. Некоторые из них выглядели особенно красиво, они были написаны в XV или XVI веках. На заднем плане этих миниатюр изображались чудесные пейзажи:

зеленые и белые замки, изящные дикие звери. Очень часто изображался св. Георгий, убивающий дракона, или добрый седобородый св. Николай, либо Богородица с миндалевидными глазами, держащая младенца Христа, написанного в стиле итальянских примитивистов.

Иконы были украшены гирляндами зеленой и розовой бумаги. Крестьяне крестились по двадцать раз на дню, проходя мимо икон. Иногда перед ними лежала старая, грязная, обглоданная собаками Библия, несколько страниц из которой торжественно зачитывались вечером при дрожащем свете керосинки.

Эти люди никогда не ссорились между собой, только мечтательно смотрели вдаль.

В избах было полно зимних растений. Они имели большие маслянистые листья и вырастали до двух метров в высоту, почти до потолка, создавая некое подобие джунглей в душном жилище.

Во всех избах имелся хлев для скота, сделанный, как пристройка. Миллионы наиболее зажиточных крестьян, кулаков, давным-давно были сосланы в Сибирь, где им предстояло хлебнуть горя. Те, кто избежал ссылки, имели только одну корову, одну или двух свиней, дюжину овец и сколько-то кур.

Это была вся их собственность. Они ухаживали за своей скотиной очень тщательно. Телят и поросят уносили в тепло единственной жилой комнаты, когда наступали морозы.

Колхозы, где каждый был обязан служить режиму, вывозили почти всю пшеницу, кукурузу и масло. Благодаря этому грабежу Сталин сумел наладить производство танков и пушек для мировой революции. Крестьянину, обед которого состоял из пары вареных картофелин и луковицы, оставалось только молиться перед иконами с присущим ему фатализмом, глядя на святые изображения чистыми, но пустыми глазами.

* * *

Осень прошла. Исчезла влажность, и вечера стали сухими. Затем пошел снег. Подмораживало. Так началась великая русская зима. Деревья в пригородах засверкали, покрывшись тысячами сосуллек.

Небо стало голубым, белым и бледно-золотым. Солнце мягко сияло над ивами, окаймляющими озера. Однажды утром все население деревни отправилось к этим ближайшим озерам.

Озера были сплошь покрыты камышами, торчавшими словно копья высотой три метра, увенчанные коричневыми и розовыми плюмажами. Лед охватил их серые стебли. Крестьяне опробовали прочность льда, припорошенного снегом. Найдя его прочным, они отправились косить камыш.

Это была странная жатва. Под холодным ноябрьским солнцем крестьяне срезали высокие стебли, точно так же, как они жали пшеницу в июле. Срезанный камыш должен был пойти на крыши для коричневых изб.

Жатва проходила прекрасно. Тысячи маленьких крикливых воробьев с истошным чириканьем метались над берегом. Буквально за три дня озера опустели. Крестьяне вернулись домой и закрыли двери на всю зиму.

Наступило время зимней спячки. Пошел град, поцарапавший глиняные стены изб и переломавший ветви вишневых деревьев.

Глава 2

Зима на Донце

Советские «партизаны» представляли собой военные соединения особого рода. Они были нигде и в то же самое время повсюду. Днем они прятались в зарослях, залезали в стога, выглядывали из-за резных наличников окошек в деревенских избах, их наблюдатели молчаливо следили за каждым шагом врагов. Они отмечали наши склады и пересчитывали технику, уточняли наши дороги и пути, шпионили за нашими работающими саперами.

А ночью они взрывали мосты и поджигали машины. Со склонов холмов били пулеметные очереди. Мы бежали туда, но каждый раз опаздывали. Прибежав, мы находили только полинявшую шапку да отпечатки сапог. И ничего более. Лес бесшумно и бесследно поглощал беглецов.

Имея только одну роту, мы должны были прикрывать несколько километров шоссе от Днепропетровска до Сталино, а также несколько километров на краю леса, который находился в двух километрах от нашей деревни — два километра холмов, поросших кустарником, который трепал холодный ветер.

Наших посты были расположены в 300 метрах от деревенских изб. Мы держали там караулы, но у людей носы белели от снега, а руки коченели. Холод становился все более свирепым, а у нас не было совершенно никакой зимней одежды.

Однако мы не могли просто лежать в своих лисьих норах и ждать. Русские словно кошки проскальзывали между нашими постами по ночам. А если им удастся попасть на охраняемую территорию, они смогут сделать свое черное дело без всяких проблем. Поэтому половина наших сил постоянно патрулировала на пастбище между лесом и деревней.

Мы старались замаскироваться в снежных окопах, а наблюдатели пытались уловить малейшее шевеление, внимательно вслушивались в посвист ветра.

Мы коченели в норах, заносимых снегом. Наши зубы стучали, а эта бесконечная игра в прятки превращалась в настоящую пытку. Мы возвращались промерзшими до костей. Заледневшее оружие

приходилось отогревать возле костров из высохших стеблей подсолнухов.

Изо дня в день наше кольцо вокруг еловой рощи стягивалось все туже.

Дважды мы совершали дальние вылазки в чащу. Снег хрустел под ногами. Повсюду мы видели следы сапог. Однако ни одна ветка не шевельнулась, не треснул ни один выстрел. Партизанская война была войной внезапных ударов, а не открытых сражений.

Германские войска, расквартированные недалеко от нас, могли установить контакт с противником во время этих сухих звездных ночей. И тогда черные остовы изб появлялись на фоне золотых языков пламени, а красные могли попытаться отойти в нашем направлении.

Однажды они и появились где-то около 23.00. Лежа в снегу, мы открыли огонь из пулеметов. Очереди трассирующих пуль расцвели в ночи, словно букеты диковинных цветов. В течение часа над степью металась пылающая стрела. Наконец, убедившись в надежности нашего заграждения, красные вернулись в свои логова.

На северо-западной опушке леса на правом берегу Самары красные построили прочные бункеры.

Наши солдаты получили приказ атаковать вражеские позиции через замерзшую реку. Они попали под плотный огонь, как только подошли к берегу. Нашему подразделению предстояло пройти 25 метров стеклянного льда без всякого прикрытия под ураганным огнем. В этот день мы понесли серьезные потери, но бункеры были взяты, и красных вышвырнули на снег или вынудили бежать.

Русская земля приняла наших мертвых. Как много других еще падет мертвыми в снег или под сияющим солнцем, на Донце, на Дону, на Кавказе и в Эстонии? Эти первые багровые капли, рассеянные подобно лепесткам на снегу возле Самары, в своей несравненной чистоте были подобны первым лилиям и первым слезам.

Но мы были вынуждены оставить их могилы позади, потому что обязаны были догонять дивизию, которая спешила на фронт, точнее — на выступ в глубине Донецкого бассейна. В конце ноября, без перчаток, без зимних шапок, без полушубков, мы начали наш 200-километровый марш под ударами зимнего ветра, пронизывающего тонкие мундиры.

Ледяные дороги

В конце осени 1941 года лед совершенно изменил все дороги на Донце. Реки грязи превратились в реки застывшей неровной лавы. Грязь затвердела, в то время как сотни наших грузовиков продолжали перемешивать ее. Она затвердела и превратилась в сеть каменистых гребней высотой до полуметра, похожих на черный мрамор. Эти заграждения имели ширину от 20 до 30 метров, и их прорезали глубокие колеи.

Отправлять обычную машину по таким колеям было совершенно бесполезно. Пассажирский автомобиль разбил бы свой бензобак уже на первом километре. Только тяжелые грузовики и вездеходы с высоко расположенными осями имели шанс проехать по этой подмерзшей корке. Лишь они могли перебраться через расселины.

Для пехотинцев этот марш стал форменным страданием. Мы почти не осмеливались поднимать ноги, предпочитая скользить. Падения были болезненными, так как лед стал твердым, словно железо.

Нам приходилось держать оружие наготове, чтобы вступить в бой при первой же тревоге. В то время в снаряжение пехотинца входило до 30 килограммов металла, не говоря уже о трехдневном пайке на время перехода и обычных пожитках. Требовалось немало усилий, чтобы удержаться на пылающих ногах. Мы были вынуждены разрезать жесткие задники своих ботинок ножами, чтобы сделать их немного свободнее. Каждый из нас стискивал зубы, чтобы удержать стоны боли. Иногда человек падал, когда его нервы не выдерживали напряжения. Хрипящего, с лицом, покрытым льдом, его забрасывали в первый же проходящий мимо грузовик на кучу буханок с хлебом или ящики с боеприпасами. Затем колонна возобновляла свое мучительное движение по глянцево-черной земле.

Тем не менее пейзаж все-таки выглядел приятным. Широкая белая степь была испещрена сотнями тысяч серых стеблей подсолнухов.

Тучи воробьев, похожих на маленькие клочки шерсти, суматошно поднимались в воздух. Особенно красивым было небо, бледно-голубое, совершенно прозрачное и такое ясное, что мы легко могли различить даже отдельные ветви деревьев далеко на горизонте.

Крестьяне иногда показывали нам платаны или ряды старых берез, когда-то стоявших на границе владений помещика. От зданий прошлых времен не сохранилось не то что доски или камня, но даже следов фундамента. Все было разрушено до основания, сровнено с землей и засеяно чем-нибудь.

То же самое произошло и с большинством церквей. Некоторые из них еще сохранились, оскверненные много лет назад, и теперь использовались как гаражи, склады, конюшни или электростанции. Прекрасные зеленые и золотые купола-луковки все еще сверкали над белыми стенами. Иногда высоко под куполом мы видели разбитые остатки росписи, до которых не сумел добраться маляр со своей известкой. Полы церквей были засыпаны соломой и конским навозом. Впрочем, эти церкви-стойла, что для лошадей, что для автомобилей, что для советских чиновников, попадались довольно редко. В течение двух лет мы прошли около 2000 километров пешком от Днепропетровска до порога Азии, но могли лишь по пальцам пересчитать уцелевшие церкви, которые встретили на этом пути.

* * *

В начале декабря мы прошли через Павлоград. Затем мы остановились в нескольких совершенно разоренных деревнях. Бушевала метель. Мы выходили в путь рано утром, когда хлопья снега били в лицо, облепляли нас и слепили. Мы тратили много времени на то, чтобы вытащить наши большие металлические повозки, груженные припасами, на дорогу. Лошади скользили и падали на скользком льду, ломая ноги. Бедные животные напрасно фыркали, задыхаясь в свистящем снегу, поднимались и снова падали, бешено бились и брыкались.

Снег шел так густо, что невозможно было определить, где в этой заснеженной степи проходит заснеженная тропа. Не было видно ни единого снопа соломы, которые русские, хорошо знающие свою

страну, привязывают к столбам, чтобы обозначить дорогу, когда зимой снег закроет все вокруг.

Стрелки, указывающие нам дорогу, были занесены сугробами. Подразделения просто терялись в степи.

Еще больше осложняло дело то, что населенные пункты, между которыми мы проходили, за последние 25 лет два или три раза меняли свои названия. На старых картах сохранились названия царских времен. Карты 1925 года показывали названия, полученные деревнями сразу после революции, отливающие красным, как глаза бешеного быка. На картах 1935 года стояли новые названия, напоминающие о советском боссе — подражания Сталинграду или Сталино. Иногда босс попадал в опалу и даже получал пулю в затылок в подвалах ГПУ, тогда населенный пункт получал четвертое название! С другой стороны, 50 или 60 деревень в русской степи могли иметь одни и те же названия, по именам царских сыновей и дочерей, принятых давным-давно и не смененных просто по лени.

Во время той части нашего перехода, которая привела нас в Гришино, мы целый день ходили кругами в метели и добрались до деревни, лишь пройдя 53 километра. Но после этого выяснилось, что это Гришино совсем не наше Гришино. Эта деревня не только трижды переименовывалась за 25 лет, но и имела двойника! Станция Гришино и деревня Гришино располагались на расстоянии 7 километров друг от друга! Типично русская путаница! В правильное Гришино мы прибыли только утром, продравшись сквозь снежные заносы глубиной по пояс.

Наша рота прибыла туда первой. Но прошли еще двое суток, прежде чем пришли другие, вдобавок одна рота вообще потерялась. Она блуждала целых 15 дней, все ее лошади издохли, и она догнала нас только на фронте под Рождество, сопровождая дико выглядящую колонну: большие белые волы были запряжены в ее железные повозки.

К несчастью, эта одиссея свелась не просто к ежедневной смене транспорта.

Местность, на которой мы попали под удар бешеной метели, была засеяна советскими минами. Снег совершенно укрыв их и снес оградительные вешки, расставленные здесь и там немецкими саперами.

Потерявшись в этой буре, которая несла пелену снега высотой три метра, одна из наших рот сослепу попала на советское минное поле. Молодой командир, бывший капитан бельгийской армии, носивший стандартную для нашей страны фамилию Дюпре, ехал впереди, когда его лошадь наступила на одну из этих дьявольских штук. Лошадь взлетела вверх на два метра и приземлилась с выпущенными кишками. Ее всадник беспомощно лежал на окровавленном снегу — ему оторвало обе ноги.

Воюющая степь торжествовала победу. Нашим солдатам пришлось привязать к его раздробленным ногам два куска дерева, уложить несчастного капитана на еловые ветки и тащить прочь. Через несколько километров группа натолкнулась на заброшенную избу.

Прошли целых 26 часов, прежде чем санитарная машина притащила к помощи к умирающему капитану. У него насчитали одиннадцать ран. Выкурив быстрыми затяжками сигарету, он попрощался с солдатами. Огромные капли пота выступили у него на лбу, когда началась агония. Он умер без единого слова сожаления, делая еще одну затяжку сигаретой.

После двух деревень Гришино мы прибыли в Александровскую. В СССР имеется около двух сотен Александровских, и мы прошли через них по пути на Донец.

Наконец мы выбрались в промышленный район. Мы достигли цели. Внезапная оттепель снова засунула нас в грязь. Но за раскисшим полем мы увидели сверкающий ледяной коркой город Щербиновка с населением около 40 000 человек. Он известен своими угольными шахтами. Люди стояли на улицах неподвижные и молчаливые. Многие из них были очень хмурыми.

Большевицкие войска отошли в степь на 3 километра к востоку, но мы чувствовали, что и у нас за спиной затаились коммунисты.

Рождество в Щербиновке

Линия Восточного фронта в декабре 1941 года постоянно менялась, как очертания песчаного пляжа под ударами волн. Каждая немецкая армия стремилась заплеснуть свою волну как можно дальше. Каждое подразделение обнаруживало, что в конце октября его пришили к месту предательская трясина. Его фланги справа и слева остались без прикрытия, оно лишь с большим трудом контролировало ситуацию и намерения противника, который бежал перед немецкими войсками с большой скоростью в полном беспорядке, сильно напомиравшем комедию.

С помощью грязи красные продемонстрировали некоторую способность к контратакам. Они отбили Ростов, который немцы были вынуждены оставить из-за нехватки топлива после того, как сами сожгли там сотни машин.

Вдохновленные местными успехами, красные возобновили осторожные попытки атаковать восточнее Донца, на левом фланге нашего сектора. От Славянска до Артемовска их войска перешли в наступление.

Давление русских начало ощущаться примерно в 20 километрах северо-восточнее наших блиндажей. Перед нашими позициями в Щербиновке противник сначала производил поиски.

Нашим колоннам снабжения требовались 50 часов, чтобы преодолеть 20 километров, которые отделяли нас от складов. Мотоцикл не мог их пересечь. Лошади умирали в пути от усталости, их туши тонули в грязи.

Щербиновка просто утонула в дерьме. Повсюду валялись кучи экскрементов, которые насыщали воздух зловонием.

Грязь и нищета города ясно показывали неспособность советского режима обустроить промышленные центры. Угольные шахты использовали оборудование 1900 или 1905 годов, приобретенное тогда

на французские займы. Шахты, взорванные большевиками при отступлении, больше нельзя было использовать.

Точно так же обстояло дело и в других промышленных центрах России. Систематически, с дьявольским умением, команды советских специалистов уничтожали заводы, шахты, склады в каждом промышленном центре, большом или маленьком.

Выжженная земля! Выжженная дотла!

Они убивали даже лошадей, работавших глубоко внизу в шахтах. Омерзительный запах гниющих трупов затопил весь район, так как вентиляция шахт выходила прямо на улицы. Эти вентиляционные шахты были прикрыты деревянными решетками, через которые углекислый газ и удушающие миазмы разлагающихся трупов выходили совершенно свободно.

* * *

Большевики увозили или уничтожали все продовольствие в городе. Люди ели то, что могли найти. Гниющее мясо трупов животных, валявшихся в грязи, считалось деликатесом. Люди жестоко дрались из-за них.

Нам пришлось убить одну заболевшую лошадь, на которую страшно было смотреть из-за покрывавших все ее тело язв. Мы даже не успели найти телегу, чтобы вывезти тушу из города. Двадцать человек набросились на отвратительные останки, распоролы кожу и начали рвать еще дымящееся мясо.

В конце концов остались только потроха, еще более омерзительные, чем все остальное. Две старухи набросились даже на эту мерзость, каждая тянула кишки на себя. Они лопнули, покрыв обоих старух слоем желто-зеленой слизи. Победительница утащила львиную долю гадости, даже не потрудившись вытереть лицо, крепко прижимая добычу к груди.

Расквартирование наших войск стало частью проблем. Когда мы возвращались с позиций, нам приходилось набиваться в школу, построенную государством: три длинных здания, названные современными по тем же самым причинам, что и дома в Днепропетровске. Первый солдат, который попытался вбить гвоздь в

стену, чтобы повесить свою винтовку, просто пробил стену ударом молотка. Пол был набран из отдельных досок, в щели между которыми свободно проходил воздух. Под этим так называемым полом не было ничего, так как здание стояло на сваях.

Между тремя зданиями было открытое пространство, настолько грязное, что пришлось проложить деревянные мостки на бревнах, чтобы переходить из одного дома в другой. Вокруг школы также постоянно стояла ужасная вонь, что вызывало головные боли и насморк.

20 декабря вернулись снег и лед. Мы внезапно обнаружили, что температура упала до 20 градусов ниже нуля. Мы все дрожали на этом щелястом полу, каждый старался закутаться в свое одеяло.

Наступили праздники, но для других.

На Рождество мы были приглашены на ночную мессу в церковь, освященную нашим капелланом. Русский хор пел проникновенными, трогательными сердцем голосами. За окнами крупными хлопьями валил снег. Несколько наших солдат лежали за пулеметами на боевых постах по всем четырем углам здания.

Но наши души содрогались от пережитого за эти ужасные недели, хотя в глубине наших сердец все еще бродили некие неоформленные мечтания.

Европейские легионы, прославлявшиеся всеми газетами Рейха, на фронте в 1941 году столкнулись с неприкрытым скептицизмом. Некоторые немецкие генералы опасались, что в их элитные дивизии включат войска, присланные на восток исключительно ради пропаганды. Они не принимали в расчет энтузиазм и добрые чувства, присущие нашим добровольцам.

Нас сопровождало некоторое недопонимание.

Мы искренне ждали, когда же представится возможность, пусть даже кризис, который позволил бы всем оценить по заслугам наш идеализм. Все это время мы, неизвестные и непонятые, попусту растрчивали свои таланты на рутинные обязанности.

Мы весело провели Рождество и Новый год, запертые в наших прокуренных комнатах. Ясли, нарисованные углем на одной из грязных стен, напоминали нам о декабре, проведенном дома. Дымили несколько лампадок. Валяясь на соломе, мы бессмысленно таращились в пространство. На вершине холма, на деревянных крестах, висели шлемы наших погибших товарищей, занесенные снегом, подобно белым хризантемам, упавшим с небес.

Итальянцы на Донце

На антисоветском фронте присутствовали войска многих союзников Германии.

На юге располагались легионы из Центральной Европы и с Балкан. Одиночные легионы, объединенные противником. Венгры и румыны были готовы выцарапать друг другу глаза за рощу буковых деревьев в Карпатах или десять метров люцернового поля в Пуште. Хорваты, большие славяне, чем украинцы, делились на мусульман и католиков.

В 1941 году самый большой контингент на Восточном фронте имели итальянцы. Их прибыло 60 тысяч человек, разделенные на три дивизии и многочисленные подразделения специалистов. Их можно было видеть повсюду — от Днепра до Донца, маленькие, смуглые, веселые, в своих чудных пилотках, они походили на райских птичек под своими берсальерскими шлемами, из которых торчали странно выглядящие в степи пучки петушиных и фазаньих перьев!

Итальянские винтовки больше всего походили на игрушки. Солдаты использовали их с большим искусством, для того чтобы перебить всех цыплят в округе.

Мы познакомились с ними, как только прибыли в Днепропетровск. Очень скоро мы высоко оценили их инициативу и подготовку. Они сидели вокруг огромной бочки, которая стояла без охраны на железнодорожной платформе. Она была полна до краев прекрасным кьянти. В боку этой огромной емкости итальянцы провертели маленькую дырочку, из которой вино текло через соломинку.

Наши пьяницы не могли пройти мимо и возвращались раз за разом к этому чудесному источнику, напоминавшему старые бургундские свадьбы времен Карла Лысого или Филиппа Доброго. Итальянцы, уверенные в неисчерпаемости источника — в бочке помещались 2000 литров, — охотно делились с нами. С этого момента валлонские добровольцы побратались с итальянцами, и мы были в восторге от сотрудничества, наладившегося на Восточном фронте.

Фронт не представлял собой единую непрерывную линию, скорее это была цепь опорных пунктов. Слева и справа от наших позиций в Щербиновке был только снег. Чтобы добраться до ближайшего итальянского поста, а сектор итальянцев шел на юг до Сталино, нам требовалось ехать два часа по степи.

Мы часто отправлялись туда поболтать в перерыве между боями. Конечно, некоторое значение имели их лимоны и их кьянти. Но нас привлекало их обаяние.

Осложняло ситуацию то, что они недолго любили немцев. Те, в свою очередь, не скрывали своего презрения к итальянцам. Немцы не желали терпеть их эксцентричное поведение и латинскую беззаботность, видя в них непочтительность, праздность, фривольность, столь отличающиеся от прусской строгости и порядка.

Наоборот, итальянцы плевались, когда слышали немецкие призывы к вниманию и выкрикнутые приказы. Они выражали несогласие, засовывая руки в карманы, нося свои пышные плюмажи и проделывая всяческие эскапады.

Их чувство национализма тоже было откровенно различным. Итальянцы любили Муссолини и раз за разом кричали: «Ду-че! Ду-че! Ду-че!» — пока не начинали хрипеть. Однако такие припадки носили чисто сентиментальный характер. Мечты Муссолини об имперском величии не трогали их. Они были гордыми, точно петухи, но без амбиций.

Однажды, когда они высказали желание заключить мир любой ценой, я возразил:

«Но если вы не будете сражаться до конца, вы наверняка потеряете свои колонии».

«Ба! — отвечали они. — Ну и что хорошего, чтобы погибать ради колоний? Мы счастливы дома. Нам ничего не нужно. У нас есть солнце. У нас есть фрукты. У нас есть любовь...»

Такая философия имела сторонников. Гораций сказал то же самое, хотя не столь прямо.

Точно так же они находили абсолютно бесполезной тяжелую работу. Наша идея работы оставляла их равнодушными. Зачем

работать так много? И снова они мягкими, звучными голосами затягивали привычную песню: солнце, фрукты, любовь...

«В конце концов, работа приносит радость! Разве другие нации не любят работать?» — настаивал я.

Затем итальянцы с юга с царственным величием предлагали мне ответить на великолепный в своей простоте и наивности вопрос:

«А чем, собственно, хороша работа?»

Действительно, чем? Когда немцы слышали такие дебаты, они задыхались от возмущения и вполне могли получить инфаркт.

К несчастью для итальянцев, дневные и ночные дежурства были обязательными, хотя они считали неблагодарным занятием торчать в снегу на холоде.

Очень часто часовые в массовом порядке покидали свои посты, чтобы отправиться в тепло в ближайшую избу, где они сидели, болтали, шутили, бездельничали и внимательно изучали прелести местных красавиц.

Русские наконец решили этим воспользоваться. Наши приятные товарищи с другой стороны Альп дорого заплатили за латинскую беспечность.

Однажды ночью в южной части нашего сектора сильное подразделение казаков проскользнуло на своих выносливых лошадках по глубокому снегу. На рассвете они окружили три деревни, занятые итальянцами, но не имевшие никакого охранения, так как часовые в это время либо спали, либо занимались любовью. Они были захвачены врасплох.

Большевики крепко отыгрались на итальянцах. Русские ненавидели их даже сильнее, чем немцев, и на Восточном фронте обращались с ними с исключительной жестокостью. В мгновение ока русские захватили все три деревни. Никто не успел среагировать. Затем итальянцев приволокли в угольные ямы, раздели догола. А затем начались пытки. Казаки притащили большие ведра ледяной воды. С грубым смехом они выливали воду на тела своих жертв на морозе,

который достигал 35 градусов ниже нуля. Все пленные из этих трех деревень были заморожены заживо.

Никто не спасся, даже врачи. Даже священник, который превратился в мраморную статую, также подвергнувшись пытке водой и морозом. Через два дня три деревни были отбиты. Обнаженные тела лежали повсюду на снегу, скрюченные, словно люди умерли в огне.

С этого момента итальянские части на Донце были усилены немецкими танками. Эти танки, полностью выкрашенные в белый цвет, разъезжали по дорогам, фыркающая моторами.

Это было необходимо.

Красные становились все более и более активными. Слева от нас, справа от нас они нанесли несколько сильных ударов. Днем и ночью степь сотрясала артиллерийская стрельба. Появились советские самолеты. Их бомбы выбивали огромные серые кратеры вокруг нас.

Холод постепенно становился все сильнее. К середине января температура упала до 38 градусов ниже нуля.

Морды наших маленьких лошадок покрылись льдом. Из их ноздрей, мокрых от крови, красные капли летели одна за другой на дорогу, оставляя позади дорожку, похожую на россыпь красных гвоздик.

Воющая степь

Жизнь в наших логовищах в Щербиновке стала невыносимой.

Используя солому, мы более или менее заткнули дыры в окнах, половина которых была просто перебита красными при отступлении. Но ледяные укусы зимы не прекращались, она атаковала нас, со свистом влетая сквозь щели в полу. Чтобы устроиться на ночь, нам приходилось использовать все наши скудные пожитки, и даже тогда мы засовывали ноги в рукава шинелей. Но что могли дать наши шинели и легкие одеяла плюс пара охапок соломы для защиты от ветра, который с воем врвался в наши хижины, прилетая из проклятой степи?

Мы кололи маргарин, сосиски и хлеб, твердые, словно камень, с помощью топора. Несколько яиц, которые наши интенданты доставили нам, прибыли промерзшие насквозь и какие-то серые.

Вот такими были часы нашего отдыха.

Наши передовые позиции располагались в 3 километрах от Щербиновки. Мы шли туда отделениями по снегу глубиной до полуметра, и температура в это время изменялась от 25 до 35 градусов ниже нуля.

Некоторые роты пытались вырыть блиндажи в горах пустой породы возле угольных шахт. Другие располагались посреди степи.

Снег еще можно было терпеть. Но совершенно ужасными были сильнейшие ветра. Они ревели, они выли пронзительными голосами, швыряя нам в лицо тысячи острых иголок.

Мы наконец получили несколько зимних шапок, которые прикрывали шею и уши, а также несколько тонких вязаных варежек, которые плохо защищали руки. Но у нас не было ни полушубков, ни валяных сапог.

Любой, кто хоть на минуту снимал варежки, моментально отмораживал себе пальцы. Мы носили зимние шапки, надвинув их до самого носа. Дыхание, проходя сквозь шапку, тут же застывало кусками льда напротив рта. Белые лохмы поднимались до самых бровей. Наши слезы замерзали, превращаясь в большие жемчужины, которые склеивали ресницы, причиняя серьезную боль, а когда мы

пытались из разъединить, боль становилась еще сильнее. В любой момент нос и щеки могли стать бледно-желтыми, как кожа на барабане. Чтобы избежать обморожений, нам приходилось яростно растирать кожу снегом. Но слишком часто это была запоздалая мера.

Ужасные зимние метели дали советским войскам очевидное преимущество.

Русские использовали такую погоду. В этом им помогали их лыжи, их собаки, их сани, их мохнатые лошадки. Они были тепло одеты, чтобы не поддаваться холоду: шерстяные жилеты, валенки, которые не поддавались снегу, сухому, как толченое стекло. Они безусловно пользовались превосходством над тысячами мучающихся европейских солдат, которых бросили в опрометчивое наступление по снегу под ударами зимнего ветра, по льду, но без соответствующего обмундирования и без нужной подготовки.

Красные просачивались всюду. Их шпионы, замаскированные под обычных жителей, пробирались между нашими постами, попадали в промышленные центры и находили там сообщников. Огромное большинство крестьян игнорировало коммунизм, хотя и было вынуждено выполнять некоторые требования, но в городах советская пропаганда отравила молодых рабочих. Именно к ним обращались шпионы Красной Армии, преданные и отважные лидеры.

Я входил в расстрельный взвод, который должен был казнить двух человек, приговоренных военным трибуналом.

Когда мы вышли в степь, то построились в шеренгу. Двое осужденных, держа руки в карманах, не сказали ни слова. Наш залп бросил их на землю. Последовала минута тишины, когда стволы винтовок отдачей подбросило вверх. Один из двух коммунистов шевелился, словно цеплялся за остатки жизни. Его правая рука выскочила из кармана и поднялась в воздух над снегом, сжатая в кулак. И мы услышали крик, последний выкрик на немецком языке, который поняли все: «Хайль Сталин!»

И уже мертвец уронил руку на снег.

Эти люди тоже имели свои идеалы.

В целом русские, которых приговаривали к смертной казни, принимали свою судьбу с покорностью фаталистов, бледные, уронив руки.

Чтобы избежать волнений среди солдат и нанести удар по настроению народа, немцы решили вешать захваченных шпионов. Приговоренные русские выходили на место казни подавленные, с пустыми глазами. Они поднимались на стул, который, в свою очередь, стоял на столе. Там они стояли, не протестуя, и ни о чем не просили. Над ними висела петля, которую надевали на шею. Что было, то было. А затем... Удар опрокидывал стул, и трагедия заканчивалась.

Однажды немцам пришлось казнить одновременно пятерых приговоренных мужчин. Один из повешенных оборвал веревку и упал на землю. Он поднялся, не говоря ни слова, поставил стул обратно на стол и взобрался на него, чтобы дождаться, пока приготовят новую петлю.

В глубинах этих сердец жили восточный фатализм, детское неведение, а также давно выработанная привычка к страданиям и побоям. Они не восставали против смерти. Они пассивно принимали смерть, как принимали и все остальное: завшивевшую избу, кнут дворянства и коммунистическое рабство.

Вторая половина января 1942 года оказалась довольно напряженной. Большие массы советских войск пришли в движение. Советские самолеты бомбили нас три или четыре раза в день.

Мы все еще не понимали, что происходит.

Советские элитные соединения, переброшенные из Сибири, пересекли замерзшую реку Донец севернее нашего промышленного района. Они обошли с фланга немецкие укрепления и вышли к важным железнодорожным линиям, особенно ветке Киев — Полтава — Славгород. Они разгромили несколько тыловых складов, а потом повернули на запад. Русские и сибиряки глубоко прорвались в направлении Днепра. Противник угрожал отрезать всю Группу Армий «Юг». Они уже форсировали реку Самару. Некоторые подразделения казаков были замечены всего в 12 километрах от Днепропетровска.

Немецкое командование поспешно собрало силы для контрудара.

Контрнаступление, когда столбик термометра колеблется между 35 и 40 градусами ниже нуля!

Мы не сомневались в том, что нас ждет, и спешно приготовились к выступлению.

В ту же самую ночь нас сменили. В 04.00 мы уже шагали следом за повозками в жуткую метель, которая несла массы снега, совершенно ослепив нас.

Мы совершенно не знали, куда направляемся. Однако настал наш час славы и крови.

Казачи

Если я правильно помню, это произошло 26 января 1942 года.

Мы не знали точно, насколько продвинулись сибирские войска на своих собачьих упряжках, ни казаки на своих низкорослых лошаденках, которые могли вынести все, что угодно.

Противник не мог быть слишком далеко. Это все, что нам требовалось знать. Мы, простые фронтовые солдаты, знали немного, и я знал не больше своих товарищей, так как был простым солдатом и жил вместе со своими товарищами, не имея контактов даже с командованием роты.

Нашей известной целью во второй раз стал район вокруг Гришино, находящегося в 60 километрах к северо-западу от Щербиновки. Несомненно, что во время марша мы находились довольно близко к противнику. Во время первой фазы перехода у нас был приказ по возможности срезать повороты.

Для начала нашей колонне потребовались четыре часа, чтобы подготовиться к маршу в условиях метели. Мы ничего не видели на десять метров впереди себя. Когда мы вышли в поле, метель обрушилась на нас со всех сторон. Дорога поднималась и опускалась, проходя по пологим холмам. Мы тащили с собой несколько Stahlwagen — стальных вагонов, весивших сотни килограммов. Они прекрасно подходили для мощеных и асфальтированных дорог Европы, но были абсолютно бесполезны в заснеженной обледенелой степи. Русские крестьяне использовали только сани или деревянные телеги с узкими, очень высокими колесами. Наши огромные катафалки с брэнчанием неслись вниз по склонам, несмотря на тормоза. Некоторые лошади падали, вагоны переворачивались. На подъемах нам приходилось толкать их, каждый вагон по 20 человек сразу. В результате через несколько часов эти самые Stahlwagen застряли или лежали перевернутыми вдоль степной дороги.

Хотя первый отрезок марша составлял всего 12 километров, мы были вынуждены тяжело пахать всю ночь. Лишь в 18.00 на следующий день прибыли все наши припасы. Подойдя к деревне, мы застали там четверых сибиряков, которых убили в ходе короткой схватки.

В 05.00 на следующий день мы возобновили движение. Снежные вихри утихли, но мороз стал еще более жестоким. Ночью он обработал тропу, которая стала скользкой, как каток, но была припорошена снегом. Лошади просто не могли идти вперед. Несколько сломали ноги. К полудню мы продвинулись не более чем на километр.

Впереди нас лежала вторая долина, в которую метель намела огромное количество снега. Весь батальон был вынужден работать, копая в снегу траншею 50 метров длиной и 3 метра глубиной. Втащить Stahlwagen по крутому склону было адской работой. Только в 21.00 мы сумели проделать это с первым из них. А всего за 16 часов мы прошли только 3 километра!

Мы загнали наших лошадей в сарай. Лишь несколько человек сумели найти там место и для себя. Крестьяне сообщили, что в 4 километрах дальше находится деревушка на другом конце небольшой лощины. И вот в свете луны мы снова вышли на дорогу. Временами снежные заносы доходили до пояса. Наконец мы добрались до нескольких изб, причем более жалких мы даже еще и не видели.

В 22.00 мы расселись на твердой утрамбованной земле в одной из хижин. В эту же комнату набились и гражданские, которые наверняка ожидали прихода сибиряков. Беременная молодая женщина, красная, как рак, переходила по кругу от мужика к мужику в свете керосинки. Она была одета только в длинную рубаху, спускавшуюся ниже пояса. Она вульгарно болтала и продолжала домашние дела, пока не закончила.

Затем она вскарабкалась на печку и сделала несколько громких замечаний, но мужчины, сделав свое дело, уже храпели. Шевелились животные. В избе воняло невообразимо.

В 06.00 мы вернулись к своим повозкам и снова нырнули в снег. С вершины плато мы могли видеть роту, которая застряла накануне ночью, пытаясь толкать свои металлические вагоны. Они так и не завершили подъем до наступления ночи.

Я был послан в патруль для поисков места расквартирования в направлении большого совхоза, который появился в 4 или 5 километрах на востоке. Мы отправились в путь в 15.00, используя тройку, запряженную в сани.

В совхозе все было в порядке, там слонялась масса мужиков. Все дома, где можно было жить, имели все тот же земляной пол и были набиты молодыми телятами, которые стояли возле печи, спасаясь от холода. Так как никаких удобств в избе не наблюдалось, они оправлялись прямо на пол. Поэтому вонь стояла неопишуемая.

Один из моих товарищей отправился обратно на санях, чтобы привести солдат. Со мной остался бывший шахтер из Бориньяжа, имя которого сразу вызывало в памяти классические поэмы: Ашиль Роланд. Гражданские выглядели довольно рассудительными. Несколько советских самолетов пролетели над совхозом и сбросили пачки листовок, объявляющих о скором приходе Красной Армии. Наши туземцы с интересом разглядывали окрестные холмы и небо.

Примерно в 14.00 появились силуэты нескольких всадников. Мужики обменялись короткими понимающими взглядами. Они искоса смотрели нам поверх голов и украдкой ухмылялись.

В 16.00 ни один из наших товарищей так и не появился.

Мы ожидали, что казаки вот-вот выскочат из-за угла ближайшей фермы, я даже снял свой пулемет с предохранителя. Оружие может принести какую-то пользу. На поясе у нас висели ручные гранаты, с помощью которых можно будет быстро успокоить мужиков, если им вздумается атаковать нас с тыла.

Они оставались спокойными, но несколько заинтересованными. Красивая молодая украинка, которая знала несколько слов по-немецки, подошла к нам. Ей было не более 16 лет, в ее прекрасных волосах играли коричневые и золотые отблески. Она следила за действиями нашего отделения и тайно дарила нам ободряющие взгляды. Она благородно пригласила нас поближе к печке, как своих маленьких телят, и так же напоила молоком, таким же белым, как ее кожа.

Снаружи снова разыгралась метель. Время от времени я выглядывал с гранатой в руке, чтобы осмотреть окрестности. Было понятно, что наши товарищи так и не сумеют добраться до нас. Да и вообще, где они? Или они уже все погибли после атаки сибиряков или

казаков прямо на плато, где они трудолюбиво тащили свои металлические повозки?

Спустилась ночь. 20.00. Никто так и не пришел. Мужики все еще ждали. Очевидно, им очень хотелось перерезать нам горло, но лента, вставленная в пулемет, останавливала их. Наконец они улеглись на землю среди молодой скотины.

Ветер завывал и с силой бросался в открытую деревянную дверь, которая вела в коридор, швырял в нас хлопья снега. Мы спрашивали сами себя, что же случится, когда мы встанем.

Наконец мой товарищ решил провести разведку в том направлении, где должна была находиться наша рота. В темноте я с трудом разглядел часы, вроде было около 05.00. Бесстрашный Ашиль исчез в метели.

Через час он появился снова, превратившись в Санта-Клауса под кубометром снега, который налип на него. Отворачиваясь от ветра и отряхивая снег, он поинтересовался: «А ты совершенно уверен во времени? Снаружи так темно!»

Мы вместе посмотрели на часы. Время всего лишь 01.30! В темноте мы перепутали стрелки и приняли полпервого за пять часов! Бедный Ашиль только фыркнул, когда зашел погреться после пронизывающего холода. Затем, расположившись рядом с пулеметом, мы стали ждать рассвета.

Он пришел, но он один, и только. Буря была настолько фантастической, что мы просто не могли представить, чтобы наши пехотинцы все-таки сумели добраться до нас. Прошел день, прошли два дня. Если буйство стихий прекратится, то казаки смогут перерезать дорогу. Внезапно в 11.00 перед дверями резко развернулись сани, забросив снег аж на крышу. Унтер-офицер валлон, мой бывший садовник в Брюсселе, продрался сквозь бурю, хотя для этого ему пришлось загнать чуть не насмерть четырех лошадей. Впрочем, одна из них сдохла именно в тот момент, когда он добрался до фермы.

Перехватив вожжи, мы пустили лошадей в галоп. Русские, несмотря на свистящую метель, выбежали на порог совхоза и следили за нами блестящими глазами. Но симпатичная маленькая украинская девушка, стоявшая за спинами этих бедняг, послала нам воздушный поцелуй. Это стоило десятка подобных приключений.

Через час мы присоединились к своему отделению, которое все еще торчало на вершине холма. Когда человек попытался сказать нам что-то поверх гребня, его просто швырнуло на землю порывом ветра. Люди прижимались друг к другу в сарае рядом с лошадьми. Больше мы ничего не могли сделать. Оставалось только ждать. Степь оказалась сильнее нас.

Мы ждали.

На следующее утро ветер утих, и мы выслали несколько взводов на дорогу. Снег метровой толщины покрывал землю, но мы больше не могли оставаться на прежнем месте.

Наша колонна еще строилась, чтобы двинуться в путь, когда на горизонте показались серые точки. Через полчаса к нам присоединилась странная процессия: наш командир, который отправился нас встречать, гнал перед собой 180 русских. С помощью лопат они должны были расчистить путь в бескрайнем океане снега. Таким образом, мы сумели пройти около 20 километров, используя штыки, чтобы сбивать снег, постоянно налипающий на ботинки. К рассвету мы пробили коридор шириной 4 метра до села под названием Экономическое.

Но мы так и не получили отдыха. В полночь были замечены 300 казаков. Нам пришлось занимать позиции в снегу у подножья чудесной мельницы, ее большие черные крылья матово сияли в лунном свете. Степь была огромным бело-голубым покрывалом, усыпанным сверкающими кристаллами. Миллионы звезд блестели в ночи. Они образовали мягко сияющую дорожку через все небо. Это было настолько прекрасно, что мы чуть не забыли о лютном морозе, который терзал наши тела.

В полдень, пройдя еще 15 километров, мы вступили в Гришино.

В течение нескольких дней село подвергалось бомбежкам с воздуха такой силы, каких ранее русские еще не проводили. Все кварталы были разнесены вдребезги. Казаки и сибиряки стояли у ворот населенного пункта. Если они захватят Гришино, одна из крупнейших железных дорог и важнейшая развязка на Донце будут потеряны.

Мы должны были готовиться к надвигающейся битве. Мы устроились в школьном здании, в котором сохранилось только одно окно. Каждый из нас имел с собой два тонких одеяла, которые никак не могли защитить от температуры 40 градусов ниже нуля.

Никто не может представить себе, как в такой холод можно жить в совершенно открытом здании. Было невозможно заснуть ни на миг. Там невозможно было даже сидеть.

Тем не менее у нас не было времени предаваться философствованиям относительно наших несчастий. В 01.00 командиры наконец распределили нас по ротам, мы должны были перейти в контрнаступление.

Роза Люксембург

Зима 1941–1942 годов была самой ужасной, какую только пережила Россия за последние 150 лет.

Конечно, те немецкие соединения, которые находились в относительно теплых районах, сумели приспособиться, насколько это было возможно, к этим ужасным температурам и отсутствию теплой одежды. Другие испытали страшный шок, когда внезапно обнаружили, что находятся на пути прорыва советских войск. Им пришлось пережить самые необыкновенные приключения, часто они попадали в окружение, сражались мелкими группами, переходили в героические контратаки.

В районе Донца шли особенно ожесточенные бои. Против нас русские выставили великолепные войска и глубоко прорвались в наш тыл. Сначала они были остановлены, а потом отброшены назад, но это удалось только ценой огромных усилий. Однако один большой советский котел все-таки остался посреди Донца. Его удалось уничтожить только к концу мая 1942 года, когда началась битва за Харьков.

В начале 1942 года кризис достиг своего пика. Русские находились уже в нескольких километрах от Днепра. Немецкое контрнаступление должно было развиваться исключительно энергично. Так и произошло.

Верховное командование подтягивало войска к месту наступления, используя все виды транспорта.

Однако в феврале в его распоряжении было не слишком много дорог.

Вот так и получилось, что 3 февраля мы отправились в бой в нескольких вагонах, которые тащили снегоочистители. Снег был настолько глубоким, что затруднял наше движение. Но железнодорожная линия не была взорвана. Мы продолжали гнаться за противником наравне с повозками, которые тащили лошади!

В качестве пайка нам выдали большие круглые буханки, которые мы старались привязать, как получится, к ранцам или пристроить на груди. Нам приходилось тащить на себе вообще все на свете, включая оружие и боеприпасы. Никаких лошадей и повозок нам не выделили. Поэтому на нас навьючили больше, чем может нести человек. Например, пулеметчики вроде меня волокли более 40 килограммов, из которых 30 приходилось на пулемет и коробки с лентами.

После того как снегоочистители двинулись в путь, мы проползли 20 километров за 14 часов. Вагоны, конечно, не имели никакого отопления. Пол был твердым и холодным, как камень. Холод все больше усиливался, утром было уже 42 градуса ниже нуля. Сорок два градуса! Чтобы не замерзнуть насмерть, мы были вынуждены постоянно бегать по вагону друг за другом.

Мы почти падали от изнеможения после этого безумного танца в течение нескольких часов, однако от этих плясок зависела наша жизнь. Один из наших товарищей все-таки свалился от усталости. Он улегся в углу. Полагая, что он спит, мы потрясли его, однако он замерз. На остановке мы сумели собрать немного снега. Мы растирали его с головы до ног в течение 50 минут. Затем он вернулся к жизни, испустив протяжный стон, как корова, которую ведут на бойню. После этого он провалялся в госпитале целых полтора года и вышел оттуда, потеряв ноги.

Паровоз отбрасывал в сторону массу снега высотой более двух метров. Наконец он остановился перед стеной льда, уже совершенно непроходимой. Кроме того, большевики находились на расстоянии всего 3 километров.

Мы выпрыгнули из вагонов, полагая, что все мы отправляемся на смерть. Метель била в лицо и пыталась свалить с ног. Офицеры и солдаты попадали в снег.

Лица нескольких человек выглядели просто отвратительно: распухшие, покрасневшие, глаза налились кровью. Я не мог хлопать себя по щекам, которые постоянно мерзли, так как мои руки были заняты пулеметом, патронными лентами, коробками с патронами. Другие пострадали от обморожения ног, которые потом превратились в черные палки. Кто-то отморозил себе уши, напоминавшие сейчас большие абрикосы, из которых сочился оранжевый гной.

Самыми несчастными из наших товарищей оказались те, кто отморозил себе половые органы. Они испытывали невыносимые страдания. Эти люди путешествовали из госпиталя в госпиталь до конца войны, но напрасно. Отмороженная плоть, чудовищно раздувшаяся, горела как в огне весь день.

Деревня, которую следовало занять, находилась прямо перед нами. Она носила имя знаменитой берлинской еврейки, занимавшейся политикой, — Розы Люксембург. Русские, наверное, замерзли ничуть не меньше нас, потому что отдали эту территорию, даже не попытавшись отстоять ее. Мы потеряли только одного человека, нашего самого молодого добровольца, 16-летнего паренька, который получил в грудь случайную пулеметную очередь. В 17.00 мы заняли первые избы, а тем временем огромное багровое солнце склонялось к западу и постепенно скрылось за горизонтом, затянутым снежными вихрями.

* * *

Нам необходимо было устроиться как можно лучше.

Моя группа заняла две избы, которые фактически были просто хижинами. В одной из них жили две женщины и семь детей. Ребята испражнялись на землю прямо среди комнаты. Матери аккуратно отгребали дерьмо к стенам, а затем доставали из печи пригоршни подсолнечных семечек и снова принимались жевать.

Вторую половину ночи мы провели в степи на наблюдательных постах. Повторное наступление русских было более чем вероятно. Как нам реагировать? Мой пулемет при температуре 40 градусов ниже нуля намертво заклинило. У нас не было никаких способов заставить наше оружие работать. Единственное, на что мы могли рассчитывать, — это отбиться в рукопашной с помощью ножей и гранат.

В 06.00 занялся мутный рассвет, медленно растекающийся по небу: золотой, пурпурный, красный с мягкими переливами, окаймленный чистым серебром. Пока я смотрел на небо восторженным взглядом, видя захватывающую дух картину, внезапно над степью заиграли фиолетовые фестоны северного сияния. От

восторга я даже забыл о своих страданиях. Самое главное — это красота, и неважно какой ценой. Над собой я видел самые прекрасные цвета на свете. Однажды я видел небо в Афинах, мои эмоции, моя радость были даже больше, так как я видел роскошь и чистоту русского неба. Мой нос замерз. Мои щеки замерзли. Мой пулемет замерз. Но мои чувства прямо-таки горели. Видя этот многоцветный рассвет в деревушке Роза Люксембург, я был счастливее, чем Апквивиад, увидевший темное море с высоты холма Акрополя.

Через два дня новый бросок на восток.

Холод немного ослаб, но красноватый гной сочился из трещин на наших лицах, которые были изъедены морозом.

Войска шли между двумя холмами, расположенными на большом расстоянии один от другого, развернувшись в стиле старинных армий, вроде как при Людовике XV. Впереди нас танки прорвали позиции русских. Продвижение происходило спокойно.

Мы сделали остановку в деревне, такой же грязной, как и все остальные, но населенной племенем цыган. Женщины сидели в избах на печи, скрестив ноги на турецкий манер, и курили трубки. Они имели иссиня-черные волосы и носили рваные платья.

На следующий день мы прибыли в город Благодать, где только что завершился яростный бой авангардов. Буквально перед нами грузовик с боеприпасами получил прямое попадание снаряда. Теперь там лежало обезглавленное обнаженное тело. На месте шеи красовалась огромная почерневшая рваная рана. Бедрa тоже обгорели, из рваных ран торчали белые кости.

Я осмотрелся вокруг, пытаюсь найти пропавшую голову. Внезапно я увидел человеческое лицо, приклеенное к металлической пластине, чудовищную, невероятную маску. Взрывом у человека содрало кожу с головы — скальп и лицо. Ужасный холод немедленно заморозил ужасную маску, сохранив форму и цвета. Мертвые голубые глаза продолжали смотреть перед собой. Ключья окровавленных волос мотались на ветру. Все это выглядело настолько реально, что я едва не закричал от ужаса.

Немцы, ведя плотный огонь из пулеметов, сумели ворваться в деревню. Русские ожесточенно отбивались, проводя контратаки с трех сторон сразу. Какие-то казаки бросались на нас, одетые в великолепные синие мундиры, размахивая кривыми саблями. Они

неслись галопом, гордо сидя верхом на своих юрких лошадках. Всех их безжалостно перебили. Лошади падали мертвыми, подламывая передние ноги, а всадники кувырком катились по снегу в разные стороны, либо они так и оставались мертвыми в седлах, застывая, словно камень. Смерть объединяла и лошадь и всадника.

Сибирская пехота бросилась в атаку столь же наивно, как и казаки. Они бежали вниз по двум холмам, а потом через поле, но никто из них не сумел подойти ближе чем на 30 метров к нашим избам. Тела нескольких сотен сибиряков лежали по всему полю. Все они были великолепно оснащены, одеты в толстое фланелевое белье американского производства под тонкими мундирами, а поверх них толстые хлопковые куртки, шинели и белые халаты.

По крайней мере к борьбе с холодом они были хорошо подготовлены.

Почти все они были азиатами, с волосами жесткими, словно щетка из щетины дикой свиньи. Холод сохранял их такими, какими они упали. У одного из них глаз выскочил из орбиты после того, как пуля попала ему прямо в лоб. Глаз моментально застыл. Он торчал вперед, словно палец из-под брови, напоминая ужасный оптический прибор. Глаз смотрел на нас так выразительно, словно монгол все еще был жив. Ведь глаза мертвых при температуре 40 градусов ниже нуля сохраняют прежнюю зоркость.

Деревня была в ужасающем состоянии. Мы провели всю ночь среди молодых животных, которые избежали бойни. В наших комнатах среди маленьких телят и нескольких цыплят находился десяток вежливых голубей, которые нежно ворковали, безразличные к страданиям людей.

А когда мы проснулись, нас ожидал новый сюрприз: оттепель! Сильная оттепель! Вся земля в деревне была покрыта слоем воды толщиной 20 сантиметров.

Пехотинцы сражались в любую погоду. И теперь мы шли на врага среди трупов, которые плавали по дорогам, как диковинные лодки.

Оттепель и заморозок

Русская оттепель приходит с невероятной скоростью. В начале февраля 1942 года температура была 42 градуса ниже нуля. А спустя четыре дня вокруг текли реки глубиной 30 сантиметров.

Мы прошли мимо советских саней, чьи лошади и кучер были убиты одним взрывом: солдат, коренастый монгол, загорелый чуть ли не дочерна, плотный, смотрел на дорогу пустыми глазами. Рядом с ним стояла огромная зеленая бутылка, в которой находилось на менее 10 литров томатного сока. Лошади и монгол были мертвы, бутылка совершенно цела.

Как только мы спустились с холма, то сразу оказались среди потока. Поля постепенно таяли, вода текла по тысячам маленьких каналов, которые выходили на дорогу. Лед отказывался таять, поэтому вода поднималась все выше и выше. Мы маршировали по этим ледяным рекам, промокнувшие до колен.

Мы остановились, чтобы провести ночь в крохотной деревеньке, состоящей ровно из двух изб. 80 хорватских добровольцев уже набились в обе избышки буквально плечом к плечу, так что в комнатах нельзя было даже присесть.

Втиснуть еще хотя бы одного человека в эти норы было немислимо. Точно так же два маленьких свинарника были забиты дрожащими солдатами, которые не могли высушить одежду.

Все, что мы смогли сделать, — это забраться на чердак, втиснувшись в узкое пространство между крышей и потолком. До конька крыши оставалось не более одного метра. Мы осторожно ползли вперед, перебираясь с балки на балку и каждую минуту рискуя провалиться вниз на головы хорватам, если вдруг потолок не выдержит. Под крышу ухитрились заползти более ста человек, которые кое-как устроились по темным закоулкам. Нам приходилось сгибаться и складываться в три погибели. Наши ноги замерзли, ботинки были полны ледяной воды. С самого утра у нас во рту не было ничего, кроме куска черствого армейского хлеба. У многих вообще не осталось ни корки.

В 21.00 внезапно тусклая электрическая лампочка засветилась в отверстии люка, прикрывающего лестницу. «Поднимайтесь! Мы выступаем!»

Выступить! Посреди ночи, по дороге, вдоль которой текут ледяные ручьи! Мы получили приказ преследовать по пятам отступающих красных и к рассвету занять большой колхоз, находящийся восточнее.

Все могли видеть только ближайшего соседа. Мы вслепую брели по воде. Переменчивая погода превратила дорогу в настоящую ловушку. Под водой от растаявшего снега лежала корка льда, на которой люди постоянно поскользывались. Настала и моя очередь проделать это, и я шлепнулся лицом вниз в обнимку с пулеметом. Затем у меня внезапно поехали пятки, и я упал назад, едва не захлебнувшись. Промокшие до нитки, мы брели по этой квашне, пока не добрались до реки Самары. Вода здесь шла поверх льда и ширина потока превышала 25 метров, причем не было видно никого, кто решился бы пересечь поток! Около 01.30 мы все-таки добрались до упомянутого колхоза. Десяток мертвых лошадей лежали в тающих сугробах. Не осталось ни одного места, где можно было бы передохнуть, если не считать три маленькие конюшни, полные конского навоза.

Наша группа из 40 человек расположилась в одной из них.

Из остатков старых ларей для зерна мы соорудили небольшой костерчик. Когда огонь разгорелся, я поспешил снять свое белье и рубашку, чтобы просушить их на кочерге. Но со своей обычной неуклюжестью я сделал это так, что моя одежда вспыхнула, осветив всю конюшню. У меня остался только жилет и пара заношенных брюк, в которых мне предстояло щеголять до конца зимнего наступления.

У нас не осталось никакой еды, но запах конского навоза все равно отбивал аппетит. На следующий день ближе к вечеру мы начали осматривать свои владения, и на склоне, ведущем к Самаре, я нашел

то, что принял за тело, лежащее в подтаявшем снеге. Я спустился, чтобы посмотреть повнимательнее. К своему ужасу, я обнаружил молодого немца, чьи ноги русские, проявив особый садизм, отпилили по колено.

Судя по всему, работу проделали обычной пилой, но действовал большой умелец. Несчастный немец входил в разведывательный патруль, который пропал два дня назад. Было видно, что после пытки он еще сумел проползти около 15 метров, сильное молодое тело отчаянно не хотело умирать.

Холод вернулся так же внезапно, как наступила оттепель. Однажды ночью температура внезапно рухнула до 20 градусов ниже нуля. На следующий день Самара снова окончательно замерзла.

Дорога вдоль долины превратилась в чудовищный каток, чудовищный потому, что трупы русских, плававшие в воде два дня назад, теперь вмерзли в лед. Из него торчали где рука, где ноги, где голова.

Сани постепенно уничтожали эти препятствия, срезая пальцы и носы, которые крошились, как опилки. Через несколько дней дорога стала гладкой, исключая обрубки рук и полусрезанные лица, кое-где видневшиеся во льду, как чудовищные рыбы, подплывшие близко к стеклу аквариума.

Как только лед стал достаточно твердым, мы возобновили движение.

Русские самолеты постоянно обстреливали нас их пулеметов. Через 2 километра мы подошли вплотную к Самаре. Переправа была медленной. И в это время эскадрилья советских самолетов набросилась на нас, как стая безжалостных ос.

Они пикировали, разворачивались и возвращались. Вместе с несколькими товарищами я побежал, чтобы освободить тяжелую

повозку с боеприпасами, застрявшую посреди реки, которая в любой момент могла стать добычей русских. Я толкал ее изо всех сил, чтобы поскорее добраться до укрытия под прибрежным откосом. Самолеты спикировали еще раз, повозка перевернулась и придавила меня. В глазах почернело.

Я очнулся через полчаса, уже лежа в хижине. Мои глаза смогли различить только какие-то огромные лиловые разводы и круги. Моя левая нога была сломана в двух местах.

Я понял, что меня хотят отправить в госпиталь. Это заставило меня окончательно опомниться. Санитар, который перевязывал меня, имел в своем распоряжении лошадь и сани. Меня уложили на сани, и по вмерзшим в лед трупам мы отправились на восток.

Через час я догнал свою роту. Лежа на трех досках, я прибыл в Ново-Андреевку, которую продолжали атаковать русские самолеты. Они убили одного человека и ранили еще нескольких. Несмотря на обстрел, валлоны удержали деревню на эту ночь.

Мы должны были следовать далее. Моя нога выглядела сейчас как голова черного тельца. Порывшись в снегу, товарищи нашли мне один из огромных валяных сапог, которые водители танков надевают поверх обычной обуви. Это даже оказался именно левый сапог. Когда они засунули туда мою сломанную ногу, выяснилось, что сапог сидит идеально. Лежа на своих маленьких санках, я мог двигаться дальше вместе со своей ротой.

В третий раз нам пришлось пересекать покрывшуюся льдом, продуваемую ветрами Самару. Советские самолеты возобновили свою охоту за нами. Когда мы пересекали реку, они скользили над нами, треща пулеметами, а затем сбросили на нас три большие бомбы. Бомбы были сброшены с такой малой высоты, что просто не успели принять вертикальное положение и, скользя по льду, врезались в наши ряды, как три огромные серые собаки.

Мы добрались до восточного берега, но несколько валлонов погибли.

Мы получили приказ захватить высоты, господствующие над долиной, которые формировали водораздел. Тот, кто удерживал их, контролировал долину реки Самары.

17 февраля в 11.00 мы вышли на плато. Там находилась деревня, избы которой были разбросаны по обе стороны длинных замерзших прудов. Когда мы пересекли пруды, русские, находившиеся восточнее, открыли по нам яростный огонь из орудий.

Солдаты бегом бросились к избам, чтобы найти хоть какое-то укрытие. Распластавшийся на своих санях, я не мог сделать ни одного шага. Я слышал, как вокруг свистят осколки, иногда ударяя по доскам. Хорват, который бежал неподалеку, вытянув руки, внезапно упал на меня. У него появилась огромная красная дыра размером в два кулака там, где раньше были глаза.

Вот так мы вошли в деревню Громовая Балка, где потом потеряли половину легионеров убитыми и ранеными.

Настоящий ад

В Громовой Балке, как и во всех других местах, не было сплошного фронта. Слева на 7 километров шло пустое пространство. Справа наши товарищи из дивизии СС «Викинг» занимали деревню в 3 километрах от нас.

Русские сосредоточили свои главные силы в нескольких километрах восточнее, но их передовые посты находились буквально вплотную к нам, внутри стогов сена, которые торчали тут и там в степи.

Так как деревня Громовая Балка была построена в небольшой низине, мы расположили позиции на хребте. Мы не могли отрыть окопы, поэтому построили укрытия из больших блоков плотного снега, вырубленных топором.

Тыловые позиции были устроены чуть дальше, рядом с избами. Наши добровольцы вырезали их в кучах навоза, перемешанного с соломой, которые резать было легче, чем снег. Это дало нам несколько неожиданное лакомство, так как наши солдаты откопали две бутылки французского коньяка, забытые русскими во время поспешного бегства.

К несчастью, это оказалось единственным утешением, так как следующие десять дней в Г ромовой Балке творился настоящий ад.

Чтобы разместиться, мы имели всего две или три избы на роту. Почти все окна были перебиты к моменту нашего прихода. Большевики, как обычно, перестреляли всех животных. Их туши лежали внутри домов или прямо на порогах. Одна лошадь умерла в окне избы, почти загородив его. Две другие мертвые лошади валялись в конюшне.

Так как противник атаковал нас днем и ночью, половина наших людей постоянно находилась на позициях в снегу. Из-за холода роты были поделены пополам, и караулы сменялись каждые два часа.

В течение этих 10 дней наши солдаты ни разу не получили возможность поспать больше чем полтора часа подряд. Их приходилось будить за четверть часа до заступления на пост. По возвращении назад им требовалось еще четверть часа, чтобы уснуть. Кроме того, если бы одновременно на отдых отправились более половины солдат, они не сумели бы одновременно расположиться в комнате, настолько маленькой она была. 25 человек, которые возвращались после своего двухчасового дежурства, даже не могли лечь. Им приходилось стоять или сидеть на корточках. Холод донимал их непрерывно, прорываясь сквозь разбитые окна, которые мы не могли плотно заделать.

Я сам со своей сломанной ногой мог оставаться на носилках только в том случае, если их ставили на скамейку, прибитую к стене на высоте метра над полом. Вот на этом насесте я и лежал круглые сутки, замерзший и беспомощный, закованный в гипс, глядя, как уходят и возвращаются мои несчастные товарищи.

Доставка продуктов была и простой и сложной одновременно. Саням требовалось от 40 до 50 часов, чтобы добраться до нас. Вражеская артиллерия неумолимо продолжала свое злое дело, непрерывно обстреливая дорогу, поэтому на последних километрах пути интенданты подвергались серьезному риску в дневное время. Если они пытались прорваться к нам ночью, они могли заблудиться в степи и вылететь прямо к советским постам.

Мы получили столько продовольствия, чтобы лишь не потерять силы: немного хлеба, который мы резали штыками, несколько банок мясных консервов, замороженных на фабрике и перемороженных во время путешествия.

Недосыпание убивало людей. Холод изматывал чудовищно, от него страдало все тело. Нашим ротам приходилось торчать в ледяных дырах по 12 часов в сутки совершенно не двигаясь. Люди стояли на льду. Если солдатам хотелось прилечь, ложиться приходилось на лед. Температура все время стояла 20 или 25 градусов ниже нуля. Короткий отдых в избе не позволял согреться — внутри было почти так же холодно, как и снаружи, да и отдохнуть по-настоящему не удавалось. Они не могли растянуться во весь рост на земле, ни даже подремать спокойно, так как взрывы снарядов постоянно сотрясали дома.

На протяжении нескольких дней советская артиллерия выпустила по нам несколько тысяч снарядов. Некоторые избы загорелись. Другие, получив попадание в крышу, разбросали свою солому на десятки метров в стороны. Наши потери были тяжелыми.

Один из наших тяжелых пулеметов получил прямое попадание и был подброшен на четыре метра в воздух вместе со стрелком. Он упал обратно, все еще сжимая рукоятки пулемета. Но два других человека в расчете были искалечены.

Вражеский снаряд прямо через окно влетел в избу, где отдыхали наши товарищи. Дом превратился в настоящую бойню. Один солдат просто исчез бесследно, раненые и убитые лежали огромной кучей. На следующий день удалось найти лишь небольшие куски мяса, разбросанные вокруг. Судя по всему, снаряд попал ему прямо в грудь.

* * *

Наши телефонные линии постоянно рвались.

40 человек, которые поддерживали связь между ротами и батальонным командным пунктом, а также между батальоном и дивизией, мучились невыносимо. С начала наступления им приходилось каждую ночь в мороз до 40 градусов пересекать реки, созданные оттепелью, разматывая километры телефонного провода. Они возвращались из степи с тяжелыми обморожениями рук, щек, носов и ушей.

В Громовой Балке они проводили дни и ночи, ползая по льду и снегу под пулеметным огнем вместе со своими проклятыми проводами, которые красные рвали по три или четыре раза в час.

Поддерживать связь было совершенно необходимо, так как эти провода служили батальону нервной системой.

Среди них был старик с седыми волосами, призванный впервые. Он тоже был ранен. У него еще хватило силы вытащить из кармана маленькую Библию и прочитать две или три строки псалма, прежде чем умереть.

Наши ужасные страдания, которые мы были вынуждены переносить, усугублялись и другими бедами, более интимного свойства.

Мы все были почти полностью покрыты таинственными болячками, которые солдаты на Восточном фронте называли «Русской чумой».

Болезнь начиналась с невыносимой чесотки, которая распространялась с ног. Их почти невозможно было чесать. Появлялись синеватые язвочки, которые жгло, как будто они были посыпаны солью и перцем. Они кровоточили, из них часто сочился гной. Видеть это было просто ужасно. Их нельзя было расчесывать, но нервы людей не выдерживали. Если днем у них еще хватало сил противостоять укусам яда, по ночам во время сна ваша руки невольно тянулись к ступням и икрам. Ваши пальцы соскребали коросту, и язвы делались глубже, кровоточили. Нам приходилось спать, не снимая ботинок, чтобы противостоять ужасному зуду.

Тысячи, десятки тысяч солдат на Восточном фронте были отведены с передовой, потому что эта ползучая зараза оказалась слишком сильной. В Громовой Балке некоторые наши товарищи расцарапали себя буквально до костей. По крайней мере у трех четвертей солдат кровоточащие икры были покрыты царапинами. Но, несмотря на перевязки, синие ямки ран, вызванных неизвестной кислотой, притягивали к себе пальцы, заставляя чесаться днем и ночью.

Нас также поедали полчища вшей.

Все контрнаступление на Донце мы провели, не имея даже единственной смены белья. В каждой из чудовищных изб, где мы останавливались, перед нами жили толпы монголов, татар, сибиряков, таскавших с собой насекомых. В наших тяжелых условиях, когда в каждый дом набивались по 40 или 50 человек, мы становились легкой добычей этих прожорливых, беспощадных насекомых.

Часть солдат уже обессилела, и они не хотели жертвовать еще часом сна, тратя его на бессмысленную охоту на вшей. Даже если вам

удавалось передавить ваших собственных вшей, ваш сосед не уничтожал своих. И к моменту пробуждения половина их перебиралась на вашу территорию. Организовать общую дезинсекцию в таких стесненных условиях было просто невыносимо, ведь солдаты не могли даже выпрямиться как следует.

Нам оставалось лишь вычесывать себя под мышками или в паху, вытаскивая горсти вшей. Некоторые были маленькими и верткими, другие длинными, а часть — круглыми с красным брюшком размером с булавочную головку. Их цвет удивительно подходил к цвету нашей одежды.

Вши находили особое удовольствие, присасываясь к ранам. Они находили путь сквозь все слои нижнего белья. Я чувствовал, как они ползают по моей сломанной ноге. Но сделать с ними мы ничего не могли, они поедали нас заживо, и наши нервы были натянуты, как струны.

С каждым днем русские становились все агрессивнее.

Более чем неделю мы не имели возможности поспать. Даже когда люди возвращались для своих двух часов отдыха в избу, снаряды и гранаты рвались так часто, что люди невольно бросались на землю, ожидая, что очередной снаряд взорвется посреди комнаты.

Погребов в этих домах не было, и найти убежище оказалось невозможно.

Начиная с 25 февраля по вечерам стали появляться советские танки. Они приближались на расстояние несколько сот метров, каждый раз выпускали несколько снарядов и исчезали в темноте.

Наши патрули сходились в жестоких рукопашных схватках с передовыми постами русских.

Советские войска методично выполняли свой план. Сначала они уничтожали все препятствия, одно за другим. Первой была атакована крупными силами деревня справа от нас, которую занимали эсэсовцы. Если этот редут падет, мы окажемся в изоляции, единственными защитниками дороги к Самаре, то есть того направления, куда русские намеревались бросить все силы.

Эсэсовцев насчитывалось около 200 человек. Они были настоящими бойцами. Наши люди, которые поддерживали контакт с их командным пунктом, не могли не восхищаться их хладнокровием под вражеским огнем. Русские расстреливали их из пулеметов с расстояния 30 метров, все дома поочередно. За один день эсэсовцы отбили 10 атак противника, в 20 раз более многочисленного. Они стояли непоколебимо, а в промежутках между атаками перебрасывались в картишки.

К концу недели они удерживали лишь узкий проход шириной около 100 метров, ведущий на запад. Три четверти этих отважных солдат пали в неравной борьбе. 28 февраля 1942 года в 05.00 несколько тысяч красных обрушились на 50 уцелевших немцев. В течение часа все они были безжалостно перебиты, спастись сумели лишь несколько. Мы видели, как они бегут к нам по снегу, преследуемые большевиками.

Они прибыли очень вовремя, чтобы помочь нам, потому что после захвата деревни, защищаемой солдатами дивизии «Викинг», большевики, которые всю ночь накапливали силы восточнее Громовой Балки, обрушились на нас.

В 06.00 два полка, насчитывающие около 4000 человек при поддержке 14 танков, атаковали нас.

Нас оставалось всего 500 человек, и мы имели единственный танк.

Громова Балка

Всю ночь наш батальон находился на ногах. Наши патрули следили за передвижениями противника. Мы были совершенно уверены, что атака неизбежна.

После падения деревни, защищаемой эсэсовцами, мы оказались в одиночестве на открытом пространстве площадью около 15 квадратных километров. Красные рвались отомстить, они намеревались отбить долину реки Самара, из которой их выкинули две недели назад.

Они не жалели усилий, чтобы добиться решающего успеха. Их артиллерия, сосредоточенная на высотах, обрушилась на нас, их наблюдатели отслеживали малейшее шевеление в деревне, превратившейся в кучу развалин.

Наши солдаты походили на призраков.

В полночь была объявлена первая тревога. В 06.00 новая тревога позвала солдат на позиции. Почти немедленно на нас со всех сторон обрушился пулеметный огонь.

* * *

Я лежал на двух досках в нашей избе, в 40 метрах от ледяных фортов, обращенных лицом на восток. Я с тревогой вслушивался в шум битвы. Внезапно крыша вспыхнула и затрещала, солома загорелась.

Прыгая на одной ноге, я добрался до окна, огромное число пехотинцев стремительно приближалось.

Сначала я подумал, что это хорватские добровольцы, они имели почти такие же темные шинели. Снаряды рвались среди них, немецкая артиллерия, которая была придана нам, открыла огонь почти в упор по этой толпе людей.

Они выскочили из оврага и бросились к центру деревни, атакуя позиции наших рот с тыла. Можно было подумать, что здесь проходят учения, настолько беззаботными они выглядели. Они развернулись в цепь, лишь когда подошли на расстояние около сотни метров к моей

избе. А затем я увидел 14 советских танков, которые с ревом неслись прямо вперед.

Моя рота была просто раздавлена и откатилась ко второй избе.

Я не мог больше терпеть. Моим сломанным костям требовались еще две недели, чтобы срастись. Разбив гипс, который сковывал мою ногу, я захромал наружу, используя винтовку в качестве костыля. Я намеревался присоединиться к своему отделению.

Забыв о своих страданиях, я занял место у своего пулемета. Здесь нас было 12 человек, расположившихся в 20 метрах от второй избы. Я устроился между двумя огромными мертвыми лошадьми, твердыми, как камень. Пули, звучно шлепались об их туши, но звуки получались довольно странными.

Противник разворачивался с востока к северо-востоку против двух линий домов в деревне. Одновременно они атаковали наших товарищей из 2-й роты, которые защищали избы на другом берегу пруда.

Солдаты 2-й роты показали чудеса храбрости, защищая свои позиции, но передовой пост был захвачен противником. Они все погибли почти до последнего человека, но сумели затормозить первый удар красных.

На северо-востоке советские войска, русские и азиаты, проникли за первые избы. Наши отчаянные солдаты и красные дикари убивали друг друга в ходе отчаянной рукопашной схватки.

Неожиданно над битвой воспарила одна из наших старых рексистских песен. В начале войны наши солдаты еще использовали кое-какие приемы старых времен: они пели, поднимаясь в атаку. Уцелевшие солдаты 2-й роты контратаковали красных, пытаясь отбросить их назад. Их командир обер-лейтенант Бюйд, промышленник из Брюсселя, бежал первым с пулеметом в руках. Он перестроил роту за углом дома, и она вышла на свои старые позиции в снегу.

Однако каждый из наших солдат жаждал схватиться с русскими. Советские танки появлялись в критических точках, давя всех и вся.

Лейтенант Бюйд вел огонь из пулемета, пока русские не оказались на расстоянии нескольких шагов. В этот момент он получил пулю в грудь и умер, рухнув на свое оружие.

Красные отбили первые хижины на северо-западе. Мы видели, как их танки с грохотом катили за нашими ранеными, настигали их и давали своими стальными гусеницами.

Наше положение было ничуть не лучше. Большевики заняли дымящиеся развалины первой избы и еще несколько соседних зданий. С северо-востока несколько пулеметов «Максим» вели бешеный огонь. С открытого сарая между нами и противником перекрестным огнем сорвало крышу. Он вообще развалился, как карточный домик.

Наши люди падали, пораженные разрывными пулями, которые наносили чудовищные раны. Один из моих товарищей упал передо мной, и его голова превратилась в бесформенную массу. Пуля снесла ему напрочь все лицо.

Красные больше не были перед нами. Избы на нашем левом фланге были захвачены, русские удерживали свои старые позиции на восточном гребне. Оттуда они хлынули в самый центр деревни.

Наших солдат осаждали маленькие кучки красных, которые яростно дрались, не желая уступить.

Мы сражались в основном винтовками, стараясь экономить боеприпасы, тщательно выцеливая большевиков перед каждым выстрелом. Противник продолжал наступать с ослиным упрямством. Прекрасное золотое солнце поднялось над снегами позади атакующих. Русские занимали наши позиции в снегу, и теперь их силуэты превратились в прекрасные мишени. Каждая голова, которая осмеливалась подняться над нашим старым бруствером, тут же получала пулю.

Но мы тоже несли тяжелые потери.

Через час я остался единственным из своей маленькой группы, зажатый между двумя лошадиными тушами, оказавшимися прекрасной защитой. Пули с визгом рикошетировали в разные стороны. Одна из них, пролетев рядом с моей щекой, сделала глубокую борозду в прикладе моей винтовки. Часть русских обошла меня слева, и там собралось не менее 30 противников всего лишь в 10 метрах от меня. В этот момент я почувствовал, что кто-то дергает меня за ногу. Молодой капрал из моего отделения Генри Беркманс, видя, что

я могу погибнуть, подполз ко мне и оттащил меня назад, словно я был санками.

Столь необычное путешествие длиной 20 метров привело меня на порог избы, крытой соломой, где оборонялись остатки нашей роты. Увы, моему героическому спасителю повезло меньше, чем мне. Взрыв гранаты раздробил ему ступни ног, и он умер в страшных мучениях.

Это произошло, вероятно, около 09.00. Советские танки, которые ворвались в деревню с северо-запада, теперь оказались в нескольких сотнях метров позади нас. Они продолжали свою ужасную охоту за людьми, разъезжая вокруг домов и находя явное удовольствие в том, чтобы давить моих товарищей одного за другим, даже безоружных и раненых. Мы поняли, что вскоре сами будем окружены и уничтожены этими стальными гигантами, тем более что на северо-восточный сектор пришлась основная тяжесть советской атаки. Дело в том, что русские собрали перед деревней все силы, освободившиеся после уничтожения эсэсовского гарнизона.

Мы также подвергались сильному артиллерийскому обстрелу. Лед вокруг нас разлетался на сотни крошечных осколков. Каждый из нас старался укрыться, как мог — за крестьянскими санями или оконными ставнями.

Старый солдат, ветеран Первой мировой войны по фамилии Стеенбрюгген особенно рвался в бой. Он получил пулю в заднюю часть шеи, упал, но поднял правую руку и закричал: «Прощайте, товарищи. Король победит!» Мы подумали, что он умер. Однако через 15 минут тело село и произнесло: «Однако, слава богу, я не умер». Наш старый солдат вернулся к жизни! Он остался жив, несмотря на пулю в голове! Он даже смог сам приползти на перевязочный пункт. Так как шея у него была необычайно толстая, он оправился от своей раны.

Но наше счастье быстро улетучилось. Советский танк решил покончить с нашим сопротивлением и пошел через замерзший пруд прямо на нашу избу.

Танк навел на нас свою пушку. Мы только и успели, что броситься на пол избы. Три снаряда, нацеленные очень точно, разнесли всю переднюю стену. Мы были похоронены под обломками развалившейся стены. Соломенная крыша загорелась. Несколько человек истекали кровью, у одного из них оторвало левую руку.

К счастью, один из этих снарядов пробил брешь в задней стене дома примерно метр высотой. Мы сумели вытащить раненых через дыру и выползти сами.

Чтобы добраться до следующего дома, нам следовало пересечь около 30 метров открытого пространства. Люди, которые пытались бежать прямо, были безжалостно убиты. Чтобы обмануть противника, который пытался целиться, необходимо было пробежать самое большое пять метров, затем броситься на землю, снова пробежать пять метров, снова броситься на землю и так далее. Снайперы противника, сбитые с толку такой тактикой, принялись искать менее увертливые цели.

Один из наших молодых солдат укрылся за трупом. Охваченный паникой, он даже не смотрел, кто это. Внезапно он увидел прямо рядом с собой человека, смотрящего мертвыми глазами в небо. Этот мертвец был его отец, отважный портной из Брюсселя.

Мы укрылись в соседней избе. Теперь уже ее крыша загорелась у нас над головами. Нам пришлось прижаться спиной к порогу здания, укрывшись за желтым ледяным валом застывшей мочи.

Танки обходили нас. Сотни русских пулеметов расстреливали нас почти в упор. Прямо позади нас соломенная крыша рухнула на землю, как огромный факел.

Танки почти завершили свой рейд позади нас. Мы теперь почти не стреляли, так как старались беречь каждый патрон. Конец неумолимо приближался. Наш командир роты положил мне руку на плечо. «Если ты погибнешь, я тебя не переживу», — сказал он.

Однако никто из нас не хотел умирать. Внезапно мы услышали рев моторов в небе. Танки красных взрывались! Избы взрывались! Вся толпа красных взлетела в воздух, точно игрушки!

Прибыли немецкие пикировщики!

С невероятной точностью они поражали советские танки и уничтожали по-дурацки сгрудившегося противника. Вражеские танки поспешно бросились врассыпную, пытаясь укрыться от пушечного огня пикирующих самолетов. Пехота побежала следом за ними.

Наш командир батальона немедленно бросил в контратаку последние силы, которые он сумел собрать. Эти солдаты пробежали мимо нас. К полудню Валлонский легион полностью отбил Громовую Балку и даже вернул первые избы по обе стороны пруда. Тела русских лежали повсюду. Мы захватили большое количество пленных. Монголы, уродливые, как обезьяны, киргизы, сибиряки — все были удивлены проявлением столь высокого духа. Они непрерывно повторяли, щуря свои маленькие желтые глазенки: «Бельгийски карош! Бельгийски карош!»

К несчастью, все наши раненые были уже мертвы, раздавленные советскими танками или убитые ударами штыков.

Завершив свою потрясающую атаку, немецкие самолеты улетели. Русские перегруппировались, их танки снова выдвинулись вперед. Все начиналось сначала.

Мы были беспомощны против их танков. В то время панцерфаусты еще не существовали, а мы не имели противотанковых пушек. У нас не было даже мин.

С самого начала этой невероятной борьбы немецкая 100-я пехотная дивизия, которой мы были приданы, обещала нам свою помощь. Танковая колонна была направлена к нашей деревне, но была перехвачена группой русских танков. Последовал бой в степи, который затянулся на несколько часов, и в результате подкрепления из 100-й дивизии к нам так и не прибыли.

Нашим солдатам снова пришлось вести оборонительный бой за каждую избу, за каждый сарай, за каждый холмик. К 15.00 они снова оказались прижаты к последним домам перед вишневым садом на юго-западной окраине деревни. Если их выбьют из этого последнего убежища, они окажутся в степи, плоской как стол, без единого кустика, где во все стороны на много километров тянется лишь глубокий снег.

Мы были вынуждены что-то предпринять, чтобы не оказаться в безнадежном положении. Наш командир капитан Паули собрал остатки рот и с гранатой в руке первым бросился в контратаку с нашим

старым кличем: «Король победит!» Весь личный состав батальона, все, кто еще мог двигаться, включая оружейников, поваров, посыльных и водителей, последовал за ним. Последовала безумная схватка. Красные и валлоны убивали друг друга даже в домах, стреляя сквозь щели в дверях, разносили черепа выстрелами в упор.

Русские танки, которые испытывали нехватку снарядов, бросились вперед, пытаясь давить наших солдат, которые метались от избы к избе. Советские пехотинцы, испуганные и измученные, сначала заколебались, а потом начали отступать. В разгар рукопашной с запада появились кое-какие немецкие подкрепления. После этого противник обратился в бегство. В третий раз мы отбили деревню.

Красные снова поймали сами себя, так как некоторое время гонялись за нашими солдатами. Но наши танки, выигравшие бой в степи, в свою очередь показали на склоне холма. Через полчаса советские танки и пехота исчезли в голубых снегах на северо-востоке.

Приближалась ночь. Тела семисот красных лежали на снегу, на льду прудов, возле развалин домов. Но во время этой яростной 12-часовой схватки погибли или были ранены также 250 наших товарищей.

Через час немецкие танки ушли на другой участок фронта, где также сложилась угрожающая ситуация. От изб в Гремящей Балке не осталось ничего, кроме тлеющих углей, чье свечение медленно угасало в ледяном вечернем мраке.

Ледяной фронт

Вечером 28 февраля 1942 года дымящиеся остатки Гремящей Балки были в наших руках. Однако было необходимо смотреть фактам в лицо: позиция стала незащитимой. Деревня была разрушена. Кроме того, она находилась на дне впадины. Со склона на востоке противник мог следить за всеми нашими передвижениями.

В течение 10 дней мы подвергались сильнейшему нажиму и работали не покладая рук. Мы должны были удержать деревню, хотя нам противостояли 4000 советских солдат и 14 танков, единственно во имя чести нашего народа. Мы все предпочитали умереть, но не отступить.

Бесполезно было начинать эту борьбу на следующий день. Мудрость требовала отступить из низины и создать линию обороны на западном склоне, который господствовал над Громовой Балкой. В этом случае артиллеристам красных было бы куда труднее целиться.

Командир 100-й дивизии генерал Занне приказал нашим батальонам под прикрытием ночи занять позиции на гребне. Наши передовые посты оставались на местах до последней минуты. Русские ничего не заметили. На рассвете они бросились на руины Громовой Балки под прикрытием плотного артогня и обнаружили, что атакуют пустое место.

Теперь настал черед нашей артиллерии сделать жизнь противника в деревне невыносимой. Русским пришлось ничуть не лучше, чем нам ранее. В результате они тоже отошли на холмы к востоку от деревни.

После этого мы следили друг за другом и обменивались пулеметными очередями с гребня на гребень. Деревня стала ничейной землей, лишь несколько закопченных печных труб поднимались над развалинами домов.

Наши новые позиции были поспешно сооружены посреди степи. Температура держалась на отметке минус 30 градусов, и окопы пришлось рыть в снегу и льду.

Вернулись несколько тяжелых немецких танков, фыркающая и постреливая. Приземистые, как средневековые бастионы, они

обосновались на хребте, а немецкая артиллерия тем временем была выведена из долины на запад.

В нашем расположении не имелось ни единого домишки, ни единого костра. Только ледяные норы, в которых обосновались 200 уцелевших, не имеющих никакого зимнего обмундирования, но им предстояло сражаться с русскими.

Снаряды рвались повсюду. Взлетел на воздух склад боеприпасов. Зубы наших солдат стучали, как кастаньеты, настолько все они промерзли. Некоторые лица стали уже совершенно зелеными. Люди буквально покрывались коркой льда, и следующая ночь была ужаснее предыдущей. Наше положение стало совершенно отчаянным. Держать людей, измученных месячными боями, посреди голой степи да еще при таких температурах, было совершенно неприемлемо. Люди были вынуждены часами лежать неподвижно на снегу.

Наш батальон совершил невозможное, продержавшись до конца. Лишь один человек замерз насмерть. На следующий день Валлонский легион все еще держал свои позиции. Ни русские, ни мороз не могли заставить нас отступить.

* * *

Чтобы как-то облегчить свои страдания, мы сравнивали наше положение с проблемами 150 раненых, которых увезли по степи на десятках саней.

В Г ромовой Балке требовалось дожждаться наступления ночи, чтобы эвакуировать наших товарищей, потому что в дневное время советские пулеметчики обстреливали санитаров, несмотря на знаки Красного Креста, и могли просто добить раненых.

Наши сани быстро проходили 7 километров от позиций до деревни Ново-Андреевка. Там они оставляли свой кровавый груз и возвращались.

Дожидаюсь санитарного транспорта, мы размещали раненых в импровизированных укрытиях, вроде сгоревших изб. Позднее в случае необходимости на подстилку обдирали уцелевшую солому с крыш. Всю ночь эти несчастные дрожали от холода на снегу, защищенные

лишь рваными тряпками и пучком соломы. Их страдания были неопишесемы.

В Ново-Андреевке врачи на перевязочных пунктах не знали, куда положить раненых. Они десятками лежали на голом земляном полу в домах. Деревня была всего лишь перегрузочным пунктом. Несчастных еще предстояло эвакуировать на 40 километров в тыл в Гришино. Но вернулась метель, и снова степь заносили крутящиеся снежные вихри.

Саням требовались два или три дня, чтобы добраться до полевого госпиталя в Гришино. Люди с наспех перевязанными ранами и второпях наложенными лубками умирали от холода. Осколки гранат и пули, все еще застрявшие в теле, причиняли им ужасные мучения.

Скопление раненых в Гришино было невообразимым. Туда за пять недель привезли 11 000 человек. Некоторым тяжелораненым приходилось ждать по пять дней, пока им сменят повязки, которые становились черными и жесткими, как железо. Они с трудом могли объяснить, что им нужно, так как большинство не знали немецкого. В своих страданиях они даже не могли рассчитывать на слово утешения. Они достигли самых глубин физических и нравственных мучений.

К утру 2 марта 1942 года численность Валлонского легиона сократилась в три раза. Из 26 офицеров остались только двое, причем одного из них вскоре пришлось эвакуировать по причине нервного срыва.

В пути уже находились немецкие войска, которые должны были сменить нас. Наши разведчики сумели вырыть несколько подземных убежищ, которые позволили чувствовать себя хоть чуточку комфортнее на этом продуваемом со всех сторон хребте. Тем не менее, несмотря на эти убежища, батальон, который сменил нас на плато, только за март потерял в результате обморожений 30 процентов своего состава.

Нас сменили в полдень.

Наши парни, грязные и небритые, вернулись со своих постов, не скрывая гордости. Их героизм уже вошел в поговорку среди солдат, сражавшихся на Донце. Командир 100-й дивизии наградил их 33 Железными Крестами. В то время такое количество наградений для

одного батальона было необычайным. Еще больше чести принесло нам упоминание в приказе по вермахту и в коммюнике Верховного командования.

Мы остановились в Благодати, которая находилась далеко в тылу.

Заснеженные поля были очищены от сотен трупов, казаков в синих шинелях, монголов в белых халатах, мимо которых мы прошли месяц назад во время наступления.

Мы нашли дома! Ужасные дома, трухлявые дома, но все-таки дома! Перед нами больше не было орд диких азиатов с крошечными сверкающими глазами, с воем бросавшихся в рукопашную.

Мы смотрели друг на друга неверящими глазами. Наши бедные мертвые товарищи, братья, которые разделяли наши мечты, казалось, идут впереди нас. Каждый из нас потерял близкого друга. Наш легион стал братской семьей, мы были едиными мыслями и устремлениями.

Наши сердца страдали, а привкус славы горчил на губах.

Глава 3

Битва за Харьков

Бой за Громовую Балку стал последним крупным усилием большевиков в боях на Донце зимой 1941–1942 годов. Наш легион, расположенный в Благодати, находился в резерве, но готовый двинуться на помощь при первых признаках опасности. Но на фронте пока не возникало серьезных проблем.

Ночью можно было слышать частую стрельбу из пулеметов. Буквально с крыльца нашего жилища мы могли видеть вспышки выстрелов и струи трассирующих пуль, летящие над степью.

Удар, нанесенный красным 28 февраля, оказался решающим. Их наступление было остановлено, и они были отброшены назад.

Благодать по-прежнему утопала в высоких сугробах. Снегопады сменились сильными метелями. Казалось, зима будет тянуться бесконечно. Мы провели в этой белизне шесть месяцев. Она нас просто достала: белая степь, белая крыша, белое небо, которое летело над головами.

Деревня, опустошенная боями, была исключительно бедной. Мы спали на досках или соломе, иногда даже на земляном полу наших жилищ. Хныканье бледных детей терзало наши уши. Эти бедные люди питались только картошкой, которую они жрали сырьем, только посыпая ее солью. Все коровы были перебиты. Крестьяне волокли своих мертвых лошадей, а также тела пятисот советских солдат, свалив их в большой каменоломне — внушающий ужас могильник, из которого торчали лошадиные копыта и человеческие головы.

Мы брали воду из деревенского колодца. Однажды ведро упало туда и осталось на дне. Мы послали человека, вооружив его прочной веревкой с привязанным крюком, чтобы выудить ведро. Крюк вскоре что-то зацепил, и мы решили, что это ведро. Однако оно оказалось невероятно тяжелым, потребовались крепкие руки и спины нескольких мужчин, чтобы вытащить это. Но вот наконец наша добыча показалась

на свет: огромный ужасный монгол, наполовину разложившийся — его пояс зацепился за крюк. И эту воду мы пили несколько недель!

Избы были не более чем пристанищем для вшей. В наших жилищах лежали запасы зерна для посева, которое постоянно шуршало, так много мышей там обитали.

Большинство из нас страдало от «волынской лихорадки», или сыпного тифа, разновидностью малярии, от которой человек впадает в тяжелую апатию. Вечером температура у нас подскакивала до 39 градусов. Зато утром она падала до 35 градусов. Мы едва могли есть и становились все слабее и слабее. Избы и степь кружились вокруг нас. Мы не могли работать и даже выйти наружу.

Кризис, даже в самой острой стадии, наступал через три или четыре недели. После этого мы с огромным трудом, но все-таки могли подняться на ноги, а наши головы тряслись как у бедных старых лошадей.

Выздоровление редко шло гладко. Время от времени тиф возвращался, как и малярия. Против эпидемии на Восточном фронте наши врачи не имели лекарства, исключая вездесущий аспирин — универсальное лекарство всех армий в мире.

* * *

Мы пытались вернуть обычные привычки и нормальную гигиену.

В одном из домов мы временно конфисковали корыто — нечто вроде плоского каноэ, вырубленного топором из целого ствола. Растолкли в нем огромную глыбу промерзшего снега, а потом садились в эту смешную лодку. При первом же слишком энергичном движении ты вываливался наружу.

Русские не мылись в течение всей зимы. Они изобрели самые чудные способы очищать свои лица. Набрав воды в рот, они брызгали четыре или пять раз себе на ладони, а затем терли щеки. Точно так же они вытирали лица своим хнычущим детям.

Церемония охоты на вшей становилась почти ритуалом.

Сначала требовалось вызвать соседскую женщину. Склонившись до самой земли, она распускала волосы и клала их на колени своей родственницы, которая проводила час или два, вычесывая мириады

маленьких насекомых большим деревянным гребнем. Затем уже она садилась на землю, а первая, не прекращая болтать, в свою очередь принималась за вычесывание.

Летом эта операция проводилась на пороге избы. Это было ужасающе прекрасно: они убивали вшей друг у друга — весьма наглядный пример коммунизма.

Как только наши легкораненные оправились, мы переформировали свои роты, хотя их численность составляла только половину первоначальной.

В начале контрнаступления я был капралом, но стал унтер-офицером в разгар битвы за Громовую Балку. Я следил за исправностью пулеметов и качеством супа с таким рвением, словно собирал 50 тысяч политических последователей. Мне нравилась солдатская жизнь, простая и свободная от мировых проблем, амбиций и интересов.

Прошли несколько месяцев с тех пор, как я получил последние известия о драках на Форуме. Гадючья стая прожорливых чиновников, искушения и подлости политической арены заставляли меня страдать. Я предпочел вшивую избу министерскому кабинету, поношенный солдатский мундир душному комфорту ничтожного среднего класса. Я мог прямо смотреть в глаза моим солдатам, очистившись самопожертвованием, я чувствовал, как шаг за шагом приближаюсь к их идеалам. И я ощущал, что в свою очередь отдаю им весь жар своего сердца.

Нас довольно часто посещали наши немецкие товарищи. Мы даже могли забежать к ним, чтобы провести вечер у них в блиндажах. Долгие часы мы обсуждали проблемы послевоенного мира.

Что же там еще будет, кроме смерти?

Вопросы о границах и материальном благополучии нас не слишком волновали. Мы постоянно жили лицом к лицу со смертью, а потому пришли к пониманию исключительной важности духовных сил. Фронт держался только потому, что здесь находились души, которые верили, что горят пылом страсти, который излучает силу.

Наши победы достигались не только силой оружия, но и силой помыслов.

Проблемы послевоенного мира будут такими же. Экономических побед будет недостаточно. Политической перестройки будет недостаточно. Потребуется огромное моральное возрождение, которое унесет с собой все грехи нашего времени, восстановит наши души, привнесет свежую атмосферу терпения и безоговорочной преданности.

Национальная революция? Да. Социальная революция? Да. Европейская революция? Да. Но прежде всего и превыше всего духовная революция, которая в тысячу раз нужнее, чем видимый порядок, чем видимая справедливость, чем братство только на словах.

Слова, родившиеся из смертей и ненависти войны, требуются прежде всего чистым сердцам, верящим в свою миссию, исполнению которой они посвятили себя целиком.

Наши споры полыхали подобно пламени. Маленькая тусклая керосинка выхватывала из темноты наши лица. Эти лица светились. Этой зимой мы переносили телесные страдания ради очищения душ. Никогда мы не чувствовали такой силы в сердцах, такой ясности, такой радости.

Фронт заставил нас хлебнуть лишений, ведь мы потеряли все привычные мелкие жизненные удобства. Но мы очистились от ненависти и всяческих ничтожных желаний. Мы умерщвляли наши тела, гасили свои амбиции, очищались и приносили себя в жертву. Сама смерть больше нас не пугала.

Снег продолжал устилать поля.

На Великий четверг он повалил снова, огромные хлопья сыпались несколько часов. Затем воздух очистился. Мы смотрели на белую степь, над которой поднимались высокие черные стебли подсолнухов. В конце зимы холмы приобрели странный серый оттенок. Снова показалось солнце.

Воробьи весело чирикали в соломе. Каждый день солнце прогревало равнину. Талая вода бежала ручейками. Крестьяне своими топорами, долотами и кирками кололи лед толщиной 30 или 40 сантиметров, который окружал наши дома. Через несколько дней селение превратилось в огромную выгребную яму. Поля были похожи на море липкой патоки. С одного конца деревни до другого мы могли добраться только верхом, делая большой крюк по возвышенностям.

Впрочем, самые смелые из нас рискнули заняться серфингом. Они катались вокруг Благодати в плавательных костюмах следом за упряжкой мулов. Между избами мы соорудили мостки, так как грязь имела глубину не меньше полуметра. Потоки шириной до 50 метров, образовавшиеся из тысяч ручейков, неслись вниз по склонам с силой настоящей реки, образуя kloкочущие водовороты. Первую крестьянскую телегу, которая осмелилась пересечь такой поток, просто унесло прочь. Женщина, которая ей правила, едва не утонула, она долго плыла и ныряла, захлебываясь.

* * *

После двух недель солнечной погоды мы сумели вернуться к стогам на вершине гряды, где бывали прошлой осенью. Там мы валялись на солнышке, сбросив куртки, подставляя торс живительному весеннему теплу.

Место, где находились деревенские пруды, изменилось совершенно. Большие мороженые карпы плавали сотнями возле решетчатых запруд.

Однажды я поскакал верхом на запад. Река петляла. Я заметил вдали небольшой лесок. Он уже начал зеленеть, мягкие желто-зеленые тона. Я поднялся на стременах и вдохнул полной грудью воздух, напоенный весенними ароматами. Просто чудесно!

Солнце победило зиму!

Дороги просохли. Ветряная мельница махала крыльями в прозрачном голубом небе.

Наступил май. 10 мая мы получили секретный приказ. Мы должны были сменить сектор, выступив этой же ночью. Надвигались великие события. Радостные и шумливые, мы покинули избы, распевая веселые песни, и отправились навстречу новым приключениям и славе, и весеннее тепло грело наши сердца.

Крик кукушки

Ни разу во время ужасной зимы 1941–1942 годов даже тень сомнения не омрачила дух немецких солдат и их европейских союзников. Их страдания были неопишутемы, однако они знали, что только удары беспощадной зимы, лед и температура минус 42 градуса да нехватка техники были причиной неудач. Сталин не контролировал ситуацию. Теперь железные дороги возобновили нормальную работу, мосты были восстановлены, письма приходили довольно быстро. Раздавалась теплая одежда, объемистые женские меховые душегрейки из прекрасных баварских шкур. Мы получили их, когда оттепель была в разгаре. У нас хватило духа посмеяться над запоздалым подарком и вернуть его.

Весной у нас не возникало серьезных проблем. Америка, которая официально вступила в мировую войну в декабре 1941 года, всю зиму терпела сплошные поражения. Англичане, которые к этому времени стали несомненными чемпионами мира по эвакуациям морем, оставили Гонконг и Сингапур и драпали со скоростью призовых гепардов, пантер и других кошек по джунглям Бирмы. Армии на Восточном фронте твердо верили, что англичане и американцы глубоко увязли в Азии и больше не представляют угрозы для Рейха. Пока они продолжают отступать по просторам Тихого океана, Германия спокойно нанесет решающий удар Советскому Союзу.

Да, было понятно, что Сталин продолжает отбиваться, он даже отвоевал зимой какую-то территорию. Но теперь армии Рейха отбросят осторожность, проявленную прошлой осенью. Некоторые участки фронта немцы продолжали твердо удерживать, хотя это казалось невозможным. Конечно, еще возникали опасные моменты, но, несмотря на прерывистый фронт, несмотря на морозы, несмотря на бардак, наше положение снова стало совершенно надежным.

Русские в 1941 году понесли колоссальные потери. Их зимнее наступление провалилось, провалилось полностью.

Наступал последний раунд борьбы. По крайней мере, мы так думали, совершенно уверенные, что близится исход великой битвы.

Никогда еще немецкие армии не были столь мощными.

Рейх предпринял необычайные усилия, чтобы восполнить потери, понесенные зимой, и довести численность соединений до штатной. Полки снова имели полный состав. Дивизии даже были усилены, получив по запасному батальону численностью 1500 человек для восполнения потерь, которые будут после начала нового наступления в бескрайних степях.

Каждое подразделение получило новую технику и новое вооружение в отличном состоянии. Было приятно видеть эти дивизии численностью от 15 000 до 17 000 великолепных, жизнерадостных молодых людей, прямых и сильных, как молодые дубки, под командованием опытных офицеров и унтер-офицеров. Таких солдат не имела ни одна армия в мире.

Зима была забыта. Если мы теперь и вспоминали ее, то со смехом. Вспоминая перенесенные страдания, мы лишь радовались тому, что видим сейчас. Человек, отмороживший себе нос, вынужденный спать в избе, кишасей вшами, которые были настоящими людоедами, вынужденный питаться гнилыми сухарями, теперь думал об этом с некоторым изумлением. Судя по разговорам, люди стали совершенно нестигаемыми.

Внезапно произошел сенсационный поворот в ходе войны, который позволил немецкому командованию еще раз продемонстрировать свое исключительное мастерство.

Высшее немецкое командование обладало совершенно непревзойденным хладнокровием и спокойствием. Немецкие генералы сидели в своих штабах за картами, как шахматные чемпионы за доской, склонившись над фигурами. Они все тщательно продумывали и делали только далеко рассчитанные ходы.

10 и 11 мая 1942 года германское командование привело в движение свои войска на Донце, чтобы начать наступление на восток. Но пока эти войска выдвигались на исходные позиции, советский маршал Тимошенко нанес чудовищный удар, начав наступление в самом северном секторе нашего участка фронта. Он прорвал оборону ниже Харькова и бросил несколько сот тысяч человек на Полтаву и Днепр.

Войска Тимошенко глубоко вклинились на занятую немцами территорию. Московское радио и Би-би-си объявили о неизбежном выходе русских на Днепр. Драпавшие войска добежали аж до нашего расположения, распространяя мрачные слухи.

Германское Верховное командование было полностью переиграно русскими. Однако немцы спокойно восприняли свой провал, не поддавшись панике. Гораздо более важным было то, что немцы так и не отказались полностью от своего плана наступления. Приготовления продолжали идти согласно плану. Верховное командование позволило русским наступать целых пять дней, в результате чего возник огромный выступ с центром в Полтаве. Все это время немецкие батальоны спокойно выходили на указанные им позиции. Ни один маневр не был ускорен ни на час.

Наш легион еще не получил новобранцев в качестве пополнения. Однако ему выделили широкий участок как раз в горловине фронта на Донце.

Наши окопы и траншеи находились в отличном состоянии. Они шли вдоль гребня цепи высоких холмов, склоны которых круто спускались к речной долине и к деревне Яблонская. Яблонская господствовала над проходом, и красные превратили ее в мощный узел обороны. Их артиллерия простреливала всю долину. Снаряды сыпались на наши позиции, словно кто-то закидывал их шариками для пинг-понга.

Ночью наши добровольцы бесшумно ползли подобно ласкам между минами, густо усеявшими наш сектор, чтобы проверить оборону русских. Они должны были укрыться среди вражеских позиций и провести день, наблюдая за врагом. Они тщательно изучали все коммуникации красных, расположение пулеметных гнезд и артиллерии.

На рассвете мы рассматривали холмы, занятые красными, в бинокли. С вершины стога сена наблюдатели должны были на мгновение поднять руку и помахать носовым платком. Наши солдаты отлично умели маскироваться. Наши пулеметы должны были

прочесать окружающий район очередями, чтобы прикрыть сорвиголов, если русские их заметят.

Некоторые взводы отваживались на подобные рейды каждую ночь, отправляя по два человека. На следующую ночь мы слышали тихое шуршание в назначенном месте и ползли к краю минных полей, чтобы встретить возвращающихся товарищей. Они всегда возвращались в полном порядке, принося детальную информацию и захватывающие истории.

Вечером 16 мая был получен приказ начать наступление.

Мы не имели понятия, куда именно заведет нас атака. Как уже не раз случалось, каждый день назначались новые цели. В армии нет нужды бессмысленно напрягать мозги и заглядывать далее, чем в завтра. Для нас 16 мая 1942 года это был проход в Яблонской.

Наступление началось в 02.55. На нашем левом фланге на северо-восточном берегу реки немецкие танки нанесли массированный удар, обошли Яблонскую, а потом повернули к небольшой долине.

Мы бросили в бой только часть добровольцев. Их задачей было вышибить русских из Яблонской, атаковав ее с фронта. Но наша атака была бы только уловкой. Пока советские войска отвлекутся на нас, танки должны были нанести главный удар с северо-востока. Остальные наши силы пока удерживали позиции на гребне холмов, ожидая развития событий.

Ночью с 16 на 17 мая время тянулось мучительно медленно.

В 02.30 впервые горизонт стал серым — приближался рассвет. Тысячи людей, готовых к атаке, затаили дыхание. Ни один звук не нарушал тишину нарождающегося дня.

Зеленые и серебряные лучи медленно ползли по склонам долины. Внезапно раздался совершенно неожиданный звук, громкий и радостный: «Ку-ку! Ку-ку!»

Это запела кукушка! И это в долине, где вот-вот заговорят пушки и выглянет мрачное лицо смерти!

«Ку-ку!»

Но затем птица умолкла. Грохот танковых гусениц заполнил воздух. 17 мая 1942 года. Началось наступление на Харьков.

Яблонская

Начало наступления повергло тысячи людей в секундный ступор, словно на них обрушился ураган.

Утром 17 мая в 03.00 советские войска на Донце явно не ожидали ничего. Они все были в восторге от успешного наступления на Харьков — Полтаву и не могли даже подумать, что, чем дальше на запад заходят их дивизии, тем быстрее все они будут уничтожены!

Из деревни Яблонская в конце долины какое-то время не раздавалось ни одного выстрела. Ночь как ночь, много таких уже прошло.

Вскоре после того, как грохот немецких танков стал громче, мы увидели, как над брустверами траншей замелькали маленькие круглые каски.

Могучий рев танковых моторов эхом отдавался в полях на плато. Примерно десять минут еще звучал грозный лязг танковых гусениц, а потом рассвет взорвался оранжевыми и зелеными сполохами. Артиллерия открыла огонь, и загрохотали одновременно сотни орудий.

Со своих позиций на склонах холмов мы с удивлением следили за тем, куда падают снаряды. Советская деревня была разнесена на куски, перевернута вверх дном, перемолота в щепки, словно огромный великан изрубил его чудовищным топором.

А потом наши солдаты начали бегом спускаться в небольшую долину.

Склоны были совершенно голыми и крутыми. На дне текла река, ближе к вражеским позициям, и скошенные поля были усеяны старыми, заброшенными скирдами. Фронт атаки сначала сузился, но потом снова расширился, так как начались поля, подходящие вплотную к первым домам Яблонской.

Согласно плану наши добровольцы должны были только отвлечь противника и связать его боем, пока танки зачищают плато. Но наши парни были неудержимы. Скатившись в долину, они не стали

останавливаться, укрывшись в оврагах и беспокоя русских издалека, а бросились вперед. Единым порывом они преодолели километр, отделявший их от деревни.

Мы восхищались их отвагой, но, зная о силе вражеских позиций, предчувствовали неминуемую катастрофу.

Так вскоре и произошло. Маленькую равнину, по которой бежали наши товарищи, накрыли сотни снарядов. Несчастные парни даже не успели замедлить бег, как налетели на ряды колючей проволоки. Однако они не остановились и продолжали мчаться к Яблонской. Как ни странно, но несколько человек добежали до первых домов.

Затем новые разрывы совершенно скрыли их из виду. Повсюду взлетали высокие столбы дыма и пыли.

Наши люди побежали назад в полном беспорядке. Мы думали, что все они перебиты. Почти все лежали на земле и не шевелились. Лишь несколько раненых кое-как ползли. Мы видели их в наши бинокли, они пытались укрыться в крошечных складках местности и перевязать свои раны.

Однако помочь им было совершенно невозможно. Все подходы были перекрыты огневой завесой, настолько плотной, что попытка прорвать ее была бы форменным безумием.

Наши солдаты должны были спастись самостоятельно, но без бросков и беготни. Прошло некоторое время, прежде чем до нас дошел этот основной принцип.

Наши бинокли поворачивались от одной скирды к другой, обшаривая мелкую долинку. Мы были совершенно уверены, что эти скирды поменяли место. Мы решили проследить за одной из них в течение нескольких минут. Она двигалась, никаких сомнений! Почти незаметно, но двигалась.

Некоторые наши солдаты под шквальным огнем укрылись позади этих кучек соломы и заползли под них. А теперь, подобно черепахам, они потихоньку двигались в сторону противника.

Это было зрелище в равной степени смешное и волнующее. Русские не могли обстреливать долину из пулеметов непрерывно. Но

при каждой передышке скирды передвигались на несколько метров вперед. Движения были настолько осторожными, что уловить их можно было, только отметив себе реперные точки.

Наши солдаты-черепахи наверняка потихоньку звали своих товарищей, которые лежали посреди равнины. Некоторые из них уже час как лежали неподвижно, словно камни. Но когда скирда приближалась, предполагаемый покойник оживал и скрывался под ворохом сена, присоединяясь к своим товарищам!

Этих кучек сена было очень много. Почти невозможно было обнаружить, какие из них стоят на месте, а какие движутся, русские и не обнаружили. Прошло два часа, но наша уловка так и не была раскрыта. Большинство наших солдат под прикрытием новоизобретенной маскировки подползли вплотную к небольшим холмикам всего в сотне метров от врага. Их пулеметы начали обстреливать позиции красных.

Все утро наши солдаты исполняли свой долг, проявляя отвагу сверх ожидаемой. Они непрерывно обстреливали русских, вынуждая их сосредоточить все силы напротив долины, в то время как наши танки, укрываясь за холмами, обошли противника на несколько километров.

Немецкая пехота следовала за танками. Мы видели, как немецкие солдаты скользят вдоль возвышенности на северо-востоке, проявляя свою обычную осторожность. Это настолько отличалось от порывистости наших валлонов, несдержанных, как все дети. После нескольких часов тонкая зеленая линия вермахта протянулась в район, который удерживали русские. Положение русских в Яблонской стало отчаянным.

Но защитники тоже продемонстрировали незаурядную отвагу. Наши пулеметы обстреливали их позиции. Германская артиллерия обрушила на них сотни снарядов, с непостижимой меткостью накрывая русские блиндажи. Мы видели, как взрываются укрытия и рушатся избы. Русские постоянно возвращались, окапываясь среди развалин, и восстанавливали позиции. Советская батарея двинулась

вперед из деревни, расположенной в трех километрах от линии фронта. Немецкие орудия нащупали дистанцию и начали обстрел дороги. Несмотря на это препятствие, русские подкрепления подходили постоянно.

Вмешались немецкие пикировщики.

Во время зимних боев немецкая авиация поддерживала нас крайне редко. Она появлялась только в самых крайних случаях, причем прилетала лишь горстка самолетов.

Зато теперь в сверкающем небе прямо над нами кружили более 60 «Штук»! Если говорить точно — 64 штуки. И только в нашем секторе. Это было фантастически. Все небо заполнило пение их моторов. Самолеты скользили один за другим, а затем устремлялись вниз, включив сирены. Они выходили из пике в последнее мгновение, в воздух взлетал огромный столб земли, человеческих тел, разломанных крыш. Затем самолеты взмывали вверх в идеальном порядке, величественно разворачивались и снова начинали пикировать.

Русские проявили поистине героическое упорство и снова возвращались, когда «Штуки» отворачивали в сторону. Прижатые к земле, они спешно рыли новые окопы и снова открывали огонь.

Но это невероятное упорство закончилось примерно к 15.00.

Танки, за которыми следовала пехота, спустились по склону позади деревни Яблонская. Наши солдаты выпрыгивали из-под своих стожков, совсем не желая уступать кому-либо честь первыми войти в деревню. Они быстро форсировали реку и бросились на русских.

В это же самое время одна из наших рот выскочила из окопов и захватила деревню напротив Яблонской, на другой стороне речки.

Долина была открыта.

Было совершенно необходимо не давать противнику передышки.

Судьба Яблонской могла посеять панику в тылу русских. Немецкое командование намеревалось использовать все выгоды ситуации. В 20.00 начался второй этап наступления.

Большие пылающие стога освещали холмы, пока мы пробирались через русские минные поля. Тысячи солдат двигались вперед ползком,

так как яркий огонь делал из них слишком хорошие мишени. Время от времени солдат натыкался на мину, и его подбрасывало в воздух, разорванного на куски. В долине также подорвались несколько артиллерийских расчетов вместе со своими лошадьми и пушками. Однако необходимо было наступать, чтобы занять еще до рассвета новую гряду холмов в 8 километрах к востоку.

В 04.00 мы вышли на назначенный рубеж, и мерцающий рассвет приветствовал нас. Прошлой ночью температура внезапно подскочила до 40 градусов выше нуля, буквально за одну ночь расцвели тысячи вишневых деревьев в долине. Она превратилась в кипящее белое море душистых цветов, по которому мы плыли по направлению к врагу.

Пятьдесят градусов

Бой за Яблонскую стал одним из эпизодов битвы за Харьков. По всему котлу на Донце мы выбивали советские войска из укрытий, громили и уничтожали точно так же, как это происходило в нашем секторе. Повсюду фронт, стабилизировавшийся в начале марта, был разорван танками и «Штуками». Укрепления красных, одно за другим, захватывались нашими войсками. Где и как русские сумеют восполнить свои потери?

В конце концов они обратились в бегство по всему фронту на Донце. 18 мая 1942 года, в то самое утро, когда мы прорвались через долину, мы столкнулись только с арьергардом и отставшими от своих частей. Мы преследовали противника по пятам и мчались вперед со всей скоростью, какую только можно было развить в пыльной степи.

Адское солнце поднялось в зенит, и температура повысилась еще больше.

Маршируя в облаке пыли высотой три или четыре метра, мы проходили мимо беженцев — сотни женщин и детей, крестьянки в синих и красных платках, босоногие пацаны, коровы с маленькими телятами, которые не могли убежать. Все они тащили с собой свои скудные пожитки на маленьких тележках: одну или две корзины зерна, деревянную кадушку, жалкие тряпки, ведро из колодца. Мы поглядывали на красивых девушек. Из этого толпа сделала вывод, что мы не людоеды, и остановилась. Мы отправили всех их в противоположном направлении, к брошенным деревням. Маленькие телята так забавно чихали, тащась за хвостом матери!

Мы прошли около 20 километров с максимальной быстротой, покрывшись густой пылью. Наши губы пересохли, а лица стали черно-багровыми.

И тут над дорогой поднялась туча пыли, еще более густая, чем наша. Это была кавалерия, словно вынырнувшая из прошлого! Одна из великолепных советских казачьих дивизий удирала во все лопатки, а теперь мимо нас пролетела германская кавалерия, преследуя беглецов.

Мы останавливались в деревнях, напоенных ароматами цветения, заполнившими все вокруг в эти весенние дни. Мы располагались под

вишневыми деревьями, глядя, как солнечные лучи играют на нежных цветочных лепестках. Температура поднялась до 55 градусов. В феврале в этой же самой местности на нас обрушился мороз 42 градуса ниже нуля, то есть перепады температуры составляли 100 градусов! А форма у нас была только одна...

Хутора стояли в тени деревьев, сверкая разными красками: серая и желтая солома, ставни синие, зеленые или красные, расписанные голубями и подсолнухами. Свиньи, розовые и черные, копошились во дворах. Глаза женщин сияли от радости, что больше нет причин бояться, и от того, что они видели столько молодых, крепких мужчин.

После прибытия мы разделись до трусов и подставили свои бледные тела солнцу. Река все еще была холоднющей, но мы все-таки бросились в нее, хотя потом щелкали зубами. Мы победили зиму и теперь воспрянули к жизни! Подставив спины жаркому солнцу, впитывая его тепло, мы загорали и наполняли тела новой энергией. Раздетые до трусов, мы прыгали на лошадей и неслись галопом, наслаждаясь скоростью, своей силой и молодостью, наши глаза горели, и мы чувствовали себя подлинными хозяевами степи!

В тенистых оврагах, отходящих от маленьких долин, все еще лежал снег, но небо было голубым, крылья ветряных мельниц вращались, и мы жевали лепестки цветов вишни. Противник бежал.

Мы подошли к лесам.

Вдоль тропинок гнили многочисленные трупы. На окраине леса разыгралась жестокая битва, противник упорно оборонял его. Трупы монголов и татар валялись повсюду, наполовину разложившиеся, демонстрируя желтые внутренности. Мы поспешили дальше и остановились в брошенном советском лагере.

Лагерь, тщательно замаскированный под деревьями, состоял из конических хижин, подобных лапландским. Вход в эти жилища был очень низким. Внутри красные спали под грудями палых листьев. Вероятно, для них зима была не столь жестокой, как для нас в наших дырявых избах с окнами, разбитыми близкими разрывами. Стойла для лошадей были такими же примитивными. В общем, это было всего лишь стойбище дикого сибирского племени, которое лучше нас знало, как пережить ужасную зиму.

Война в России была сражением между цивилизацией и дикостью. Варвары могли спать где угодно и есть что угодно.

Цивилизованный человек был связан своими привычками, своей любовью к комфорту. Кучи листьев достаточно для татарина, самоеда или монгола. Но мы были другими, мы не могли обойтись без зубной щетки, но чтобы доставить ее, требовались два месяца.

Переусложненные обычаи и лишний багаж цивилизации неизбежно становились жертвами. А человек в куче листьев, проделав путь в тысячу километров, переиграл с помощью жестокости утонченного человека и завершил свой победный марш под победной колесницей на Унтер ден Линден.

Мы поставили свои маленькие зеленые палатки в лесу, где не так много трупов.

Погода снова стала холодной и дождливой. Мы тряслись под промокшим брезентом.

Война превратила лес в настоящие джунгли. Множество лошадей, сбежавших от опасностей битвы, вернулись к дикой жизни. Они сбежали от людей и стойл в густые тени леса.

Мы караулили их на берегах черных прудов. Наши люди превратились в ковбоев и начали тренироваться в метании лассо. А спустя некоторое время они вернулись, волоча за собой на арканах лошадей.

Иногда удавалось поймать кобылу. Из своих палаток мы могли видеть трепетание листвы. Это был прелестный жеребенок, может быть, всего восьми дней от роду, который искал свою мать, хотя еще не слишком уверенно стоял на тонких ножках.

Мы приютили нескольких лошадей. Мы их никогда не привязывали. Они бегали и прыгали вдоль нашей колонны, весело мотая головами и радостно фыркая. Когда мы останавливались, жеребята подбегали к матерям, совали голову под брюхо и жадно сосали, затем беззаботно оглядывались, облизывались, как бы говоря: «Это чертовски вкусно!»

Но работа ковбоя была опасной. Наш лес все еще кишел советскими солдатами, прятавшимися в чаще. Они видели наши верховые упражнения и устраивали засады возле прудов. Несколько

человек были убиты и ранены, и мы были вынуждены отказаться от этого развлечения — приручения диких лошадей.

Нашей работой было приручение русских.

Однажды ночью начался очередной марш по меловой дороге, пустынной и пыльной. Зло подбиралось все ближе. Большевистские дивизии, загнанные в Полтаву, начали отходить на восток, огрызаясь. Они впустую бились о железную стену, поставленную вермахтом.

Германское командование опасалось попытки отчаянного прорыва на Изюм и приказало нам занять позицию поперек предполагаемого пути отхода русских. Нам передали грузовики, чтобы мы могли побыстрее добраться до указанного места.

Однако советские войска находились в прочном кольце. Отдельные солдаты пытались выскользнуть из него и гибли. Дивизии маршала Тимошенко исчезали одна за другой.

Против нас находились две казачьи дивизии. Казаки любили своих верховых лошадей, с горячими глазами, наполовину диких, с тревожно раздувающимися ноздрями, которые ловили степные запахи. Казаки не хотели, чтобы их лошади стали добычей завоевателей, поэтому они загнали их в маленькую долину и убивали там тысячами. Потом мы насчитали более 12 000 лошадиных трупов, лежащих один на другом.

Казаки вернулись одни.

Вонь 12 000 гниющих трупов была столь ужасной, что нам пришлось обходить это место по большой дуге.

Битва закончилась.

Крестьяне вернулись на поля, прекрасные черные теплые поля. Они сеяли кукурузу, укладывая в землю каждое зернышко руками. Иногда они останавливались и хором затягивали протяжные, печальные песни.

Этой весной мы оценили все убожество России.

Мы согнали последних русских беженцев из их гнезд, а потом однажды вечером в сильную грозу вышли на лесистые берега Донца.

Берега Донца

Русские грозы просто чудовищны.

В мае и июне стояла страшная жара. Вся страна изнывала от зноя. Но через три дня небеса разверзлись, хлынул ливень, и буквально за четверть часа поля и дороги превратились в черное месиво.

Большое наступление нельзя начинать в такое время. В июле, августе и сентябре грозы случаются реже, примерно один раз в три недели. В это время можно наступать, хотя имеется риск, что придется остановиться, чтобы переждать ливень.

Битва за Харьков в мае 1942 года была скоротечной. Противник был отброшен назад в долину Донца, от Харькова до Изюма. Новая линия фронта простояла до сухих месяцев.

Мы выдвинулись к реке в конце мая. Там мы провели ночь, чистясь от дорожной грязи, и готовились переправиться на холмы на правом берегу реки. Наша часть стояла в залитом водой лесу. Ни одна повозка с боеприпасами не могла к нам пробиться, копыта животных оказались замурованы в подсохшей грязи.

Примерно в 01.00 мы выбрались на вершину холмов. Отсюда нам предстояло вернуться обратно на берега Донца. Чтобы выйти на свои позиции, каждой роте предстояло пройти через лес по тропинке, которая вилась и петляла три километра. Никто ничего не видел. Мы шли вдоль протянутого телефонного провода, так сказать, нити Ариадны, за которую следовало держаться, если ты дорожишь жизнью.

Наши позиции шли на семь километров вниз по реке от города Изюм, мы видели, как его золоченые купола сверкают у подножия высоких белых утесов.

Левый фланг наших позиций был замаскирован на поросших лесом очень крутых холмах, которые пересекали просеки шириной 50 метров. Днем пересечь эти открытые пространства, которые красные простреливали вдоль и поперек, было невозможно.

Наши «лисы норы» спускались к серо-зеленой реке, которая беспечно струилась между песчаными берегами. Рощи, берега и тропинки были усеяны перевернутыми телегами, пропагандистскими листовками и мешками с почтой.

Письма, свернутые треугольниками, написанные карандашом корявым почерком, почти все заканчивались призывами к милости божьей.

Солдатские письма показали нам — как и все в Европейской России, — что, если крестьяне и страдали от коммунизма, он так и не сумел окончательно повлиять на их веру. Эти простые и примитивные фермеры писали точно такие письма, как и во времена патриархов и царей, благословляя свои семьи, расспрашивая о своих деревнях и своих избах. Ни в одном письме нельзя было найти имени Сталина.

Эти несчастные, согнанные своими политруками в стадо, даже не знали, за что они сражаются, и мечтали только о возвращении домой. Только беспощадный режим московской секретной полиции и зверский террор тайных агентов на фронте удерживал мужиков в окопах. Миллионы людей пригнали сюда умирать неведомо за что.

Тем не менее в 1942 году русские крестьяне все еще оставались крестьянами 1812 года.

Песок на берегу реки был усеян телами людей и лошадей, которые разлагались на солнце. Лошади лежали на боку, ребра торчали наружу из разложившихся туш. Повсюду кишели крысы, пожиравшие и лошадей, и людей. Почерневшие тела иногда двигались, словно они все еще были живы. Всю ночь крысы плясали безумный танец.

Русские лежали и ждали на другой стороне реки, буквально на расстоянии вытянутой руки от нас.

Левый берег Донца был плоским, но порос густым лесом. Головы русских появлялись и исчезали. Беспечность, кто бы ее ни проявил — они или мы, могла стоять жизни. Вспышка огня среди зеленой листвы, и человек падает лицом вниз. Товарищи поспешно расстегивали

гимнастерку, чтобы унять струящуюся кровь, но поздно — он был мертв.

Река величественно и спокойно текла под свешивающимися с берегов ветвями деревьев. Вода сверкала и искрилась, создавая впечатление чего-то светлого и чистого.

Лес буквально кишел ненасытными насекомыми. Хотя мы получили маленькие зеленые москитные сетки, с помощью которых прикрывали лицо, однако жуки жалили нас, несмотря на все попытки защититься. Каждое утро мы находили на своем теле следы сотни зудящих укусов.

Миллионы прелестных белых цветочков дикой земляники цвели в подлеске. На высоких растениях просек дремали бесчисленные голубые бабочки, их крылышки имели приятный мягкий оттенок. Весна демонстрировала все свое очарование и поэтичность, в то время как у нас под ногами стаи прожорливых полевых мышей пожирали сгнившие останки советских солдат.

У нас были довольно шумные соседи — румыны. Иногда их офицеры приходили к нам в гости, следует отметить, что их фуражки больше всего походили на фруктовое пирожное. Почти все они болтали и пели по-французски.

Их солдаты производили поистине адский грохот. У нас на левом фланге находились около 20 000 румын. Они постоянно из чего-нибудь стреляли. При этом их никто не атаковал! Мы проклинали эту бесконечную, бессмысленную стрельбу. Они просто провоцировали русских, вызывая совершенно ненужные ответные действия. Однажды ночью румыны сделали столько же выстрелов, сколько весь наш остальной сектор за две недели. Это была не война. Это был бессмысленный ночной фарс.

Европейские легионы могли состоять только из добровольцев. Туда входили норвежцы, шведы, датчане, голландцы, швейцарцы, валлоны, фламандцы, французы и испанцы. Они мужественно сражались до самого последнего дня, и наоборот, принудительная вербовка давала катастрофические результаты.

Тысячи румынских солдат были разложены коммунистической пропагандой. Это было ясно видно во время трагедии под Сталинградом. Именно на их дивизии, а также на итальянцев, которые также сражались без всякого энтузиазма, Сталин обрушил свой

главный удар в ноябре 1942 года. Эти дивизии были опрокинуты так легко, словно они состояли из игрушечных солдатиков.

Конечно, румынские солдаты с июня 1941 года совершили много славных дел. Они освободили Бессарабию и захватили Одессу. Они отважно сражались в Крыму и на Донце. Однако они были слишком жестокими и убивали своих пленных, таким образом просто напрашиваясь на возмездие, которое потом и получили.

Эти убийства были не только жестокими, но и глупыми.

Многие русские сдавались в плен, полностью разочаровавшись в коммунистах, деморализованные годом сплошных поражений. Ночью со своих маленьких караульных постов мы могли слышать, как они отодвигают в сторону ветки на своей стороне Донца. Затаив дыхание, мы прислушивались, как человек спускается в воду. Когда он подплывал поближе, мы шептали: «Suda! Suda!» Почти совсем раздетый русский выходил из воды. Мы уводили его в тыл, чтобы он мог согреться. Одна сигарета — и глаза у него становились счастливыми, как у сытого теленка. Через час он уже детально рассказывал нам, что происходит на другой стороне реки. Его могли увести в тыл с колонной снабжения, но человек был в полном восторге, потому что считал, что для него закончились и большевизм и война!

Однажды ночью мы выудили молодого мужчину, который, чтобы быстрее добраться до нас, сохранил только трусы. Он держал в зубах одну из листовок-пропусков, которые немецкие самолеты тысячами разбрасывали над позициями красных. Эти маленькие пропуска гарантировали дезертиру жизнь, мужики не могли выдержать соблазна и тысячами бежали к нам.

У этого беглеца было живое лицо и сверкающие глаза, но мы никак не могли понять его. Каждый из нас использовал все четыре слова, которые мы знали по-русски. Бесполезно. Наконец, один из наших солдат в сердцах брякнул: «Merde!», то есть «Дерьмо!»

«А, теперь понятно, вы французы, не так ли?» — воскликнул русский с явным парижским акцентом.

Оказалось, он был переводчиком Интуриста. Он прожил на Монмартре несколько лет. Грубое «Merde!» неожиданно преисполнило его самых теплых чувств. Его восторг был безграничным. Наконец-то он сбежал от советской нищеты! Он передал нам массу совершенно

бесценных сведений о наших противниках. Мы дали ему брюки и пару крепких башмаков. Предоставленный сам себе, он охотно уволок пустые кухонные котлы в тыл.

К несчастью, румыны, несмотря на все наши просьбы, продолжали убивать русских, которые переходили на нашу сторону. Бедные парни шлепали по мелководью с поднятыми руками, но их расстреливали прежде, чем они успевали подняться на берег. Если им удавалось уйти от пуль, румыны расстреливали их на рассвете, громко хохоча. Дунайские убийцы сбрасывали изрешеченные пулями тела обратно в Донец, и они плыли вниз по течению.

Русские, прятавшиеся в зарослях на своем берегу, могли видеть это зверство. Через несколько дней они потеряли всякую охоту переправляться через реку. Они разозлились и жаждали мести. А нам предстояли несколько весьма занятых недель.

Кровь и ловушки

Позиции в лесу, которые мы занимали в июле 1942 года, были относительно хорошо замаскированы. Имелась возможность незаметно передвигаться под прикрытием деревьев, если ты соблюдал осторожность. Тем не менее изредка вокруг свистали пули, ударяясь о стволы дубов, и при случайном рикошете они вполне могли поразить неудачника, который на секунду выглянул из своего убежища.

С другой стороны, чем ближе находились позиции к городу Изюм, тем реже становилась растительность. В конце концов, наш фронт протянулся на целый километр через болото, и мы оказались прямо на палящем солнце. Лишь несколько жалких пучков грязного камыша оживляли эти унылые низменности.

Наш взвод саперов расположился посреди этой болотистой лужи, построив несколько дотов. Пулеметы, расположенные там, господствовали над течением Донца. Эти парни, перемазанные тиной, обожженные солнцем, стали черными, как негры. Вдобавок их пожирали полчища комаров.

Днем подойти к маленьким фортам было просто невозможно. Однажды мне это все-таки удалось, но пришлось бежать галопом под дулами русских винтовок. Приходилось поручать все это посыльным. Однако огонь русских был настолько сильным, что никто из них не решался идти. Мы могли поддерживать связь только после наступления темноты. Тогда несколько добровольцев, нагруженные рюкзаками с хлебом, отваживались проползти к позициям на болоте, которые подвергались постоянному обстрелу из пулеметов и освещались ракетами.

Людям приходилось сгибаться в три погибели. И слишком часто хлеб оказывался смоченным кровью посыльного, которого приходилось волочить назад, наскоро перевязав.

На юге от цепи болот и жидких рожиц находились участки целины, за которыми шли возделанные поля и деревня.

Ночью наши разведчики нашли дорогу от окраины деревни к реке. Им следовало вернуться до рассвета. Это было просто необходимо, иначе в течение 15 часов пришлось бы изображать мертвых. Перебежка в 20 метров от одной избы до другой могла стоить жизни.

Разведчики добрались до населенного пункта, преодолев длинный подъем, совершенно обнаженный.

Несмотря на бои, крестьянки продолжали обрабатывать поля. Между Донцом и маленьким селом, которое располагалось между нами и противником, тянулись две сотни метров богатых полей, чрезвычайно плодородных. Украинцы не желали терять свой урожай. Мы позволяли им ходить в поле и возвращаться домой. Русские, как и мы, терпели сельскохозяйственные работы.

Между двумя траншеями, утыканными пулеметами, около 50 женщин трудились на черных полях. Они были соблазном для солдат. Красивая молодая девушка, сгибающаяся и выпрямляющаяся, всегда представляла собой волнующее зрелище. Мы с волнением следили за их бедрами, слушали их пение, непроизвольно радуясь, но наши пальцы лежали на курках.

Вечером темнота наступала около 21.00. Нам было необходимо укрываться, чтобы закат не обрисовал наши силуэты на склоне холма. В 22.00 наши парни отправлялись на передовые посты на берег реки. Траншеи, ведущие к ним, проходили под некоторыми сараями и змеились зигзагом по полю. Но в конце пути несколько десятков метров приходилось ползти по-пластунски.

Русские использовали разные средства, чтобы осветить прифронтовую полосу. Они запускали в небо ракеты, сверкавшие, точно фейерверк. Так как невозможно было пускать ракеты каждые полминуты по всему сектору, они приняли более простую систему. Они выпускали две или три зажигательные пули в избу, пока та не загоралась. После этого деревня пылала до самого утра.

Эти факелы освещали теплые, приятные ночи. Чтобы передвигаться, нам приходилось медленно ползти вдоль изгородей, делая долгие остановки, пока пули свистели над головой или шлепались в грязь прямо у тебя под носом.

Наши солдаты дежурили на берегу Донца группами по два-три человека, примерно в сотне метров от горящих хат. Они постоянно

подвергались угрозе внезапной атаки и временами были отрезаны от своих. Тогда я отправлялся от одного окопа к другому, чтобы приободрить их. Скользя по самому урезу воды, я внимательно вслушивался в звуки с другого берега. Часто я слышал тихие разговоры русских, находившихся буквально в 20 метрах от меня, но не подозревавших, что кто-то, распластавшись на песке, караулит их.

* * *

Однажды вечером на наш командный пункт прибыл капеллан, чтобы отслужить вечернюю мессу.

Это было прекрасно. Телефонисты, повара и посыльные пришли в восторг. Однако среди них не было никого, кто особо нуждался в утешении. Поэтому я предложил преподобному отцу проследовать за мной на передовую.

Он провел целую ночь, ползая на брюхе по вспаханым полям. Пули, которые свистели вокруг нас, действовали на него просто ужасно. Он пытался закопаться в землю. Мне пришлось подползти к нему сзади:

«Капеллан, вы верите или не верите в небеса?»

«Да...»

«Тогда почему вы так беспокоитесь о возможности оказаться там?»

Прекрасный человек был вынужден подтвердить свою веру в райские кущи, но после этого он полз позади меня.

Ракеты танцевали у нас над головами. Пули поднимали фонтанчики грязи. Наконец мы прибыли в маленький окопчик наблюдателей. Я встал за пулемет, освободив товарищей, которые начали исповедоваться, собравшись кружком позади меня. Я попытался ничего не слышать, когда начались признания в смертных грехах. Затем мы отправились в другой окоп, где очередные немые головы воспарили ввысь, накрытые белой епитрахилью, хотя в этот момент находились всего в паре десятков метров от безбожных большевиков.

Несчастный священник больше не мог ползти от усталости и нервного перевозбуждения. Мы уже посетили десять окопов.

Примерно в 02.00 я потащил его обратно вверх по склону. Погода была прекрасной, и уже начала заниматься утренняя заря. Священник почистился, а потом вознес благодарность небесам: «Слава богу! Слава богу!» — повторял он усталым голосом.

Святые, которые дежурили в эту ночь, вероятно, мягко улыбались на небесах, глядя на наших просветленных часовых.

Дважды группы добровольцев покидали наши окопы ночью, пересекали Донец, нагруженные взрывчаткой, заходили в тыл к русским на несколько километров, чтобы заминировать железную дорогу, по которой снабжался фронт.

Мы предполагали, что и русские совершают аналогичные вылазки в наш тыл.

Наши посты бдили, не расслабляясь ни на секунду. Однако их разделяли слишком большие промежутки, и враг мог проскользнуть между ними. Однажды ночью я получил доказательство этому.

Я стал адъютантом и потому должен был поддерживать связь между подразделениями. Это случилось однажды утром. Я попробовал вместе с одним из моих солдат добраться до самого южного фланга нашего сектора. Нам предстояло пройти примерно два километра просеки и холмы, разделенные маленькой долиной и маленькой рощей. Красные пускали ракету за ракетой. Когда догорела очередная, я сказал своему товарищу: «Подождем здесь. Я намерен добежать до деревьев. Если я сделаю это, следуй за мной как можно быстрее».

Выпрыгнув из укрытия, я помчался к деревьям со скоростью ветра.

Как только я оказался под деревьями, то непроизвольно заорал. Затем я бросился на землю и поспешно пополз на другую сторону холма. Я почувствовал присутствие людей в тени деревьев. Каждая моя клеточка, каждый нерв говорили, уверяли, убеждали, что я находился в считанных дюймах от врага.

Кружным путем я присоединился к своему товарищу. Хотя я доложил об инциденте в штабе, мне не поверили. Однако я настаивал. Я видел этих шпионов своим шестым чувством даже более верно, чем

если бы потрогал их. Но через два дня трагические события доказали, что я был прав.

Этой ночью патруль в составе четырех человек из 1 — й роты точно так же обнаружил русских, хотя с другого направления. Наши люди должны были пройти через рошу. Как раз в тот момент, когда патруль подошел к деревьям, около десятка красных обстреляли их из засады. Один из наших солдат, которого русский схватил за волосы, сумел вырваться, однако его держали с такой силой, что солдат скальпировал сам себя. Он бежал, как сумасшедший, пока не рухнул перед одним из наших постов, где лежал недвижимо, его голова была залита кровью. Другие, попавшие в ловушку, напрасно отбивались. Красные потащили их к Донцу.

Мы слышали их крики, когда они боролись и плыли. Однако большевиков было в три или четыре раза больше, и они утащили бедняг на противоположный берег реки.

Мы слышали, как наши несчастные товарищи продолжали кричать за рекой. Вероятно, их зверски избивали, и они призывали на помощь.

Постепенно голоса становились все тише и, наконец, умолкли.

Маленькая трагедия, одна среди множества других, всего лишь одна фронтовая ночь. Вскоре молчаливый Донец устремил свои искрящиеся волны вдаль, снова тихий и спокойный.

Преддверие Азии

В мае 1942 года на Донце и возле Харькова кипели бои, которые завершились уничтожением армий маршала Тимошенко.

В июне немцы нанесли второй тяжелый удар, который расколол фронт русских надвое. Немецкие армии ринулись к Воронежу, захватили его и форсировали Дон, создав плацдарм на левом берегу реки.

Ближе к нам немцы форсировали Донец и заняли Крупянск. Наш фронт продвигался по другому берегу реки. Изюм был окружен через два дня после начала наступления. Были заняты исходные позиции для большого осеннего наступления.

Дивизии, которые наступали по степи, были отправлены обратно в тыл, чтобы немного отдохнуть (единственная неделя отдыха, которую мы получили за все время пребывания на Восточном фронте). Недолгий марш привел нас к месту отдыха в деревню в 30 километрах от Славянска.

Мы отдохнули очень хорошо. Была устроена торжественная церемония награждения Железными Крестами героев битвы на Донце. Генерал Рупп лично прибыл, чтобы вручить награды. Он командовал прославленной 97-й егерской дивизией, сформированной в Тироле. Среди этих солдат мы провели несколько незабываемых месяцев.

Мы получили все, о чем только могли мечтать. Дивизионный оркестр развлекал нас по утрам концертами, а вечером автобусы отвозили нас в кино.

Деревня была чистой, крестьяне мирными, небо золотым. Степь была украшена яркими цветами. Воздух гудел от песни миллионов трудолюбивых пчел. А высоко в небе звонко пели жаворонки.

Вдохновленные мыслями о предстоящем наступлении, мы носились верхом по степи, словно дикие казаки, вдыхая напоенный ароматами воздух. Лично я получил огромного пегого коричнево-белого коня, к которому было страшно подойти. Совершенно

уверенный в будущем, я назвал его Кавказ. Он будет сопровождать меня, отважный зверь, и умрет там, пробитый двадцатью пулями в жарком бою.

Новости с фронтов вдохновляли.

Маршал Роммель загнал в ловушку и захватил 25 000 англичан в Тобруке. Его танки очистили побережье Ливии и прорвались к Эль-Аламейну. Мы ждали, столпившись вокруг полевой рации, бюллетеня, в котором будет объявлено о захвате Александрии.

Недалеко от нас немцы все туже стягивали кольцо вокруг Севастополя. Последний советский порт в Крыму был сильно укреплен, но его форты уничтожались один за другим авиацией и тяжелой артиллерией немцев.

Наконец город пал. В тот же вечер небо осветилось сотнями огней и все вокруг задрожало от рева моторов. Прославленная воздушная эскадра вернулась из-под Севастополя в наш сектор.

Прибыли пикировщики Геринга. Наступление было неизбежно.

Наш командир получил секретный приказ о том, что наступление начнется 9 июля.

Нам не пришлось ждать так долго, потому что случай ускорил операцию. В ночь с 6 на 7 июля немецкий патруль в секторе Славянска, проводивший поиск за линией фронта, был удивлен полным отсутствием активности противника. Они рискнули продвинуться подальше. Тишина казалась очень подозрительной. Один человек заглянул в блиндаж: он был пуст. Весь сектор был пуст. Русские исчезли, потихоньку снявшись с позиций.

Красных следовало догнать, поймать, навязать им бой и разгромить любой ценой. Иначе они подготовят нам ловушку.

Приказ двинуться дальше и атаковать был немедленно отдан всем дивизиям. Вечером 7 июля 1942 года валлонский легион двинулся вместе с целой армией юго-восточного фронта. Он остановится на пороге Азии у подножия Эльбруса.

Глава 4

На Кавказ пешком

Месяцы летнего наступления 1942 года были самым восхитительным временем во всей войне против Советского Союза.

Юг! Его потрясающие фрукты, его субтропическая растительность, его африканская жара, его огромные искрящиеся реки!

Каждый из нас верил, что в конце этого фантастического пути нас ждет победа. Красные даже не осмеливались появиться у нас на пути. Они драпали. И вот сотни тысяч солдат устремились в безумную погоню за ними.

К утру 8 июля наш легион прошел Славянск и вышел к парку, расположенному восточнее города. Гигантские деревья накрывали своей тенью развалины некогда роскошных зданий — бывших императорских дворцов. В их залах валялись туши лошадей, убитых большевиками, и груды сухого лошадиного помета.

Река Донец протекала юго-восточнее Славянска, и немецкие саперы уже натягивали тросы через нее и готовили паромную переправу.

На следующий день мы взобрались на холмы на правом берегу реки, с которых русские могли бы помешать нашей переправе. Их блиндажи были врезаны вглубь меловых холмов, сверкание которых просто слепило глаза. Эти позиции были построены очень умело, они господствовали над всеми подходами к реке и были окружены густой сетью проволочных заграждений.

Красные даже не забрали свое оружие и не взорвали ни одного укрытия. По какой-то загадочной причине они просто бросили позиции.

К наступлению ночи мы спустились на берег Донца, однако нам пришлось пропустить другие части, переправлявшиеся первыми.

Мы терпеливо ждали два дня и две ночи. Конвои с боеприпасами для танковых колонн были посланы вперед нас.

Паромы составляли, связывая вместе по полдюжины резиновых лодок и укладывая поверх доски. С одного берега на другой были протянуты тросы, и солдаты тащили паромы вдоль них.

Это было по-настоящему удивительное зрелище. Охваченные паникой мулы и лошади часто падали в воду между лодками, после этого приходилось обрезать тросы, так как животные начинали дико биться, выпучив глаза. Получив свободу, они плыли к противоположному берегу и добирались до него раньше паромов, громко фыркая. Их глаза радостно сверкали.

Песчаные откосы на другом берегу Донца делали высадку очень сложной. Вытаскивать машины на вершину откоса приходилось с помощью тракторов.

Мы установили наши небольшие палатки на травке и философски ждали, пока придет наш черед, развлекаясь ловлей рыбы, которая беззаботно плескалась в реке.

По прошествии двух дней, однако, мы начали беспокоиться, так как у нашей дивизии возникла реальная перспектива занять главный маршрут в нескольких километрах выше по Донцу. Время шло. Я отправился на другой берег реки, чтобы подготовить расположение в 7 километрах выше паромной переправы. Но то, что я увидел, меня ужаснуло. Грунтовая дорога просто исчезла! Сотни танков, грузовиков и повозок перепахали песчаную почву на глубину чуть ли не до метра. Танку, на котором я ехал, потребовалось несколько часов, чтобы преодолеть это расстояние, он то и дело вязнул в песке, с огромным трудом освобождался, чтобы продвинуться еще немного вперед. Песок был настолько мелким, что, ступив на него, человек немедленно погружался по колено.

Мы тащили несколько тяжело груженных повозок и маленьких железных тележек, на которых громоздились ящики с боеприпасами и стояли пулеметы.

Я нашел место для расквартирования, а потом стал ждать на краю деревни у перекрестка дорог. Я простоял на часах ровно 51 час и смертельно устал. В конце концов я уверился, что батальон просто сбился с дороги или вообще двинулся в другом направлении. Ему потребовалось два дня и две ночи, чтобы протащить свои машины через песчаную трясину, но боеприпасы пришлось нести на руках, ящик за ящиком.

Наконец мы выбрались на главную дорогу и сумели преодолеть целых 20 километров в колоссальном облаке пыли, которое подняли тысячи грузовиков, бензовозов и разномастных повозок всех видов. Наконец, измученные до предела, покрытые липким потом и грязные, ближе к вечеру мы остановились, и тут стало ясно, что мы отстаем от графика на три дня.

В шесть часов вечера мы снова двинулись в путь.

Целые две недели мы гнались за собственной дивизией.

Мы двигались по ночам по холмистой степи, покрытой голубыми цветами высотой по пояс, которые в лунном свете походили на белые камелии. Наконец мы пришли к нескольким мелким речкам, струящимся между сожженными избами. Русские взорвали все мосты, и нам пришлось несколько километров тащиться по прибрежным меловым долинам, сражаясь с липкой грязью, которая заставляла людей и лошадей исполнять какой-то дикий вальс.

Мы не заходили в избы — грязные, противные домишки, полные жужжащих мух. Мы спали на крошечных участках твердой почвы, завернувшись в одеяла.

Вскоре мы окончательно перешли на ночные марши, останавливаясь на отдых только в середине дня, когда температура на солнце доходила до 55 градусов. Мы растягивались в тени деревьев, окружающих фермы, прикрыв лицо противомоскитной сеткой и сунув руки в карманы, а вокруг в пыли дремали крошечные цыплята.

Мы проезжали мимо длинных рядов цехов, зловеще выглядящих жилых барачков, партийных зданий, засыпанных обрывками документов и обломками бюстов партийных боссов.

Согласно своей обычной тактике большевики уничтожали все промышленное оборудование, и, что особенно нас удивило, все это было сделано заранее и предусмотрительно. Железнодорожные рельсы

были перерезаны через каждые десять метров. Судя по всему, красные провели эти колоссальные подрывные работы задолго до того, как немецкие войска подошли к Воронежу.

Самым эффективным признаком этой разрушительной работы стали пожары в угольных шахтах. Огромные груды угля и шлака высотой чуть ли не в сорок метров пылали сутками, бросая вокруг малиновые и синие отблески. Если учесть еще и палящее солнце, эти пожары создавали просто адскую жару.

И в то же самое время мы не могли обойти их, так как вся местность вокруг была густо усеяна минами. Повсюду валялась рваная упряжь, изуродованные туши животных, серо-зеленые, усыпанные копошащимися червями, — все ясно показывало, какая страшная смерть ждет неосторожного. Наши лошади, увязая в песке по самые бабки, беспомощно барахтались, пытаюсь найти опору, и фыркали. Некоторые из них, окончательно выбившись из сил, умирали стоя, шкура буквально дымилась, а глаза выкатывались из орбит.

Все было безнадежно — мы могли исходить кровавым потом, спать считанные минуты или не спать вообще, ночью ехать по степи, проноситься вихрем через пылающие заводские районы, форсировать реки и перебираться через овраги! Мы прошли сотни километров, покинули Украину, вошли в большую излучину Дона прямо напротив Сталинграда. Но наша пехотная дивизия все равно мчалась быстрее нас! Теперь мы отставали от нее уже на пять дней!

Мы получили одновременно два сообщения. Первое: наша дивизия повернула на юго-запад, чтобы участвовать в очередном штурме Ростова; второе: если мы не присоединимся к ней в ближайшее время, командование армейского корпуса попросят освободиться от нас, как от ненужного груза. Мы решили, что дивизия просто зазналась и решила, что мы желаем примазаться к ее славе. Мы бросились вперед сломя голову и примчались к Донцу, внушительному Донцу в том самом месте, где он впадает в Дон у Каменца.

Нам еще предстояло проделать 70 километров, чтобы догнать 97-ю дивизию, которой мы были приданы. Мы проделали их за один день.

Но Ростов пал как раз в этот самый день. 97-я дивизия получила приказ немедленно идти назад вдоль Дона, поэтому мы едва выкроили время побриться. Мы двинулись дальше, опять измеряя бескрайнюю выжженную степь.

Форсирование Дона

Триумфальный марш армий Рейха на Сталинград и Кавказ был результатом сверхчеловеческих усилий, но в результате наш оптимизм снова вспыхнул, точно порох.

Земли между Донцом и Доном, между Доном и Кубанью раскрыли перед нами такие красоты, что в глубинах души сама собой рождалась ликующая песня. Мы делали от 30 до 35 километров пешком за ночь. Марши были утомительными, так как нам приходилось идти по сыпучему песку или пыльной дороге двумя или тремя параллельными колоннами, которые каждую минуту рисковали врезаться друг в друга. Мы двигались вперед со скоростью велосипеда. Темнота не мешала тысячам солдат собираться возле узких мостов, поспешно наведенных через реки. Мы проваливались в дыры. Наши повозки переворачивались. Иногда грузовик или танк сбивали лошадь, которая гибла с отчаянным ржанием.

Но на рассвете начинались новые испытания.

Примерно в 01.30 на востоке появлялись бледно-зеленые и бледно-золотые лучи, нежные, словно шелк. Они поднимались из-за горизонта, пересекали небо и постепенно растекались, превращаясь в потрясающие зеленые, оранжевые, розовые полотнища, плавно колышущиеся в небе.

Мы видели, как пробуждаются фантастические поля подсолнухов. Эти гигантские маргаритки высотой два метра имели золотые лепестки длиной с человеческий палец и коричневое ложе, усеянное тысячами семян. Такое поле растягивалось на несколько километров, и миллионы цветов поворачивались одновременно навстречу восходящему солнцу, словно черпали у него свою силу. Мы чувствовали, как в наши тела вливается таинственная природная сила, исходящая от земли, неба и огромного поля цветов. Небо становилось широким золотым полем. Земля также превращалась в золотое поле. Все было полно жизни, силы, радости и великолепия. Мы полной грудью вдыхали эти запахи, охотно пели песни нашей юности, наши мечты устремлялись навстречу солнцу!

Иногда безбрежные поля подсолнухов сменялись столь же безбрежными полями чертополоха. Это было нечто! Высокие стебли норовили выколоть глаза. Не наш смешной маленький чертополох, который только и может что испачкать да ужалить, а огромные колючие груши, растения высотой с лошадь, увенчанные розовыми и фиолетовыми цветами, ароматными и ломкими венчиками.

После того как мы пересекли поля подсолнухов, чертополохов и кукурузы, прямой и твердой, словно копье, в 09.00 мы прибыли в деревню, которая долгое время маячила у нас перед глазами. Там наши пехотинцы сразу разбрелись в разные стороны, прячась от солнца.

Деревни на Дону были зажиточными. Избы гораздо более комфортабельные, чем те, что мы видели на Донце, в них три или четыре обставленные комнаты, можно увидеть буфет с посудой, старые резные блюда.

Каждое хозяйство имело несколько кур, пару коров, большие поля, засеянные пшеницей. Все это было изъято у колхозов. Вокруг их обветшавших контор стояли плуги, стогометатели, молотилки и косилки. Эту картину мы видели в каждом ярмарочном городке. Крестьяне мстили режиму, они опустошали хлева и птичники. Обобществленные поросята обретали свободу, подпрыгивая и визжа, они разбегались в разные стороны, обрадованные совершенно неожиданным праздником. Гуси радостно гоготали, а молодые индюшки курлыкали.

Туземцы принимали нас с неприкрытой радостью. Часто мы были первыми солдатами, вошедшими в деревню. Люди немедленно бежали в разные сараи, доставали иконы, спрятанные в укромных местах, и торжественно вешали их на глиняные стены, и слезы текли по их лицам.

Самым лучшим подарком для них был портрет Гитлера. Очень часто его сразу вешали рядом с иконами.

Они даже помещали его между фотографиями своих детей, одетых в форму Красной Армии с красными звездами на пилотках.

Такое непривычное сочетание им казалось совершенно естественным. Они очень любили своих мальчиков. Они также любили Гитлера за то, что он освободил их деревню. В крестьянах мирно уживались эти две любви.

Войскам был отдан строгий приказ вести себя по-дружески с этим населением. В 1941 году немцы верили, что каждый русский является большевиком. На личном опыте они убедились, что мужики, которых грабили и угнетали большевики, не заражены этой отравой.

Они были, вероятно, самыми миролюбивыми людьми на всей земле, добродушными и гостеприимными. Они хотели одного — работать, жить с семьей и не исполнять никакой казенной службы. Немецкое высшее руководство наконец сумело уловить разницу между крестьянским населением Европейской России, таким простым и наивным, и большевистскими бандитами и полициями из Москвы. Даже малейшие оскорбления немедленно прекратились, и далее не было более хороших друзей у немецких солдат, чем старый *дед* или *мамка*.

Бессмысленно было спрашивать крестьян о чем-либо. Они сами вели нас в курятник. Они сами предлагали нам своих цыплят, картошку и жирных гусей. У них имелся густой мед, сладкий и приторно пахнущий ароматами гигантских цветов, растущих в степи окрест. Для жадных на деликатесы гурманов имелись вишневые сады, где мы проводили целые часы, объедаясь спелыми вишнями и черешней, которая истекала сладким соком.

Мы спали по несколько часов. Солнце быстро восстанавливало потерянную энергию. Старая мамка приносила большой глиняный кувшин, полный свежайшего холодного молока. Она проводила нас к порогу своего погреба, находящегося в 10 метрах от дома, и приоткрыла крышку люка. Мы спустились по лестнице вниз, в холодное помещение, похожее на колодец, где можно было хранить любые продукты, так как это был естественный холодильник.

Печь находилась рядом с дверью, поэтому изба с ее маленькими закрытыми окошками и низкой крышей могла оставаться холодной. Мы ели во дворе, сидя в тени тополя или акаций. Нам помогали местные женщины, приносившие массу еды, они даже помогали нам ощипывать и жарить птицу.

Наши солдаты после утомительных ночных маршей восстанавливали силы, устраивая пиршества, подобные тем, что рисовал Брейгель. Недаром они были мужчинами из страны ярмарок. Солдаты могли проглотить колоссальное количество пищи. Я знал одного, который на завтрак регулярно съедал килограмм ветчины. Я

лично видел двух других, которые за три дня слопали более 20 цыплят, оставив только пучки перьев. Многие могли за один присест на завтрак съесть целого гуся. Один из моих молодых офицеров однажды утром набил брюхо, засунув тридцать вареных яиц.

Они заливали эти утренние трапезы кувшинами молока, затем снова засыпали со вздувшимися животами, расстегнув мундиры. Это сильно напоминало картины старых фламандских живописцев.

В сумерках, перед тем как мы отправлялись в путь, наши хозяева выдавали нам несколько огромных котлов вареной картошки, связки редиски и корзины свежих овощей.

Крестьяне провожали нас до окраины деревни, настолько они были поражены нашим аппетитом и нашей добротой.

За все время нашего наступления мы не имели ни одного серьезного инцидента. Нас всюду встречали, как родных. Не зная, как с нами попрощаться, эти добрые люди часто благословляли нас. Защищенные от зла этими благословениями, произнесенными от чистого сердца, мы двигались дальше по бескрайним полям подсолнуха, совершенно счастливые.

Маршируя чуть ли не бегом, мы иногда перехватывали отступающие русские соединения. Бои в этом случае были короткими.

Мы двигались с такой скоростью, что часто просто не имели возможности похоронить останки противников после таких стычек. Дороги были усеяны разлагающимися трупами. При температуре 50 градусов солдаты, уничтоженные перед нашим приходом «Штуками», разлагались и воняли уже два или три дня. Затем солнце начинало их высушивать. Мертвые лошади издавали совершенно омерзительный запах. Необходимо было зажать нос еще за сто метров от такой туши. Брюхо лошади вздувалось от газов и часто лопалось. Наружу свисали перепутанные зеленые кишки. Мертвые большевики, высушенные солнцем, становились чернее негров.

Тысячи, десятки тысяч советских солдат сдавались в плен. Больше они ничего не могли. Говоря по правде, мы наступали гораздо больше ногами, чем винтовками. Многие из нас просто падали со

стертыми в кровь ногами. Но мы не обращали на это внимания. Они догонят нас позднее. Советские солдаты просто позволяли взять себя в плен. Они садились на землю и сдирали сапоги, чтобы дать отдохнуть окровавленным ногам.

Большинство из них были азиатами. У них были огромные уродливые головы каннибалов, которые радовались тому, что их самих не съели. Они постоянно повторяли: «Сталин капут! Сталин капут!» и прекращали этот монолог только для того, чтобы проколоть вздувшиеся мозоли на ногах.

У нас не было времени охранять и сопровождать эти колонны. Выбрав пару наиболее бодро выглядящих пленных, мы вручали им винтовку. Назначенные охранять собственных товарищей, они сразу выпячивали грудь, как петухи. Мы называли им город, отстоящий на 100 или 200 километров к западу. И эти простофили, обрадованные, отправлялись в путь.

Проблема была решена. Они сами себя гнали в Германию!

Мы уже намеревались пересечь реку Дон. Несколько дней назад мы уже готовились переправиться через нее, но переправа была заблокирована. В радиусе 2 километра от нее валялось такое количество разбитой советской техники и трупов — работа авиации, — что командир дивизии не мог протолкнуть свои машины и технику.

Мы подошли к легендарной реке рано утром и поднялись на холм на правом берегу. Как раз в этот момент заря занялась над серо-зеленым потоком.

Пристав на стременах, я во все глаза смотрел на потрясающую картину. Дорога была забита сотнями советских танков американского производства, перевернутых повозок, брошенных вещей. Но я смотрел только на Дон, широкую реку, окаймленную деревьями, растущими вдоль берега, мягко сияющую под зеленым, розовым и серебряным занавесом, развернутым в небесах.

Дон, как и другие великие реки юга России, имеет крутой правый берег, тогда как левый спускается почти к самой воде. Когда красные были отогнаны в долину на противоположном берегу, они уже не могли противостоять немцам, захватившим возвышенный берег. Поэтому левый берег Дона достался нам без боя.

Русские самолеты сбрасывали свои бомбы на ложбину, куда мы спустились, но почти не причинили вреда. Блестящие усики молодой виноградной лозы сверкали среди развалин домов. Сбросив одежду, наш генерал стал первым, кто переправился через Дон вплавь, держа на спине пулемет. Мы пересекли реку по спешно наведенному понтонному мосту. Наши сердца просто пели.

Теперь мы приближались к землям калмыков. Одинокий верблюд вышел к дороге, совершенно чудное животное с огромным мокрым носом, а его ободранные бока были похожи на обшивку старого кресла.

Мы приняли его в свою компанию. Это был первый посланец Азии, к которой мы стремительно приближались.

Кубань

В первую неделю августа 1942 года немецкие армии стремительно двигались от Дона в сторону Кавказа. Солнце палило нещадно. Деревни, расположенные в нескольких километрах одна от другой, казались одним огромным факелом. Вам могло показаться, что пылает все вокруг. Но поднимающиеся в небо темные столбы были всего лишь пылью, вьющейся следом за танковыми колоннами.

Наши лица превратились в серо-черные маски, на которых странно сверкали белки глаз, которые пересекала красная черта губ. Невозможно было избавиться от этого «макияжа», так как пыль поднималась на высоту несколько метров. Наши мотоциклисты выглядели как персонажи комедийных фильмов, их лица совершенно почернели, и они проносились мимо нас в облаках пыли, ревя моторами, доставляя нам новые карты. Действительно, наше продвижение было настолько быстрым, что новые карты требовались постоянно. Нашей колонне были приданы специальные грузовики, в которых печатали новые карты по мере необходимости.

В приказах наши действия были расписаны в мельчайших деталях.

Каждое подразделение имело свой собственный маршрут, деревни, через которые следовало пройти, и места отдыха. Города и деревни переходили к нам в руки почти без всякого сопротивления, войска противника даже не пытались организовать его. Нам следовало лишь пройти через очередной населенный пункт, и если кто-то пытался нас задержать, его тут же без задержки уничтожали.

Наши потери были незначительными. Тысячи солдат красных, мимо которых мы проходили, были полумертвыми от усталости, так как прошли тысячи километров и проглотили килограммы пыли. За стакан воды они охотно убили бы Сталина, Молотова, Калинина и десяток других высших коммунистических бонз.

Самой серьезной проблемой и для нас также была питьевая вода.

Мы могли пройти и десять, и двадцать километров, не найдя и литра питьевой воды. Иногда встречались зеленые пруды, гниющие на солнце. Чтобы похлебать этой жидкой грязи, наши солдаты бросались

туда плашмя. Мы теряли терпение и отгоняли прочь этих нетерпеливых. Длинные языки лошадей вывешивались изо рта и дрожали.

Одна только наша колонна состояла из 20 000 человек. Примерно через каждые 10 километров дорога проходила через деревню. Там имелся колодец или даже несколько колодцев, которые могли обеспечить водой жителей десятка изб и их скот. Но авангард выпивал всю воду досуха. Подошедшие позднее могли достать из колодца только жидкую грязь. В результате шедшим далее тысячам пехотинцев и сотням лошадей доставались только совершенно сухие колодцы.

Здесь и там лениво крутились колеса водяных мельниц. Но каждому из нас приходилось ждать своей очереди пять часов, восемь часов, десять часов, и все это время высохший язык царапал рот как наждаком. Животные поглощали совершенно невероятное количество воды. Мой конь Кавказ проглотил пять огромных ведер, или сорок литров, без малейшей передышки! Люди тоже наливались водой буквально по горло, обливали себе шею, руки и спину, которые были опалены солнцем.

Это было не слишком хорошо. Лучше всего было пить понемногу, сдерживая желания. Поиски воды отнимали у нас даже больше времени, чем сам переход.

К Манычу мы пришли ночью, эта река расположена недалеко от калмыцких земель. Она образует целую цепь великолепных озер на полпути между Каспийским и Азовским морями.

Наш маршрут проходил по большой дамбе, построенной, чтобы удержать воду в одном из озер. Красные взорвали ее, и вода хлестала сквозь брешь шириной около 25 метров. Немецкие саперы построили деревянный мостик через этот разрыв, чтобы могли пройти пехота и лошади. Но тяжелую технику приходилось переправлять на паромах.

Мы провели несколько часов перед дамбой, дожидаясь своей очереди. Озеро казалось нам огромным полем чудесных маргариток, посеянных лунным светом на маленьких волнах. Несколько советских самолетов пытались разрушить нашу импровизированную переправу,

но их бомбы лишь подожгли пару изб на берегу. Горящие дома полыхали в ночи, словно красные и оранжевые факелы. Это вносило некоторую трагическую ноту в поэтический пейзаж, созданный цветочным озером и звездным небом.

Рассвет начался в 02.00. Зеленое небо казалось отражением земли, затопленной, насколько хватало взгляда, водой, вырывающейся сквозь дамбу. Вода отражала бледные краски рассвета, неяркий аквамарин, пронизанный золотыми искрами, нежный, почти прозрачный.

После утомительных ночных маршей и безжалостного дневного солнца так и хотелось остаться здесь, поддавшись этому дивному волшебству. Однако колонны двигались дальше в идеальном порядке, распевая солдатские песни. Офицеры также шли пешком, подавая пример солдатам. Позади них ординарцы вели в поводу лошадей. Лошади использовались только для поддержания связи между подразделениями, что было весьма нелегким делом. Чтобы добраться до командира дивизии, мне однажды пришлось проехать около сотни километров в одну сторону на головокружительной скорости по раскаленной степи. Но обычные переходы совершались пешком, офицеры и солдаты по-братски делили усталость, как и опасности боя.

Комары становились все более и более многочисленными. Вечером они клубами кружили вокруг самого слабого источника света.

Другие адские бестии досаждали солдатам — злобные вши, которые особенно любили присасываться в паху. Они закапывались в кожу целыми рядами и торчали, как маленькие столбики. Можно было видеть черный конец брюшка такой твари величиной с булавочную головку.

Несчастные, которые подвергались их атаке, испытывали невероятные мучения. Вдобавок им приходилось терпеть насмешки товарищей каждый раз, когда, потеряв терпение, они выскакивали из колонны на обочину и, раздевшись, пытались стряхнуть полчища паразитов.

Утром 7 августа 1942 года мы подошли к Кубани. До переправы еще оставались 20 километров. Мы неслись, словно ветер. Ближе к

вечеру мы увидели откос на правом берегу, который стоял перпендикулярно плоской степи. Речная вода, восхитительно зеленая, медленно текла мимо бурно разросшихся кустов.

Советская артиллерия попыталась было остановить нас, но после короткой перестрелки отошла.

Мы находились в самом сердце Кавказа! Последняя огромная равнина перед его ледниками сверкала в лучах невероятного лета!

В 03.00 мы продолжили марш, двинувшись вверх по течению Кубани, чтобы добраться до переправы у города Армавир. Мы шли вдоль обрыва высотой около 50 метров, который падал прямо к зеленой воде. Тысячи солдат шли вдоль обрыва, а навстречу ползли сотни больших коричневых коров, которых гнали словаки с обожженными солнцем лицами.

Нам пришлось прождать почти 30 часов, пока саперы наведут понтонный мост через бурную реку. Вода шипела, забрасывая зелеными брызгами и белой пеной мост.

На другой стороне реки стоял небольшой ярмарочный городок. Мы нашли симпатичную 17-летнюю девушку, которая спряталась в погребе. Она должна была охранять избу своей семьи. Разорвавшаяся рядом бомба безжалостно оторвала ей грудь. Она лежала там, дрожа, словно в лихорадке. Ее рана уже начала чернеть. Нам было невероятно жалко ее, и мы сделали возможное и невозможное, чтобы помочь ей. Слезы текли по ее щекам, красным от жара. Бедная маленькая девочка хотела жить. Но, глядя на ее ужасную рану, мы понимали, что она обречена умереть.

Умирать, когда душистая степь распростерлась под высоким кристальным небом, без единого облачка, голубым, перечеркнутым золотыми и серебряными лучами, — это ужасно.

Майкоп

Бассейн реки Кубань можно назвать русским раем. Сельскохозяйственные угодья площадью не менее 100 000 гектар под жарким солнцем давали огромное количество кукурузы. Миллионы стеблей высотой два метра поднимали свои початки в раскаленный воздух, роняя шелуху, и потрескивали, словно по ним пробегал электрический ток.

В тени этих лесов позолоченных стеблей мы видели зреющие арбузы, арбузы длиной с человеческую руку. Мы с наслаждением пили их свежий сок. Кожура арбуза, раскрашенная зелеными, красными и оранжевыми полосами, чем-то походила на многоцветный рассвет в степи. Мы шли, на ходу жуя ломти этих чудесных фруктов.

Высоко в небе сверкало солнце. Мы невольно поддавались его очарованию. Мы старались впитать в себя силу, тепло и свежесть, поднимающиеся от земли и изливающиеся с неба. Все вокруг было непривычным, чистым, простым и грандиозным: кукуруза, похожая на копья с бунчуками, длинные арбузные грядки, словно устроенные богами, яркие металлические облака, золотая земля, яростное небо, россыпь невероятных фруктов!

Встречные реки приносили нам невыразимое облегчение.

Мы подошли к реке Лаба, которая бурно несется, спускаясь со склонов Эльбруса. Мы еще не могли различить очертания гор, однако они уже посылали нам свой первый привет, словно бы в дар, зеленый поток, холодный, точно лед, который прыгал по миллионам красных и коричневых галек.

Что только не происходило во время ожидания переправы через эти реки по импровизированным мостам! Мы бросились в невероятно сильный бурный поток. Он сбивал с ног и тащил мимо отполированных валунов, на которых струи разбивались мириадами зеленых брызг! Нашим телам нравились жестокие укусы этой кристально чистой воды. Она обнимала нас, вливала жизнь, очищала

тело и заставляла кровь бежать быстрее. Мы выскакивали на солнце, словно дикие лошади!

Это жизнь! Великолепно! Мы бросались в ее свет, в ее тепло, в ее сверкание, словно возвращались к первым дням этого мира, когда дух и плоть мироздания еще не получили толчка!

Бегство советских войск было столь стремительным, что мы почти не имели пленных. Степь была пустой, отданной во власть торжествующему солнцу и победоносным немецким войскам.

На железнодорожную линию из Майкопа мы вышли ближе к вечеру. Сотни брошенных вагонов стояли колоннами на протяжении 20 километров вплотную. Немецкие пикировщики повредили полотно, и поезда не могли следовать дальше, образовав гигантскую пробку. На платформах громоздилось всевозможное имущество, которое русские пытались вывезти. Это были авиационные моторы, запасные части, недостроенные танки, машины, разнообразное сырье. Колонны цистерн тянулись бесконечно, обугленные после того, как вспыхнули сотни литров бензина, находившиеся в них.

Но, по большей части, эта фантастическая добыча была вполне пригодна для использования, исключая то, что уничтожили «Штуки». У красных даже не было времени, чтобы сжечь поезда.

Каждая дивизия, которая выбиралась к железной дороге, немедленно вешала свои таблички, заявляя права собственности на добычу. Особым вниманием пользовались вагоны с алкоголем.

Мы даже нашли запасы банок с икрой. Сидя на железнодорожной насыпи, каждый из нас намазывал по полкило рыбьих яиц на хлеб! Для облегчения пищеварения использовалась водка. Мы захватили 30 000 маленьких аккуратных бутылок водки.

Однако возможности блаженствовать, предаваясь чревоугодию, мы не получили. Пришел приказ выступать в направлении гор как можно быстрее. Нам разрешили только поспать несколько часов прямо на земле. Рано утром нас разбудили петухи, которых сильно заинтересовала вся эта суета.

Мы поднялись на первые холмы, кстати, довольно крутые, и на другой стороне гряды увидели ряды повозок, которые тащили лошади.

Мы двинулись в путь по утренней прохладе. А ближе к вечеру нам подумалось, что мы спим на ходу. Высокая темно-синяя зубчатая стена появилась на юге, резко выделяясь на фоне неба. Это были Кавказские горы!

Они находились на расстоянии примерно 50 километров, но их вершины были видны совершенно отчетливо. Мы страшно обрадовались и помчались вперед. Это были они, горы, которые мы мысленно видели уже несколько недель!

И мы невольно ускорили шаги.

Навстречу нам двигались колонны немецких танков. Они закончили свою работу, загнав противника в лес. Теперь настала очередь пехоты завершить работу. В 09.00 мы вошли в город с длинными прямыми улицами — Майкоп!

Наши танки очистили город от красных, причем те даже не сумели взорвать мост, перекинутый через глубокую долину, на дне которой текла река Белая. Несколько домов прилепились на краю откоса. Мы быстро перебрались на другую сторону, чтобы занять гору, которая господствовала над всеми окрестностями. Оттуда мы могли парировать любые действия разгромленного противника.

Склон был крутым и порос густым лесом. Наконец-то мы снова увидели деревья! Без боя мы втащили пулеметы на вершины. На юге перед нами разворачивалась величественная панорама речушек, мелких водопадов и сине-фиолетовых гор. Кавказский хребет закрывал весь горизонт.

Нас окружал густой лес. В нем еще скрывалось множество советских солдат, выискивая возможность сдаться.

Возможность вскоре представилась, причем совершенно анекдотическая. Один из наших унтер-офицеров решил отойти в тенистые кусты, чтобы облегчиться подальше от любопытных глаз. С куском бумаги в руке он уселся и принялся за работу, одновременно восхищаясь кустиками. Он был не слишком опасен, поскольку из орудия имел только газетный лист. Именно такого момента ждали русские. Листья раздвинулись, и наш герой увидел длинную колонну русских, приближающуюся к нему с поднятыми руками, чтобы сдаться на самых выгодных условиях. Унтер-офицеру оставалось лишь

поспешно привести свою форму в порядок, чтобы не уронить свой престиж!

Через несколько минут он вернулся к нам, побряхтывая, за ним тащилась колонна мужиков, серьезных, как священники, несмотря на комические обстоятельства капитуляции.

Вот так были захвачены в плен последние русские в дубовой роще возле Майкопа. Честно говоря, это выглядело не слишком красиво, но лес был зачищен как раз в то время, когда унтер-офицер, сначала немного смутившийся, рассказывал о своих приключениях.

Тем временем Майкоп заняли главные силы дивизии. Мы все верили, что война закончилась. Все вокруг было зачищено, и мы готовились пересечь Кавказ. Прибыл приказ для нашей дивизии. Цели: Адлер, затем Сухуми, расположенный рядом с турецкой границей.

Мы быстренько прикинули: Тифлис к Рождеству, Вавилон весной! На берегах священных рек Тигр и Евфрат мы встретимся с Африканским корпусом маршала Роммеля, который перейдет Суэцкий канал! Война закончится в колыбели человеческой цивилизации!

Чтобы отпраздновать 15 августа (Вознесение господне), была дана команда раздать войскам местное вино из расчета 4 литра на человека. В общем, выпивка лилась рекой. Это был алкоголь, перегнанный из плодов терновника, он имел ужасный запах. Тем не менее празднование прошло успешно. Пьянка закончилась только под утро.

Затем, как ни странно, 97-я дивизия и Валлонский легион двинулись дальше. Огромные Кавказские горы свысока поглядывали на нас, сначала сине-черные, затем белые и розовые, но все равно такие же высокие. Сухуми, его пляжи и пальмы! Тифлис и его дома, прилепившиеся к склонам гор! Глубокие озера Азербайджана! Огромные поля горячего песка Персидского залива! Наши глаза сверкали при мысли о том, что нас ждет!

Мы прибыли к большой зеленой реке, которая текла под обломками взорванного моста. Один солдат двинулся вперед, чтобы перебросить доску. С другого берега хлопнул винтовочный выстрел, и солдат свалился в реку.

Второй попытался сделать то же самое. Затем третий. Все они были убиты.

Горы все еще находились в 20 километрах дальше, но теперь Кавказ предупредил нас.

Мы промчались на юг 1150 километров. Мы верили, что победили всех. Три тела, подсакивающие в бурном потоке, внезапно доказали, что война с Россией вовсе не закончилась. Она только начинается.

Ловушка

Верховное командование ожидало, что войска, наступающие на Кавказ, не встретят никаких трудностей. Каждой дивизии был выделен совершенно фантастический район операций. 97-я дивизия, которой мы были подчинены, должна была силами двух полков и Валлонского легиона захватить территорию в два раза больше Бельгии! Нам предстояло пересечь горы высотой 3200 метров и дубовые леса, которые тянулись на 200 километров.

Один из полков наступал прямо на запад в направлении Туапсе. Другой, полк Отте, к которому мы были приданы, наступал сквозь лес, чтобы выйти к Адлеру на побережье Черного моря. Командир дивизии отважно разместился между этими двумя колоннами, которые расходились все больше и больше. Его прикрывала только штабная рота, солдаты которой лучше умели обращаться с карандашами и ластиками, чем с пулеметами и гранатами.

Передвигаясь бросками, батальоны сменяли друг друга. В момент падения Майкопа мы находились в передовом охранении, но в первые дни наступления в горах должны были действовать в качестве тылового прикрытия.

Мы захватили врасплох некоторое количество большевиков, которые возвращались в ярмарочный городок. Нас вызвали на помощь крестьяне, и красные были быстро уничтожены.

18 августа мы атаковали деревню, которая находилась в 500 метрах выше нас, где укрепился противник. Две наши роты тихо поднялись на высоту и бросились врукопашную. Красные почти не сопротивлялись. Они вскоре бежали, бросив все свое оружие.

Все шло хорошо.

Проявив незаурядную отвагу, полк Отте за три дня прошел более 150 километров через джунгли, горы и ущелья. Новости поступали превосходные. Авангард находился всего в 3 километрах от дороги, ведущей к Черному морю. Потрясающе!

Страхи первого дня улетучились. Настал наш черед идти на фронт. Еще одна неделя, и мы будем на пороге Грузии!

Все переменялось в один вечер.

Наш полк углубился в горы и приближался к своей цели. Однако в тылу, в десятках километров позади наступавших подразделений, противник неожиданно перерезал дорогу.

Укрывшись в зарослях, красные пропустили наши 2000 человек, а потом затащили сеть. Они прятались буквально в каждом овраге. Пытаясь отойти назад, полк наткнулся на одну засаду за другой. В воздухе запахло катастрофой.

В центре штабная рота, которая сопровождала генерала Руппа и двигалась без охраны в нескольких десятках километров от обоих полков, тоже была отрезана. Несколько часов генерал сидел в осаде в деревне Ширванская. Старые ординарцы, секретари, ветеринары, сержанты интендантской службы сражались, как могли. Но подходы к деревне были в руках красных.

Русские также контролировали дорогу, ведущую от Ширванской в тыл. Там они серьезно укрепились на важнейших перекрестках.

Мы получили по радио срочный приказ идти на выручку. Нам предстояло за одну ночь пройти 20 километров по горам, а потом схватиться с противником, который устроил множество засад, и освободить командира дивизии из Ширванской.

Ночь была темной, как чернила. В небе ни единой звездочки. Уже через час стало понятно, что дальше двигаться не получится. Один из наших солдат получил рану в спину, а несколько лошадей свалились в пропасть глубиной несколько сот метров.

Рано утром мы возобновили марш. На рассвете стало видно, что над горами висят огромные угрожающие тучи. Мы перебрались через очень красочное ущелье, а затем вошли в лес огромных дубов. Некоторые деревья были недавно спилены и лежали поперек дороги. Мы двигались, держа пальцы на спусковых крючках.

Жара была удушающей. В небе гремел гром. Примерно в 10.00 на голом склоне горы напротив нас мы увидели белую деревеньку Прусская, наше последнее место отдыха перед встречей с противником.

Затем внезапно разразился ливень, с небосвода хлынул настоящий поток, и мы в мгновение ока промокли до нитки, словно свалились в реку. После того как мы добрались до первых изб, дорога размокла, покрывшись слоем жидкой глины толщиной 15 сантиметров. Наша колонна буквально застряла в ней.

Но мы должны были двигаться вперед. И мы кое-как двигались.

Два немецких офицера шли пешком впереди нас. Их автомобиль вместе с другими машинами налетел на засаду русских сразу перед грозой. Они сумели вырваться после яростной схватки.

Дождь прекратился. Долины заполнили влажные испарения, поднимающиеся из глубины. Они медленно поднимались к вершинам, где солнце сверкало на свежеумытой зеленой траве.

Мы проделали еще 2 километра, хотя на ногах висели целые глыбы глины. Затем нам пришлось искать укрытие. Мы подошли к горам, занятым русскими. Мы смотрели, как дорога поднимается, петляет и исчезает в лесу. Весь склон порос деревьями. Дубовая роща уходила на юго-восток, а потом снова поднималась по склону огромной горы.

Наш командир отдал боевой приказ, нам следовало развернуться тремя колоннами и начать атаку. Мы очень мало знали о противнике, исключая то, что он имел два батальона пехоты и эскадрон кавалерии. Он имел артиллеристов и автомобили и несколько трофейных противотанковых орудий. Противник, несомненно, думал, что мы наверняка попадемся в ловушку.

Однако когда красные увидели, что наши роты разворачиваются, они поняли наши намерения.

Мы смогли спуститься по склону без трудностей. Ни единый винтовочный выстрел не нарушил странную тишину долины. Две машины, горящие на вершине горы, — вот и все, что оживляло пейзаж.

Мы намеревались пробраться кустами к маленькому пригорку. Там можно было найти временное укрытие.

Я пополз к пригорку, продираясь сквозь густой кустарник, подтягиваясь на левом локте, в правой руке у меня был пистолет. В 20 метрах позади меня ждали солдаты.

Я добрался до вершины холмика, буквально рядом со мной русский офицер полз на животе, точно так же, как я. Мы выстрелили одновременно. Его пуля просвистела у меня над ухом. Моя попала несчастному прямо в лоб. Бой за Прусскую начался.

Прусская

Перекрестки, которые нам следовало атаковать между Прусской и Ширванской во второй половине дня 19 августа 1942 года, находились позади нескольких ложбин. Мы бросились на главные силы противника вниз по склону, причем через каждые 15 или 20 метров падали на землю, укрываясь в малейших складках местности и прячась за редкими сливовыми деревьями.

Перед нами голый склон пошел вверх. Когда русские увидели, что мы достигли дна долины, они пришли в страшное возбуждение. Они подожгли несколько немецких повозок с боеприпасами, которые захватили, и столкнули их на нас. Эти монстры затарахтели вниз по склону с адской скоростью, взрывающиеся снаряды разлетались в разные стороны. Мы уткнулись носами в землю, а над головами летали тысячи раскаленных осколков.

Лобовая атака могла завершиться бойней. Поэтому я взял трех добровольцев, которые были опытными солдатами, и повел их в обход правого фланга. Мы добрались до роши остролиста, затем проползли в лес и просочились между передовыми русскими постами. Мои три парня следовали за мной на расстоянии 10 метров. Я хотел обойти противника с фланга, но оказался прямо за ним. Сквозь ветки я видел советский лагерь.

И в этот самый момент наши люди пошли в атаку. Это случилось! Я выпрыгнул из укрытия позади большевиков, поливая их очередями из автомата и издавая кровожадные вопли. Мои товарищи бросились следом за мной прямо в середину лагеря, тоже что-то крича.

Началась паника. Красные поверили, что они сами окружены, забегали кругами и наконец бежали в полном замешательстве по долине на юго-запад. Они совершенно рехнулись. Мы вчетвером выгнали их из логова. Все их грузовики стали нашими, великолепные фордовские автомобили, выстроенные четырехугольником, даже с ключами зажигания на месте! Пушки, которые обстреливали нас, попали к нам в руки, а также и пулеметы! Продовольствие, оружие, боеприпасы, каски, полные фруктов, там было все! Наших воплей и

нашей стрельбы, внезапно раздавшихся у них в тылу, хватило, чтобы убедить сотни красных в катастрофе и обратить в бегство.

Мы побежали за ними, вопя все громче и стреляя из всех автоматов. Вскоре после этого одна из наших рот встретила нас на перекрестке.

Мы не могли позволить советским войскам спуститься через лес и ударить. Нам приказали догнать и уничтожить их.

Сначала они нанесли нам некоторые потери, убив одного из наших самых выдающихся товарищей, доктора филологии, который получил пять пуль в грудь. Но наш порыв нельзя было остановить. Швыряя гранаты, мы захватили противотанковое орудие, которое русские пытались вытащить из роци по грязной тропинке. Мы достигли дна долины и оказались в тропических джунглях. Она была затоплена водой утренней грозы и перерезана оврагами 10 или 15 метров глубиной, прямыми, как деревья.

Нам приходилось скользить вниз, сидя на заднице. Подниматься вверх приходилось, цепляясь за камни и корни. Густая растительность испускала удушающие ароматы. Сотни пчел, которые поднялись в воздух во время боя, жужжали вокруг, сходя с ума от злости. Я израсходовал все патроны. Для рукопашной у меня остался только пистолет и 20 патронов. Мы бежали от дерева к дереву, втапывая красных в грязь и кусты. Мы отогнали их главные силы на противоположный склон горы, который был очень крутым и совершенно голым, его делила надвое грязная тропа. Красные бежали туда в полном беспорядке.

Тем временем германская артиллерия, которая поддерживала нас, добралась до перекрестка. Артиллеристы установили орудия вдоль дороги. Русская кавалерия, которая не могла сражаться в густом кустарнике и лесу, попыталась спасти своих коней, ведя их по грязной скользкой дороге. Нельзя было и мечтать о лучшей цели. Немецкие снаряды падали среди них, разрывая на куски и людей, и лошадей. Большевики разбегались в разные стороны, безжалостно преследуемые сотнями снарядов.

В бой вступили наши реактивные минометы. Советская колонна была практически уничтожена. Однако многие русские спаслись, укрывшись в кустах и темных отрогах маленьких оврагов.

В горячке погони мы зашли слишком далеко. Теперь, уничтожив беглецов и почти израсходовав боеприпасы, мы хотели вернуться к своим.

Но мы оказались в гуще джунглей. Мы бросились на противника, совершенно не обратив внимания, куда бежим. Едва мы вернулись на сотню метров, как попали под шквальный огонь пулеметов. Большевики засели в кустах! Мы снова бросились на них. Они стреляли, думая, что окружены. Каждый раз, когда мы продирались сквозь густые заросли ежевики, то оказывались в трясине.

Моя одежда оказалась изорвана в клочья. Мои бриджи для верховой езды превратились в оборванные шорты. Однако это лишь комический аспект нашего положения. Приближались сумерки, а мы никак не могли найти своих. Перебираться через овраги, которые преграждали нам дорогу, было настоящим мучением. Становилось понятно, что мы с наступлением ночи никак не выберемся из зарослей остролиста, где на каждом шагу нас подкарауливали русские.

Судя по всему, мы оторвались на два километра от своего батальона. Я собрал вместе всех, кто был со мной, и, рискуя привлечь внимание врагов, снующих вокруг, начал громко кричать, стараясь дозваться своих, которые были где-то там в темноте за деревьями. Мы с тревогой прислушались. И услышали слабые ответные голоса, где-то совсем далеко. Мы пошли в том направлении.

Русские, получив серьезную взбучку, находились не в лучшем положении, чем мы. Они тоже были отрезаны. Время от времени мы останавливались, чтобы перевести дыхание, и снова кричали. Теперь ответы слышались более ясно. Направление мы выбрали правильно. От оврага к оврагу, от лужи к луже, но мы приближались к цели. Наконец нас окликнули. Это был один из наших патрулей, мы были спасены.

На ночь батальон собрался вместе.

Противник больше не оказывал никакого сопротивления. Несомненно, группы противника все еще бродили по лесу и прятались во всяких грязных дырах в долине и бежали на юго-запад, тоже пытаясь присоединиться к своим батальонам, поредевшим после

нашей атаки. Мы шли прямо на юг, хлюпая по мутной воде. Около 01.00 наша головная колонна вошла в Ширванскую.

На следующий день мы похоронили своих мертвых. Мы украсили их могильные холмики золотыми подсолнухами, цветами славы и доблести.

Грязь была столь ужасающей, что никто больше не мог сделать и шага. В течение двух дней я ездил верхом на своем коне почти голым, пока солдаты пытались отстирать и заштопать мою одежду, изодранную в рукопашной. Они сами стояли на часах без сапог, босые в воде по щиколотки. Ни один мотоциклист не мог передвигаться по району.

Во второй половине дня 20 августа снова показалось безжалостное солнце. К сумеркам все вокруг окрасилось пурпуром и золотом. Хорошая погода предвещала битву, новые бои близились.

Третьяков

Наш поход по Кавказу возобновился 21 августа рано утром. Мы прошли по маленькому мостику, поспешно построенному нашими саперами над раздувшейся речкой, а затем вошли в лес. После нескольких километров подъема мы увидели маленькую поляну и несколько изб. Несколько советских солдат бежали, сделав пару выстрелов. Деревня называлась Папоротный. Прекрасные виноградник, яблоневый сад и заросли сливы раскинулись под солнцем.

Нам предстояло пройти еще около десяти километров до деревни Третьяков. В Папоротном мы получили радиограмму, в которой нашему командиру сообщали: «Третьяков занят крупными силами противника». Оставив повозки со снабжением и тяжелую технику на поляне, мы начали осторожно пробираться между могучими дубами и кустарником.

С высоты хребта сквозь прогалину справа мы увидели деревню, занятую русскими. Мы пошли по ясно видной тропе, заросшей травой. Согласно нашим картам Третьяков находился гораздо дальше. Мы оставили тропу и пошли напролом сквозь заросли, двигаясь по компасу, и шли так 20 минут.

Затем мы услышали карканье ворон.

Это был Третьяков.

На разведку был послан патруль. Укрываясь под деревьями и за большими коричневыми валунами, разведка подошла к опушке. Расположенный на широком холме Третьяков возвышался над горным проходом. Деревня была довольно обширной, и ее окружала кукуруза высотой два или три метра, которая подходила вплотную к соломенным крышам. Прямо под деревней на опушке леса стоял колхоз.

Солдаты нашего патруля разглядели всю обстановку в мельчайших деталях. В 20 метрах от них трое русских слонялись взад

и вперед вокруг полевой кухни. Они громко смеялись, рассказывая какие-то шутки, совершенно не подозревая, что ждет их. Наши люди незаметно проползли под деревьями и внезапно выскочили прямо под носом у поваров, размахивая пистолетами!

Ни один из троих не осмелился ни крикнуть, ни дернуться. Наш патруль загнал поваров как можно дальше в дубовую рощу и привел их к нам, не сделав ни одного выстрела.

Один из русских имел в кармане раскладку на ужин — самые верные разведанные. Мы узнали, что их 304 человека. Мы узнали, что у противника есть артиллерия и противотанковые орудия.

Мы закончили допрашивать наших поваров-сталинистов, когда внезапно в 30 метрах от нас загремели орудийные выстрелы. Русские нанесли ответный визит.

Наверняка один из их солдат, проходя мимо жарящегося мяса, заметил отсутствие поваров и поднял тревогу. Часть красных незаметно выдвинулась к опушке, стараясь обнаружить нас. Один из наших унтер-офицеров вовремя успел их заметить. Он открыл огонь из автомата, но сам был прошит советскими пулями. Он получил несколько ран в живот, из которых толчками выплескивалась кровь, но тем не менее он продолжал стрелять. Теперь паника охватила уже нас. Но героизм унтер-офицера позволил его солдатам опомниться. Раненый упал лишь после того, как мы пробежали мимо него, чтобы начать рукопашную.

Две роты, которые должны были атаковать деревню, бросились в бой без задержки. Так как нас обнаружили, действовать следовало без промедления.

В качестве адъютанта именно я должен был ободрять солдат в тех местах, где дела шли плохо, где они начинали колебаться.

Часть наших солдат наступала прямо через колхоз, другим предстояло совершить большой крюк, чтобы обойти Третьяков по высотам. Солдатам сразу пришлось нелегко. Для многих зеленых новобранцев этот бой стал крещением огнем. Мы видели, как они колебались перед тем, как оторваться от скал и деревьев.

Шесть более решительных солдат, вооруженных автоматами, добрались до угла сарая в колхозе. С пулеметом в руках я бежал следом за ними. Через несколько минут, временно прекратив стрелять, мы оказались внутри самого Третьякова. Наше противотанковое орудие, к счастью, стреляло неточно, и снаряды рвались у нас над головами.

Красные занимали избу, из которой держали под обстрелом всю улицу. Пока мои товарищи вели огонь по дому, я продрался сквозь кукурузу и подошел к западному углу избы. Прыгнув внутрь дома через боковое окно, я полностью вынес его, так как тащил с собой пулемет. Моя очередь произвела в комнате сокрушительный эффект. Женщина, которая сражалась вместе с красными, упала на пол и забилась в истерике.

Перебежками, стреляя из пулемета, я со своими солдатами занимал один дом за другим, преследуя советских солдат. Вскоре я собрал вокруг себя целую толпу пленных. Не зная, что с ними делать, я выдал каждому по куску брюссельской газеты, которую я использовал совсем не для развития ума. «Документ! Документ!» — убедительно говорил я каждому пленнику. Эти несчастные недоумки поверили магическому слову «Документ». Подняв руки и размахивая кусками бумаги, они побежали в тыл, где наши солдаты сначала сильно удивились такому количеству монголов, которые читают бельгийскую прессу. Но потом они сообразили, что произошло, и восхитились изобретательностью валлонов.

В ближнем бою лучше всего стрелять короткими быстрыми очередями. Я добрался до конца деревни, стреляя в каждое окно, мимо которого пробегал. Я остановился только за окраиной населенного пункта, в то время как мои шестеро обормотов разыскивали большевиков, которые прятались в избах и сараях. Многие вышли из зарослей кукурузы уже по собственной инициативе.

Мой пулемет поработал отлично. Через 20 минут вся валлонская рота подтянулась ко мне. Наши товарищи, двигавшиеся по высотам, тоже присоединились к нам.

Мы не только взяли множество пленных, но также захватили русские пушки и противотанковые орудия, находившиеся в отличном состоянии, с большим количеством боеприпасов.

Посмеиваясь, мы вернулись в колхоз. Советские полевые кухни все еще стояли там, причем великолепный суп был готов, а рядом стоял огромный котел овсянки. Немного в стороне стояла повозка с огромными мешками сухарей. Мы вернули поваров к их котлам и поварешкам. Они были рады продолжить работу. Никогда еще они не варили суп при столь необычных обстоятельствах! Сначала большевики, потом пленные, а еще через некоторое время их произвели в почетные валлоны! И все это менее чем за час! Их суп даже не успел выкипеть. Их маленькие зубки радостно сверкали на плоских широких желтых лицах. Жизнь оборачивалась юмористической стороной.

Мы были очень рады. Деревня была захвачена более чем легко и эффективно, но это принесло нам серьезную выгоду. Мы охотно съели суп и овсянку, проголодавшись за время боя. Мы даже были удивлены, как все прошло быстро и гладко.

Слишком быстро! И слишком гладко! Потому что вокруг опять засвистели пули, сначала одиночные, а потом уже и сотнями.

Мы едва успели попадать на землю и укрыться за стволами деревьев, среди перевернутых повозок. Что происходит?

Мы недоумевающе смотрели друг на друга.

Сгущались сумерки. Большие черные орлы кружили, зловеще крича, над маленькой долиной. Тревожащий огонь велся из леса, который с юга подступал к кукурузным полям.

Кровавое ущелье

Для двухсот человек оказаться на ночь на дне ущелья и чувствовать себя зажатыми со всех сторон высокими Кавказскими горами было не самым лучшим чувством. На востоке горы были черными и фиолетовыми, на западе отсвечивали красным золотом, но все они были одинаково предательскими. Тысячи невидимых врагов прятались на их лесистых склонах и обстреливали нас со всех сторон. Это происходило вечером 21 августа.

К счастью, как только мы захватили Третьяков, мы развернули дозоры в кустах по краю кукурузных полей. Именно они героически приняли на себя первый удар.

Мы быстро приготовились к бою, но противник был слишком силен. Неприятель, находившийся на господствующих высотах, вел по нам пулеметный огонь. В мгновение ока мы подтащили наши противотанковые орудия и открыли из них огонь в упор по русским, которые находились всего в 50 метрах от нас на опушке леса. Наши снаряды рвались, попадая в первые ряды деревьев, и выбрасывали клубки пламени. Потом мы пустили в ход оружие, захваченное у противника. Шквал раскаленного железа притормозил советскую атаку. Следующие пять часов шла жестокая схватка, кровавый ближний бой. Лишь один наш пост пал, так как все солдаты там были перебиты. Остальные удержались.

Наконец, где-то около полуночи огонь врага ослабел, а потом и вообще прекратился. Мы отправили в лес несколько патрулей. Они нашли множество трупов, но советские войска, начавшие атаку, исчезли.

В 01.00 началась новая перестрелка, теперь уже севернее колхоза, в лесу, под прикрытием которого мы вечером подобралась к Третьякову. Разгорелся жестокий бой вблизи от неровной лесной дороги, ведущей к Папортному.

Мы сильно нервничали. Остальная часть легиона, в том числе наша техника, имела приказ присоединиться к нам. Наверняка это именно они вели бой.

К нам прибежала пара посыльных с выпученными глазами. Колонна внезапно была атакована с тыла сотнями русских, которые попытались разрезать ее на части. Обе стороны расстреливали друг друга из пулеметов в упор, но пока еще наши парни держались.

Мы собрали всех, кого можно, и бросились на шум. Около 03.00 бой закончился, и появилась процессия наших грузовиков с солдатами.

И теперь вопросом было, кто именно пережил наиболее опасные приключения. Особенно гордились раненые, которые указывали на свои окровавленные повязки и рассказывали тысячи невероятных историй. Никто не понимал, что случилось, откуда взялись русские и почему они с такой яростью атаковали нашу колонну.

Только допрос пленных позволил кое-что прояснить. Они входили в усиленный пехотный полк, который отступал. Им сообщили, что в Третьякове находятся свои. В сумерках, не беспокоясь ни о чем, они подошли к деревне через полчаса после того, как мы захватили ее. В течение 5 часов они пытались силой прорваться через нее, но напрасно. Потери русских были очень высокими. Их полковой командный пункт получил прямое попадание снаряда нашей противотанковой пушки. Наконец, после неудачи прорыва, они попытались обойти деревню с севера. Но их продолжали преследовать несчастья: они влетели прямо в середину нашей колонны с подкреплениями и снабжением.

Сначала в опасности оказалась именно колонна, но упорство наших солдат сыграло свою роль, и русские снова не сумели прорваться. Не зная, насколько велики наши силы, измученные и сбитые с толка, они второй раз откатились назад в полном беспорядке.

Остаток ночи мы слышали, как противник продолжает отходить на юг. Это остатки советского полка с шумом тащили свои повозки по лесным дорогам.

На рассвете мы принялись ремонтировать свои повозки, хотя часть лошадей была убита. Поле боя представляло собой жуткое зрелище. Два русских офицера, убитые на лошадях и изрешеченные десятками пуль, все еще держали пулеметы в руках.

Мы похоронили наших убитых возле школы. Как обычно, могилы были усыпаны яркими цветами. Больше ни один разрыв не потревожил тишину долины.

Наступило воскресенье. Горы выглядели очень красиво. Мы провели целый день, наслаждаясь солнцем и этими красками. Невероятный закат с длинными полотнищами красного, золотого и фиолетового света прорезал розовые облака, долгое время собиравшиеся на склонах гор. В это время на дне долины мы совершенно утонули в синих и сиреневых тенях вечера.

Ночь оказалась короткой.

Все случилось в 03.30. Никто не слышал даже, чтобы хрустнула сухая ветка. Однако, бесшумно скользя в сандалиях из свиной кожи, сотни большевиков собрались в кукурузе рядом с селом. И внезапно они бросились на нас и с диким криком: «Ура! Победа!» целых два батальона обрушились на наши посты. Сотни вопящих врагов продирались сквозь кукурузу и накапливались возле домов. Начался безумный бой в темноте, освещаемой очередями трассирующих пуль, наши солдаты схватились с атакующими. Они обменивались пулеметными очередями в стойлах, и несчастные лошади валились, как подкошенные.

О! Это был ужасный час! Когда все-таки начнется рассвет и мы сумеем перегруппироваться? Или нас раздавят еще до этого?

Отстреливаясь, мы следили за вершинами гор. Наконец они начали светлеть, и бледные отсветы забегали по долине. Противник был повсюду, однако самые важные позиции находились в наших руках. Даже на опушке леса наши посты продолжали сопротивление.

Силы красных, которые пытались выбить немецкие войска из лесов на склонах Кавказских гор, состояли из ударных батальонов. Их формировали из наиболее фанатичных большевиков, которые бежали с Донца на Кавказ. Они были усилены сотнями головорезов, обычных преступников, освобожденных из тюрем. За ними следовали полудикие орды, поспешно набранные советскими властями в Азербайджане и Киргизии. Два батальона, которые атаковали нас этой ночью, должны были нас просто размазать. Они сумели даже захватить несколько изб. Оттуда им предстояло пройти еще 50 метров, чтобы достичь уступа, за который мы зацепились. Но наши пулеметы сметали всех атакующих.

Третий советский батальон спустился в полдень по другому склону, с востока, и вошел в дубовую рощу, которая господствовала над деревней и нашими позициями. Батальон имел весьма

специфическое оружие — только легкие минометы, не больше женского зонтика. Но сотня таких минометов означала смерть для бойцов, отданных им на расправу.

* * *

В понедельник русские усилили свои атаки.

Мы удерживали позиции с огромным трудом. Десятки солдат покинули нас, чтобы отправиться на перевязку. Вокруг валялись трупы товарищей, изуродованные чудовищными разрывными пулями русских, которые вырывали чуть ли не полголовы или вообще сносили ее целиком.

Мы были почти полностью окружены. В маленькой долине в наших руках оставался только колхоз и ущелье на севере, через которое в моменты краткого затишья в бою мы отправляли в тыл наших раненых.

Красные захватили нижнюю часть деревни. Они заняли весь лес, подходивший к нашим позициям с юга, востока и запада. Им оставалось лишь захватить колхоз и ущелье на севере. В 17.00 сотни большевиков выскочили из леса и бросились на здания колхоза, расположенные в 40 метрах ниже нашего уступа.

Наши пулеметы вели просто бешеный огонь. Но мы не сумели помешать толпам красных ворваться в здания. Наступила ночь. Если колхоз останется в руках противника, ночью советские уголовники и орды киргизов замкнут кольцо вокруг нас.

Необходимо было выбить их оттуда, прежде чем стусится темнота. Мы быстро подтащили два противотанковых орудия к самому краю уступа, несмотря на пули и гранаты русских, и открыли беглый огонь почти точно вниз, прямо по крышам зданий. Десять, двадцать, пятьдесят снарядов — и вверх взлетели столбы пыли и огня.

Красные спаслись только тем, что снова бежали в кукурузу и в лес. Колхоз снова перешел в наши руки. Наши люди устроились там, среди множества трупов большевиков, лошадей и рухнувших балок.

Сто двадцать шесть часов

Наша битва за Третьяков продолжалась 126 часов, 126 часов, в течение которых шла почти непрерывная рукопашная схватка, исключая несколько часов ночью, пока непривычная оранжевая луна висела в небе. Ее красноватый свет делал ночь похожей на сказку. Тучи походили на цветочные поля или мягкие шелковые занавеси.

Отблески сияли в высоте и едва достигали нашего склона, находившегося почти на самом дне узкой долины. Мы использовали небольшое затишье, чтобы поспешно окопаться. Тут же лежали тела десятков наших товарищей со скрещенными руками, напоминая изваяния на гробницах в наших соборах. Мы были подавлены горем, когда поспешно забрасывали их землей: сначала ноги, потом грудь, последней исчезала голова. Мы делали это быстро, так как каждый из погибших был нашим братом и товарищем, делил с нами страдания, нашу славу и нашу веру.

Остаток ночи мы вырубали кукурузу между нашими постами и деревьями, ведь огромные стебли возвышались на полметра над головой, что позволяло красным приближаться незамеченными и внезапно атаковать в любой момент. Мы ползли в темноте, вооруженные большими ножами. За несколько ночей мы расчистили все окрестности, метр за метром.

Это была рискованная работа, потому что вокруг сновали красные. Имели место несколько стычек, после которых начинался небольшой переполох. Однако с 04.00 мы были вынуждены отсиживаться в наших маленьких блиндажах. Первые зеленые ростки появлялись между обломками стеблей, и цветы подсолнечника украшали новые могилы, появившиеся предыдущей ночью. Примерно в это время начинался шум и гам.

Удержать Третьяков оказалось еще более сложно. Наши позиции были слишком уязвимы, и мы были вынуждены отойти еще дальше. Нам следовало приготовиться к прорыву из кольца. Мы решили

нанести мощный удар на юго-западе, ниже деревни, где противник вел себя наиболее агрессивно. Оттуда русские легко могли ворваться в колхоз, и мы каждую ночь рисковали быть выкинутыми со своего холма и просто раздавленными.

Если мы контратакуем красных, бросившись прямо на них, то вполне можем потерять половину батальона. Результат будет самым минимальным: сотня метров и несколько изб, а также угол кукурузного поля, где протекает речка. Нам никогда ее не форсировать, и мы не сумеем очистить высоты лобовой атакой.

Мы вызвали добровольцев, желающих поменять лисий хвост на львиную гриву. Мы с командиром легиона приняли смелое решение: проскользнуть по маленькому оврагу на север, а потом повернуть на запад уже в лесу, пройти мимо красных и наконец внезапно атаковать их с тыла напротив наших позиций в Третьякове.

Невозможные атаки чаще всего удаются, потому что никто не думает защищаться от них. Несколько парней из роты «Молодых рексистов» спустились в овраг и проникли в тыл красным, прячась за деревьями. Мы прождали целых два часа, пока они начнут атаку.

Но это не случилось. Сразу после полудня появились наши парни, совершенно измученные. Местность была сильно пересеченной, повсюду шатались советские патрули. Их офицер решил, что задача невыполнима. Так как он имел на это право, он приказал возвращаться.

* * *

Однако операцию следовало провести в любом случае.

Противник получал все больше пространства для маневра. Если мы не нанесем решающий удар, то сами его получим. Нам приходилось выбирать: рискнуть всем или потерять все. Я вызвал новых добровольцев, следовало повторить вылазку более крупными силами. Офицер, не верящий в успех, снова взял своих солдат. Я очень убедительно постарался объяснить им, что следует делать.

В глазах парней засверкали искры. Некоторые из них уже заслужили Железный Крест сегодня утром и желали оправдать его. Они снова двинулись в путь. Мы следили за ними в бинокли.

Прошли еще два часа, было уже 17.00. Красные, которые хотели снова захватить колхоз, бросились в атаку со своими обычными воплями.

Им ответил другой крик, который слушался заметно слабее. Вряд ли красные видели наших молодых солдат, которые, укрывшись у них за спиной, ждали подходящего момента. Они бросились в воду и вышли, точно львы!

Большевики поверили, что они сами окружены. Большинство из них, не зная, куда бежать, помчались прямо на наши пулеметы, и кто-то попытался залезть в кусты. Многие из них сдались, это были гиганты с узкими глазами, похожие на горилл, которых наши парни подгоняли ударами прикладов по спине.

Увы! Половина этих молодых гладиаторов погибла, выходя из кустов или пересекая реку. Их стройные тела плавали под водопадами. Мы снова победили, но платой за победу стала молодая и чистая кровь.

Каждый из наших молодых парней стоил больше, чем куча пленных оборванцев, которых мы загнали в школьные классы. Этот потрясающий контраст очень ясно подчеркивал характер дуэли: Европа, очищенная двадцатью веками цивилизации, и дикие орды азиатов, звероподобные и гримасничающие, с нахлобученными пилотками с красной звездой СССР. Наши молодые добровольцы сделали свой выбор. Они погибли, сражаясь за идеалы, которые светились в их глазах.

Красные, снова понеся тяжелые потери, откатились обратно в лес на запад и юго-запад. Они больше не рисковали вступать в рукопашную в этом секторе, усеянном трупами их товарищей.

Несколько отвратительных свиней шатались перед советскими постами и пожирали вонючие трупы, быстро разлагавшиеся на солнце. Красные мрачно следили за этими трупоедами, чавкавшими буквально в 20 метрах от них. Судя по всему, они сильно хотели уволочь этих животных к себе в тыл. Наконец они сумели схватить одну свинью. Мы услышали крики радости. Вот так в Третьякове русские занялись людоедством при промежуточном звене в виде свиньи.

Мы сумели получить все сведения, которые нам требовались, от этих гурманов, любителей свиного мяса.

Один из наших врачей попал в плен, когда пытался спасти раненого, лежавшего на берегу речки. Русские таскали его с одного поста на другой.

Как и большое число наших солдат, он немного выучил русский язык. Врач оказался на удивление изобретательным. Он весело трепался с врагами, пока его не решили отправить в тыл. У него было достаточно времени, чтобы осмотреть вражеские позиции и оценить их силы. Когда его повели, было уже темно. Тропа проходила вдоль глубокого оврага. Врач неожиданно прыгнул и кувырком скатился вниз. Предоставив русским бесноваться, сколько хотят, врач пустился наутек!

Раз десять он сбивался с пути. Но на рассвете мы увидели голову, высунувшуюся из болота в 50 метрах от нас. Это был наш отважный товарищ. Он осторожно пополз и благополучно добрался до наших позиций, весь грязный и зеленый, как нильский бегемот. С этого момента красные на западе потеряли покой, так как наши противотанковые орудия расстреливали их, выбивая из лесных убежищ.

Оставались еще дубовые рощи, которые нависали над нами с юго-востока, и откуда советские минометы вели постоянный огонь. С рассвета и до заката мы были вынуждены прятаться в убежищах, вырытых в меловой почве или под избами. Наш командир, попытавшийся отправиться с обходом, едва не погиб, когда три мины разорвались поблизости.

Нам нужно было зачистить высоты и вышвырнуть дьявольские приспособления подальше. Одна из наших рот обошла красных и обрушилась на них всей своей мощью.

Но мы дорого заплатили за эту контратаку. Национальный лидер «Молодых рексистов» профос Йон Хагеманс, бывший студент-коммунист из университета Брюсселя, который воспринял наши идеи и стал их глашатаем в Нидерландах, был убит разрывом мины,

Но Третьяков был освобожден лишь частично. Каждый день наши вылазки отгоняли противника все дальше, но едва наши солдаты поворачивали обратно к избам, как за спиной у них снова вспыхивала стрельба. Они еле успевали добежать до блиндажей. Противник складывался, а потом обратно разжимался, как упрямая пружина. Элитные советские снайперы карабкались на деревья, словно ягуары. Иногда нам удавалось подстрелить кого-нибудь из них, если мы целились очень тщательно. Тело падало на землю, ломая по дороге ветки.

Но большинство большевистских древолазов оставались незамеченными. Десятки снайперов мешали нашим передвижениям. Третьяков был окружен снайперами, которые берегли патроны и стреляли очень метко.

Но все это никак не могло скрыть очевидное — мы удержали Третьяков. Красные не сумели захватить проход, который им был крайне нужен для контратак.

Мы остались единственными, кто сумел удержать передовые позиции в кавказских лесах на юго-западе. Повсюду наши войска начали отход. Третьяков остался клином, вбитым в советские позиции. Именно отсюда в октябре мы начали наше последнее наступление на Западном Кавказе.

Наша дивизия проскользнула еще дальше на юг. После того как нас сменили подразделения дивизии СС «Викинг», мы приняли участие в этом маневре. Жарким вечером в конце августа мы оставили могилы наших мертвых и осторожно ушли лесами на запад, так как там все еще патрулировали отряды неприятеля. Наша группа почти пересекла путь длинной колонне советских солдат. Их было в семь или восемь раз больше нас. Они прошли по гребню в нескольких метрах у нас над головой, даже не догадываясь о нашем присутствии. Мы в это время затаились в кустах, держа пальцы на курках.

После двухчасового перехода мы добрались до маленькой деревушки, которая затерялась среди высоких голубых пиков. Она называлась Кубано-Армянская, и ее построили еще в царские времена армянские беженцы.

Армения

Сентябрь 1942 года стал месяцем отдыха для дивизий на Западном Кавказе. Немецкое наступление второй половины августа провалилось, так как не хватило войск для прорыва обороны и контроля над лесными районами. Войска, отправленные вперед, добились бы успеха, если бы, как в июле, наступали по открытой местности. Однако легкие дороги закончились. Противник терпеливо ждал, пока мы пройдем еще 200 километров и увязнем в джунглях. Затем, когда мы застряли в проходах и долинах, он отрезал нас с тыла в лесных районах, где партизаны наносили удары, часто оставаясь незамеченными, удары жестокие и смертоносные.

Во многих местах нам пришлось отойти. Более того, нам пришлось дожидаться прибытия подкреплений. Без новых дивизий дальнейшее наступление было невозможно.

Поэтому мы ждали.

Армянская деревня Кубано-Армянская была захвачена одной из наших рот в тот самый день, когда мы штурмом взяли Третьяков. Противник не ответил, а просто отошел подальше за открытое пространство. Фронт стабилизировался на опушке леса.

Мы никогда не видели подобной деревни. Это не были избы, построенные на земле, как в степи. Нет, они были подняты на прочных столбах из опасения диких зверей, которые зимой могли выйти из леса на поиски пропитания в маленькой долине. Конюшни находились на высоте четыре или даже пять метров. Люди принимали меры предосторожности для сохранения своего скота даже больше, чем для защиты своих жен и детей. Вероятно, они прикладывали массу усилий, чтобы загнать скот на эти насесты, где ему предстояло провести несколько месяцев, пока не растает снег, а внизу носятся стаи голодных волков.

Жители тщательно хранили обычаи Малой Азии. Женщины имели миндалевидные угольно-черные глаза, какие можно видеть на

древнекритских вазах. Они жили среди миллионов мух, долгими часами качая ногами небольшие бочки с молоком, которые были подвешены к потолку на веревках. Примерно через полдня этого труда из бочки можно было достать полужидкое масло. Молоко было буйволиным, от медленных спутниц огромных черных быков, чей подгрудок свисал до самой земли, как у кабанов.

Вокруг деревни росла неизбежная кукуруза, чьи золотые початки крестьянские женщины сушили на земле, предварительно освободив от шелковистой пленки.

Местность вокруг была даже еще более потрясающей, чем в Третьякове. Когда мы вечером возвращались из патруля, то по двадцать раз останавливались, чтобы полюбоваться величественными пиками и небом. Горы поднимались вдаль, каждая отбрасывала свою тень, переходящую от золотого и красного в пурпурный и фиолетовый. Огромные каменные лица, подсвеченные сзади зарей, всегда оставались темными. Кубано-Армянская, которая лежала в узкой долине, тонула в темно-синих сумерках, лишь над печными трубами мелькали тонкие белые шлейфики дыма.

Мы медленно спускались в долину, не прекращая любоваться ошеломляющими красками, которые обрамляли скалы, и деревней, исчезающей в синей тени, постепенно переходящей в черную.

Чтобы добраться до командного пункта 97-й дивизии, мы должны были пройти около 15 километров по склонам гор. Я ездил на маленькой русской лошадке, которая словно серна шла по узенькому карнизу над бездонными пропастями. Наконец перед нами открывалась невероятная панорама, огромная зеленая впадина, окруженная скалами километровой высоты. На самом дне сиял квадрат желтого света. Там находилась деревня.

Требовался еще час, чтобы добраться до нее. Лошадь своими копытами, словно когтями, цеплялась за каменные осыпи. Затем мы подошли к бледно-зеленому бурному потоку, совершенно ледяному.

Но вскоре связь полностью прервалась. Красные, видя, что наше наступление заглохло, сами перешли от обороны к атаке. Они не бросали на нас целые батальоны, как в Третьякове, а просачивались маленькими группами сквозь непроходимый лес, где старые дубы, иссеченные бурями, переплетали свои почерневшие ветви, где заросли кустов предоставляли прекрасное укрытие для засады.

Наши патрули с трудом пробирались по этим густым джунглям, где не было никаких тропинок и чьи секреты не были отображены ни на одной карте.

К счастью, жители деревень, расположенных на полях, были настроены резко антибольшевистски. Некоторые из наших армянских крестьян уходили на 15–30 километров от Кубано-Армянской. Через пару дней они снова появлялись, принося подробные сведения о красных.

Ненависть этих крестьян к советскому режиму удивляла нас. Бедные, даже нищие, они должны были поддаться искусству большевизма. Вместо этого они испытывали такой ужас перед большевиками, что каждый день рисковали жизнью, чтобы помочь нам. Седые старые крестьяне, которых красные много лет заставляли работать, особенно сильно ненавидели их. Обутые в легкие кожаные сандалии, они могли прокрасться всюду и вели за собой наши патрули.

Несколько наших армянских проводников попали в руки большевиков и были убиты. Но это не повлияло на настрой деревни.

Тем не менее наше положение оставалось сложным. Противника не было нигде, однако он был повсюду. Мы отправляли разведгруппы, которые ходили целыми сутками. Они проникали глубоко на территорию противника, но все равно не видели ничего, кроме ускользающих теней. На следующий день у околицы нашей деревни пулеметная очередь из зарослей клала сразу несколько солдат.

В конце концов, мы оказались полностью окружены этими невидимыми врагами, которые прятались под деревьями, где только могли, подобно диким кабанам, и которые питаются падалью и падалью.

Мы могли поддерживать связь с дивизией только по радио. Чтобы отправиться в тыл, требовалось организовать настоящую экспедицию, в которой каждый раз участвовала половина батальона. Вот теперь мы на своей шкуре испробовали, что такое партизанская война на азиатский манер.

Ожидание

Количество солдат не играло особой роли в этой смертельной игре в кошки-мышки, которую мы вели в лесах Кавказа. Три человека, сидящие в засаде среди колючих кустов терновника в подходящем месте, могли в считанные секунды перебить патруль. Они могли удрать, как только их атакуют, а на следующий день устроить засаду в другом месте.

Мы должны были доставлять припасы с базы в Ширванской в десятке километров от наших позиций в Кубано-Армянской. Дважды в неделю повозки, запряженные огромными волами, доходили до деревни Папоротный, затем пересекали густой дубовый лес шириной 5 или 6 километров. Эта дорога была узкой и вся заросла зеленью. Подходя к небольшой речке с крутыми берегами, мостик через которую был уничтожен, колонна должна была спуститься на галечное русло реки. Пройдя около сотни метров по реке, колонна выбиралась на берег к могучим дубам.

Однажды русские, которые сидели в засаде, подпустили конвой на расстояние всего двух метров и открыли огонь. Их очереди скосили и людей, и волов. Лишь двое наших солдат сумели укрыться в кустах. Все остальное сопровождение колонны было перебито на месте раньше, чем кто-то успел сообщить, что происходит.

С этого момента мы дважды в неделю отправляли половину своих людей встречать колонну из Папортного. Солдаты методично прочесывали лес по обе стороны тропы.

Мы ждали с опаской. Обычно конвой добирался до нас в 18.00. Наши глаза не отрывались от поляны, на которую выходила тропа справа на склоне.

Иногда мы слышали треск выстрелов и разрывы гранат. Затем мы видели повозки, с грохотом вылетающие из леса. Задыхающиеся солдаты торопились доставить раненых на перевязочный пункт.

На следующий день нам приходилось провожать колонну обратно к Папоротному. Прекратить использовать тропу значило капитулировать. Люди были достаточно напуганы засадами, поэтому я лично взял на себя командование солдатами, которые осуществляли

связь. Чтобы не позволить перебить всех, я сам шел в 20 метрах впереди. Мы невольно испускали вздох облегчения, когда наконец видели яблочные и сливовые сады Папоротного — границы порядка и изобилия.

Большевики должны были прийти и часами лежать и ждать, точно так же, как кошки караулят свою добычу, всего лишь в нескольких десятках метров от наших изб. Мы были вынуждены отдыхать, не раздеваясь и держа автоматы под рукой. Наши курильщики, какие бы страдания они ни испытывали, еще десять раз думали, прежде чем отправиться на армянские табачные плантации. Однажды днем наш повар отправился накопать картошки на поле, которое граничило с деревьями. Красные лежали в кустах ежевики. Они позволили ему подойти вплотную. Затем последовала очередь, и повар упал, раненный в ногу. Большевики бросились на него и утащили в кусты.

Вместе с двумя солдатами я бросился в погоню. Мы могли слышать крики несчастного раненого, когда похитители тащили его по камням и корням. Красные бросили его в тот момент, когда я уже чуть было не догнал их. Когда я нагнулся над товарищем, он смотрел на меня глазами, полными слез. Из рта у него текла кровь. Прежде чем бросить его, русские нанесли ему десять ударов ножом в грудь. Он задыхался, раны его пульсировали, словно были живыми.

Он боролся со смертью еще полчаса. Нам пришлось накрыть его лицо накомарником, так как мухи жужжали вокруг его окровавленного рта. Сетка колыхнулась в последний раз. Бедняга повторял: «Мама! Мама!» детским голосом, который появляется у человека, когда он умирает.

Мы похоронили его рядом с остальными в верхней части склона. Мы окружили маленькое кладбище прочным деревянным забором, чтобы уберечь от диких зверей в зимнее время. Но гораздо более жестокими, чем лесные твари, были большевики, которые, отрицая правила честной схватки, ползли по земле, словно ассасины, чтобы подстеречь свою жертву и вонзить в нее нож.

Подготовка нового немецкого наступления близилась к завершению. Каждый день, незадолго до наступления темноты, прилетали советские самолеты, обычно по три машины, чтобы осмотреть сектор. Они никогда не задерживались более чем на несколько минут. Одна или две машины загорались и падали, подбитые зенитками, а парашютисты на своих зонтиках танцевали над лесом.

Однажды утром в начале октября у нас над головами пролетели несколько десятков немецких пикировщиков и направились к участку фронта возле Третьякова. Они возвращались раз за разом. Горы загрохотали. Началось осеннее наступление.

8 октября 1942 года ближе к вечеру мы тоже двинулись в путь. В последний раз мы взглянули на долину, где в первых вечерних тенях осталась Кубано-Армянская. Там упокоились наши мертвые за высоким черным забором, вокруг которого зимой в снегу будут шастать по снегу голодные и злые волки. Здесь и там на зеленых горах уже мелькали красные и коричневые флаги — знаки приближения осени, которые в сумерках превратятся в золотые факелы.

Затем настала ночь. Мы молча двигались до утра под покровом могучих дубов, сквозь листву которых светили серебристые дрожащие огоньки миллионов звезд.

Джунгли и горы

В октябре 1942 года началось долгожданное наступление на Кавказе. Однако началось оно в атмосфере всеобщего недоумения.

В августе немецкое Верховное командование вело наступление на этот огромный горный массив по двум направлениям: на юго-восток вдоль реки Терек в направлении нефтяных месторождений Баку; на юго-запад в нашем секторе в направлении Батуми и турецкой границы.

На Тереке разыгралась очень упорная битва, которая не привела к решающим результатам. Немецкие танковые дивизии были остановлены недалеко от Грозного. В октябре они также не сумели продвинуться дальше. Наше наступление на Адлер тоже провалилось.

В октябре перед нами больше не ставилась задача достигнуть Грузии и Транскавказской магистрали. Теперь мы должны были захватить Туапсе, город на Черном море, и взять под контроль нефтепровод, который заканчивался в этом порту. Нефтепровод был не толще детского торса, но за эту черную трубу мы вели бои недели и месяцы.

Единственными нефтяными приисками, которые нам удалось захватить до того, как красные сожгли их, были Майкопские. Эти нефтеносные пласты на самом деле были расположены в Нефтегорске между Майкопом и Туапсе. Скважины были подорваны красными. Но нефть продолжала подниматься на поверхность, покрывая все реки толстым слоем, окрашивая в коричневый цвет растительность. Организационный гений немцев позволил им вернуть скважины в эксплуатацию. Нефть была исключительно хорошей и отлично подходила для переработки в авиабензин. Когда утром 9 октября мы прибыли в Нефтегорск, мы с огромным удивлением увидели, что сумели сделать немецкие инженеры всего за полтора месяца. Были построены новые огромные кирпичные здания.

Нам предстояло завершить работу, захватив нефтепровод, идущий в Туапсе, чтобы можно было перекачивать драгоценное топливо в танкеры, ходящие по Черному морю. Это была наша задача, как солдат. Осеннее наступление должно было стать не только военной, но и

экономической операцией. Это происходило не в первый раз и уж точно не в последний, когда тысячи солдат погибли в боях за нефть.

Шоссе и железнодорожный путь на Туапсе красные обороняли особенно упорно. Они, как и мы, прекрасно понимали всю важность этого нефтепровода. В августе немецкие танки пытались прорвать советские позиции, но не сумели даже поцарапать их. В начале октября 1942 года немецкое Верховное командование бросило штурмовые дивизии, которым мы были приданы, в хорошо спланированное наступление. По лесистой местности, поднимающейся до уровня 1000 метров и более, где не было даже мелких тропинок, тысячи пехотинцев должны были наступать, прорубая себе путь топорами. Постепенно продвигаясь, шаг за шагом, они должны были обойти вражеские позиции и соединиться в тылу у них на дороге в Туапсе в 20, затем в 40 и, наконец, в 50 километрах от Нефтегорска.

Возглавляли наступление наши егерские дивизии, специалисты по операциям в горах. Мы покинули нефтеносный район под проливным дождем. После двух дней марша по болотам мы увидели высокие горы, сверкавшие на солнце.

Деревья, изогнутые самым причудливым образом, перемешались с гигантскими дубами, которые никогда не чувствовали прикосновения топора, и тысячами диких яблонь, которые источали чудесный кислый аромат.

Мы взбирались по склону, где красные устроили огромный лагерь, все еще забитый брошенным имуществом. Сквозь разрывы в тучах мы видели потрясающую панораму — дубовые леса, все еще зеленые, но уже испещренные золотой листвой яблонь, которые не устояли под натиском осени.

Мы мчались вниз по склонам. Лошади проскальзывали на ногах по 10–15 метров. Мы старались удержаться, хватаясь за корни деревьев. На ночь мы расположились в крошечном населенном пункте с шутовским названием Траваллера. Более ста солдат погибли во время атаки этой кучки хижин с соломенными крышами.

Это была последняя деревня. После нее на десятки километров шел лес, дикий, как африканские джунгли.

Главным оружием армии стали топор, пила и лопата. Авангард должен был преследовать противника и гнать его, километр за километром. Сзади сотни саперов строили нечто вроде дороги, прорубаясь сквозь ужасные препятствия по горам. Надежды понемногу улетучивались. Дорога была устлана десятками тысяч бревен, прикрепленных к скальным выступам над заросшими кустами оврагами и укрепленными на сваях. Самые тяжелые тягачи свободно могли пользоваться этой дорогой, что позволяло им добраться к подножию гор.

По мере дальнейшего продвижения использовать машины становилось все сложнее, и мы были вынуждены отказаться от них. Мы заменили тягачи тысячами военнопленных, превратив их в носильщиков. Мы вполне могли поверить, что находимся в тропических джунглях. Каждый человек нес на плечах умело сконструированную деревянную раму, к которой можно было привязать ящик с боеприпасами или мешок с продуктами. Все, включая питьевую воду, приходилось тащить на спине. Колонны носильщиков шли за нами днем и ночью.

Наша дивизия вела за собой множество тяжело нагруженных мулов. Мы, валлоны, сохранили несколько лошадей, но на этих высотах не имелось ни одного горного пастбища. При этом у нас не осталось запасов фуража или ячменя. Так как животным негде было пастись, погонщики кормили их березовыми ветками. Топоры непрерывно стучали по стволам, полностью лишая сотни прекрасных деревьев их ветвей. Животные жадно поедали охапки зеленых веток, но с каждым днем их бока все больше западали.

Пока саперы прорубали нам выход к дороге на Туапсе, тысячи горных егерей и мулов ждали, расположившись в домиках, построенных самими солдатами.

Появлялись настоящие лесные города. Каждый немец мечтает о горном шале. Некоторые из этих маленьких домиков были настоящими образцами вкуса и удобства. Каждый имел свое собственное имя. Самый жалкий не без юмора назвали «Домом германского искусства».

Осень была прекрасной. Обедать мы должны были перед нашими лесными хижинами среди поросших зеленью скал. Мы склотили столы из ели и поставили скамейки. Солнце с трудом пробивалось сквозь листву. Вражеские самолеты напрасно искали наши лагеря. Вечером, далеко в долине, мы могли видеть горящие станции на железнодорожной линии Майкоп — Туапсе. Пылающие поезда стояли в 15 километрах от нас. В бинокль мы могли ясно видеть обгоревшие скелеты и яркие красные угли на месте бывших домов. Наши пикировщики сделали жизнь советских солдат невыносимой.

Пройдя сквозь лес, передовые подразделения и саперы наконец добрались до лесной тропы, которая через 3 километра выходила на знаменитое Черноморское шоссе. Красные яростно отбивались. Мы захватили самые высокие скалы только после жестокой рукопашной схватки. Множество тел, наполовину обгоревших, лежало на обгоревшей земле.

Вся наша дивизия приготовилась нанести последний удар. Мы маршировали по импровизированной дороге. На каждом повороте были установлены маленькие таблички, нарисованные не полными бездарями, предостерегающие об опасности, которая может здесь поджидать! Мулы, груженные ящиками и боеприпасами или кухонными котлами, вполне могли оступить и с адским грохотом лететь вниз, пока не разобьются о скалы в сотне метров под нами.

Мы достигли долины и бревенчатого настила, протянувшегося между двумя холмами. Красные безжалостно уничтожили его неделю назад. Каждый немецкий патруль, который приближался к советским позициям, безжалостно расстреливался.

«Штуки» непрерывно бомбили русские блиндажи. И вот однажды они нанесли такой сильный удар, что мы сумели захватить вражеские траншеи, которые превратились в ужасающий склеп.

В этот вечер я вместе с другим офицером перебрался через огромную гору трупов, накопившихся за последнюю неделю. Они уже начали разлагаться. Я специально пошел, чтобы посмотреть на тела красных, скошенных пулеметным огнем. Они валялись друг на друге неопрятной кучей. Каждый все еще сжимал в полусгнивших пальцах автомат.

В 06.00 я начал фотографировать эту жуткую картину.

Когда я смотрел в видоискатель, то увидел, что один из трупов шевельнулся. Хотя все трупы кишели тысячами отвратительных желтых червей, я все-таки решил выяснить точно, показалось ли мне это. У тела, которое вроде бы дернулось, капюшон был натянут на голову. Я подошел с пистолетом в руке и резко отдернул капюшон. Два глаза, пылающие яростью, уставились на меня. Это был большевистский командир. Он тихо лежал среди трупов со вчерашнего вечера, позволяя червям ползать по себе. Он имел свое персональное желание, которое долго лелеял: еврей, он был полон решимости отомстить за других евреев.

Человеческий фанатизм не имеет пределов.

* * *

Пикировщики совершенно разгромили соединение лесной тропы с дорогой, ведущей к морю. Сотни трупов русских лежали в их лисьих норах. Некоторые почерневшими пальцами сжимали повязки, наложенные слишком поздно. Офицер, раненный в ноги, едва успел снять брюки, как упал мертвым в пулеметное гнездо головой вниз. Его бледные ноги, по которым ползали сотни мелких личинок, торчали из земли.

Три молодых немца, отправленных в патруль в начале операции — это было 10 дней назад, сумели пробраться вниз к речке, несущейся по камням между укреплениями русских. Их тела лежали на камнях, глаза были широко открыты, на лицах пробилась рыжая щетина. Оголившиеся ребра уже пробили их зеленые куртки.

Мы добрались до знаменитого Туапсинского шоссе. Деревни на этом перекрестке больше не существовало, от нее остались лишь несколько огромных кратеров. Под железнодорожной насыпью виднелись маленькие тоннели, предназначенные для стока воды. Красные превратили их в импровизированные госпитали. Раненые, о которых все забыли, уже два дня лежали в этих ледяных коридорах. Они все умерли от недостатка ухода.

Прекрасная река разлилась за дамбой. Я решил было выкупаться в ней, но тут же пробкой вылетел обратно: повсюду плавали высохшие трупы. Вам не удалось бы вымыть руки, не натолкнувшись на один из них.

Мы провели ночь на голой земле среди домов, превращенных в вонючие склепы. Это лучше любой проповеди убеждало в бренности бытия.

Бури и ущелья

В октябре 1942 года нами был захвачен большой кусок дороги между Майкопом и Туапсе, что было важной победой. Нам оставалось пройти всего 20 километров, чтобы добраться до крупного нефтяного порта. Мы приближались к своей цели.

Ночью нам удалось кое-как отдохнуть, но на следующее утро мы покинули шоссе, чтобы начать второй обходной маневр через леса. Мы прошли несколько километров по дну долины, а затем снова вошли в дикий дубовый лес. Шел проливной дождь. Земля, усеянная гниющими трупами, стала особенно вязкой. У нас не было отличного снаряжения альпийских дивизий, ни коротких курток, ни железных кошек. Наши длиннополые шинели уныло волочились по грязи. Мы сами поскользнулись на склизкой земле. Для нас продвижение по этим диким и мокрым джунглям превратилось в сплошные мучения. Люди проваливались в овраги.

Добравшись до вершины горы, мы увидели знаменитый нефтепровод. Он проходил на полдороге вниз по склону от одного холма к другому, отважно перепрыгивая через долину. На противоположном хребте русские построили укрепления. Их окопы спускались с гор в долину. Пока одна наша группа шла вдоль долины, я поднялся к толстой черной трубе, держа в руках автомат. Сев верхом на трубу, я перебрался через ущелье, а в 50 метрах подо мной мелькали всяческие ловушки. Я благополучно добрался до противоположной стены ущелья, и следом за мной потянулась целая цепочка таких же развеселившихся «всадников».

Ближе к вечеру мы сумели взобраться на склон вражеской горы, мимо которой уже прошел передовой патруль немецких горных егерей. Красные были перебиты прямо на позициях, они так и стояли в своих узких окопах.

Мы едва успели поставить свои жалкие палатки на вершине, как на нас обрушился первый из осенних ливней.

Наши палатки были собраны из треугольных кусков брезента с прорезью посередине, которые служили солдатам накидками. Чтобы поставить палатку, требовалось собрать четыре таких полотнища, растянув их на площади примерно два на два метра. Но четыре полотнища означали четыре человека, поэтому нам предстояло вчетвером спать на крошечном пространстве, а также затащить туда все свое снаряжение.

Еще больше осложняло положение то, что палатку днем следовало разобрать, чтобы каждый получил свою накидку.

У нас не было ни соломы, ни сухих листьев, чтобы постелить на землю, вообще ничего, кроме этой самой мокрой земли. Буря бушевала всю ночь. Мы находились на самой вершине горы. Страшный ливень, вдобавок перемешанный со снегом, в любую минуту мог снести наши жалкие укрытия. Хлещущая вода проникала в десятки отверстий, появившихся в брезенте за полтора года службы, и текла по лицам. Вдруг раздались громкие крики. Часть палаток была смята, брезент лип к телу, люди боролись с ним и ругались.

Несколько советских солдат вечером были захвачены на горе. Ночью они были посланы к нам.

Они скорбной толпой собрались вокруг нашего бивуака. Почти все они были зелеными пацанами из Краснодара в возрасте около 16 лет. Их насильно отправили в Туапсе, где они провели четыре дня, чего едва хватило, чтобы научиться стрелять из автомата. Их слишком большие ботинки были настоящим оружием пытки. Большинство из них предпочло сбросить башмаки, и сейчас они босиком топтались по грязи. Так как у нас просто не было никаких помещений, им пришлось мокнуть под дождем. Они прижимались друг к другу, наполовину захлебнувшиеся и измученные.

Когда наступил день, они с неизбывным славянским фатализмом принялись обшаривать трупы своих товарищей, погибших ранее. Примерно через час все трупы оказались раздеты догола. Пленники не только взяли себе гимнастерки и шинели мертвых, но даже их носки и

белье. Когда колонна пленных направилась в тыл, они оставили нам длинные ряды голых трупов, блестящих под сильным дождем.

* * *

Ливень длился три дня. Снег с дождем валил густыми хлопьями. Мы пытались разводить маленькие костры в наших палатках, но дерево также промокло. В результате мы получали клубы едкого дыма, который драл глаза и горло. Весь день и всю ночь ливень хлестал без единой передышки, снося палатки и поливая нашу одежду. Причем у нескольких солдат не было даже таких палаток, и кое-кому приходилось забиваться в какие-то норы.

В первый вечер мы сумели-таки затащить наших лошадей на вершину горы. Нещадно поливаемые холодным дождем, они жалобно смотрели на нас. Вспоминая, что именно происходило в то утро, я вижу, как они падают, мертвые от утомления и страданий.

Трупы русских продолжали гнить. Их животы постепенно становились зелеными, цвета молодой травы. Постоянное присутствие множества голых трупов в конце концов взбесило нас. Пинками мы подкатали их к обрыву и сбросили вниз. Один за другим они летели в ущелье глубиной 500 метров и шлепались на дне в грязную воду.

Наше изнурительное восхождение, дни и ночи, проведенные на исхлестанной ливнями вершине, оказались совершенно бессмысленными. Мы получили приказ отступить к дороге на Туапсе и вернуться в южные леса, но другим путем. Теряя сознание от усталости, мы снова пересекли трубопровод и устроили лагерь в долине.

Шоссе, ведущее к морю, было усеяно сожженными русскими повозками. Повсюду валялись дохлые лошади, раздавленные немецкими танками. От них не осталось ничего, кроме плоских шкур. Артиллерия грохотала непрерывно. Советские самолеты пикировали на нас, сбрасывали бомбы, но чаще всего мазали. Слева от нас текла по огромным серым и красным камням большая река Пшиш. Мы пересекли ее на лодках, привязанных к тросу, протянутому через поток, причем нам пришлось проявить акробатическую ловкость. В результате мы оказались перед большим железнодорожным туннелем.

Туннель имел длину около километра. Красные не только взорвали большой мост, перекинутый через реку перед входом в туннель, но также они устроили внутри большие завалы. Целые поезда громоздились друг на друга. По крайней мере, сотня вагонов забила этот темный коридор.

Пехота могла пробраться через завалы лишь с большим трудом. В течение четверти часа люди шли в полной темноте, стараясь руками нащупывать камни. Затем им пришлось проползти под двумя перевернутыми вагонами, чтобы добраться до другой стены туннеля. А потом все начиналось сначала, причем в непроглядной темноте. Солдатам приходилось перекрикиваться, чтобы определить, кто где находится. Лишь через полчаса мы увидели впереди тусклое свечение. Красные взорвали вход в туннель, пробив дыру в потолке, через которую мы и выбрались, пройдя по этому спуску в ад.

Колонна поднялась на вершину горы, потом снова пустилась по тропе, поспешно проложенной саперами по опушке грязного леса. Животным потребовался целый день, чтобы проделать этот путь, однако они хотя бы не валились в пропасть и не утонули в грязи.

У входа в туннель мы нашли обломки второго моста через Пшиш, и нам пришлось перебираться по ним. Только после этого мы вышли на железнодорожную линию. На ночь пришлось устраиваться снова в огромной луже вонючей грязи.

Однако вскоре мы сочли грязь благословением, так как противник открыл огонь. Снаряды сыпались непрерывно, однако они всего лишь с хлюпаньем уходили в жидкую глину.

На следующий день нам пришлось пересекать долину. Огромный железнодорожный мост висел над пропастью. Артиллерия красных методично обстреливала деревню, через которую нам пришлось пройти, чтобы добраться до очередного дубового леса. Избы вокруг нас взлетали в воздух на 10 метров. Любая попытка пройти дальше была безумием.

Мы прождали до наступления ночи, а потом прошли по заболоченной низине, усеянной трупами, потом поднялись на огромную гору, так как повсюду вокруг была липкая грязь. Мы начали подъем незадолго до полуночи, навьючив на себя все свои пожитки и оружие, как легкое, так и тяжелое.

Склон горы, на который нам пришлось подниматься, был крутым, словно лестница. Земля была скользкой, как наощенный паркет. Мы постоянно падали в своих изношенных башмаках, не подбитых гвоздями. В качестве направляющей пришлось использовать телефонный провод, который не давал сбиться с пути в темноте. В любой момент мы рисковали скатиться на головы русским. Если бы наша нить Ариадны хоть немного ушла в сторону, вся колонна разбилась бы. Наши молодые солдаты были уже наполовину мертвы от усталости. Самым сильным из нас пришлось забрать оружие у самых слабых, чтобы хоть немного помочь им. На шее я нес свой автомат, а еще один повесил на плечо. Нервным шепотом многие произносили такие клятвы, которые могли обречь нас на вечные муки.

Последние несколько сот метров оказались невыносимо трудными. Многие просто падали, не в силах подниматься дальше. Они цеплялись за стволы деревьев, чтобы не скатиться в пропасть. Влажный мрак был настолько густым, что мы не могли видеть ни ног, ни камней, ни упавших людей.

Только в 04.00 мы сумели добраться до вершины. Там мы поспешно устроили пулеметные гнезда, а на самые высокие утесы отправили автоматчиков. Первые серовато-голубые отблески рассвета наконец разогнали темноту. Мы с ужасом смотрели на деревья, мотающиеся на ветру в серых ущельях.

Гора Индюк

Дни шли. Вернулось солнце. Хотя вершины Кавказа были плохим насестом для солдат. Природа не раз демонстрировала свое величие с высоты этих гор, что невольно утешала нас в наших трудах и страданиях. Коричневые и красно-коричневые цвета спускались на километры к белым водам, прыгающим в ущельях по зеленым камням. В 05.00 рассвет касался вершин наших перевалов. Туман на долгое время опускался в извилистые долины. Плотный и молочно-белый, он перетекал с места на место, словно вода в цепочке озер. Над этой белой пеленой горы возвышались, подобно золотым и ржаво-красным островкам. Примерно час мы жили, словно в сказке. Из глубин туманных озер поднимались новые островки, это проявлялись более низкие вершины, подобно легендарным землям, поднявшимся из глубоких вод в незапамятные времена.

С рассветом началась артиллерийская дуэль. Немцы и русские принялись яростно обстреливать друг друга. Наша гора торчала как раз между орудиями, а наши позиции — словно гнездо аиста на крыше.

Ночью мы и советские пехотинцы совершали вылазки. Днем мы сидели тихонько. А затем энергичные артиллеристы возобновляли свою дуэль. Сплошная струя снарядов неслась у нас над головами, а от адской канонады, длившейся часами, можно было оглохнуть. Мы слышали свист снарядов буквально над самыми вершинами деревьев. Очень часто на нас сыпались срезанные ветки.

Мы были отданы на милость любого шального снаряда. В результате наши бедствия начались прямо сразу: один из постов взлетел на воздух. Еще один 120-мм снаряд, совершенно свихнувшийся, шлепнулся в 80 сантиметрах от меня, и я полетел кувырком, сбитый воздушной волной. Когда я опомнился, то обнаружил, что лежу в куче мусора. Вокруг меня все в радиусе 20 метров было разнесено в щепки. Правая сторона моего шлема была

вдавлена и расколота напротив уха. Мой пулемет, лежавший под рукой, разлетелся на мелкие кусочки.

Все думали, что я испарился. Но выяснилось, что я получил осколок в правую руку, у меня лопнула барабанная перепонка и появилась длинная царапина на боку. Последняя оказалась довольно серьезной и надолго отправила меня лечиться.

Через несколько дней немецкие войска подготовили финальное наступление. Мы продвинулись еще дальше на юг вдоль все того же хребта горной цепи. Напротив нас поднималась эффектная гора Индюк высотой 1300 метров, она вздымалась над могучим дубовым лесом, густым, словно кустарник, сквозь который можно было увидеть здесь и там отдельные россыпи серых камней. Пленные уверяли нас, что отсюда можно видеть море.

Когда гора будет захвачена, нам останется только спуститься к пальмам и голубому морю, плещущему о берег возле Туапсе.

Примерно в 1000 метрах ниже наших пулеметов, между нашей горой и горой Индюк, текла река Пшиш. Наш сектор был разрезан надвое ущельем глубиной несколько сот метров, куда спуститься можно было только с огромным трудом. В глубине ущелья по гигантским камням прыгал бешеный поток. Наши позиции находились на другой стороне, хребет горной цепи шел еще несколько километров, а потом резко нырял вниз к реке. Свой передовой пост мы устроили прямо на дне долины в нескольких метрах от ревущей воды.

Согласно плану операции немецкие альпийские стрелки должны были штурмом взять гору Индюк, начав его с южной оконечности нашего сектора. Для начала они собирались захватить советские позиции с тыла под скалой на другой стороне реки Пшиш. Нам, обосновавшимся в орлиных гнездах, оставалось только следить за противником и ожидать новостей.

Мы в мельчайших деталях видели последнюю великую битву за Кавказ.

Прямо на рассвете танец начали «Штуки». Они отважно ныряли в ущелье прямо к золотому морю. Мастерство пилотов было

невероятным. Они никогда не брали ручку на себя даже в самой глубине ущелья, прежде чем не оказывались прямо над вершинами деревьев.

Мы могли видеть, как советские солдаты разбегались в разные стороны по горным тропинкам. Но пилоты не могли видеть больше нас. Дубовый лес напоминал крышу. Невозможно было сказать, где именно красные построили свои блиндажи. Поэтому пикировщики больше пугали, чем уничтожали.

Затем егеря нырнули в кустарник.

Мы могли слышать перестрелку и следить за продвижением наших союзников по белым ракетам, которые регулярно взлетали над деревьями. Это напоминало кино. Продвижение немцев было быстрым. Ракеты взлетали до вершин, а затем постепенно приближались к стенам прохода. Через два часа ракеты, вылетающие из листвы, рвались почти над самой горой Индюк. Мы думали, что вскоре первые солдаты поднимутся по склону. Мы вспомнили крик «Таласса! Таласса!» из «Анабасиса» Ксенофонта. Подобно десяти тысячам древних героев, которых Ксенофонт вывел из глубин Азии, наши солдаты были готовы закричать «Море! Море!»

Увы, закричать это нам так и не пришлось. Движение ракет остановилось. Пулеметы и автоматы постепенно умолкали. Пикировщики перестали работать между двумя горами. Даже артиллерия стала делать долгие перерывы в стрельбе.

Неопределенность затянулась надолго. Несколько зеленых ракет взлетели в небо и рассыпались звездочками, но заметно ниже. Мы слышали еще несколько отдельных очередей, а потом все закончилось. Роты горных егерей не сумели взять этот проклятый лес. Их атака постепенно захлебнулась в чаще.

Наступление провалилось. Вечером гора Индюк показалась нам еще более дикой и гордой, чем ранее, на ней мелькали какие-то фиолетовые огоньки. И она прочно закрывала нам дорогу.

Осень обрушилась на горы, ободрала с них зеленый покров, усыпала землю миллионами опавших листьев, легких и сухих.

Мы смотрели, как умирает лес.

Наши маленькие посты находились на скальных выступах над долиной, склон горы обрывался прямо под ними вертикальной стеной в несколько сот метров. Ночью внизу начали появляться русские

патрули. Мы вывесили сотни стальных тросов, к которым прикрепили пустые консервные банки. Они начинали брнчать, как только кто-то неосторожно касался их. Наши орудия открывали огонь. На следующий день мы могли видеть несколько коричневых кучек у подножья консервной стены.

Немецкие егеря, которых мы сменили, вырыли себе маленькие убежища на глубине около метра, чтобы отдыхать там по очереди. Мы заняли их место. Заползать в эти норы приходилось, вытянув руки по швам, так как они по диаметру равнялись развороту плеч. На дне тебе приходилось сворачиваться в клубок, чтобы залезть в укрытие размером не более гроба.

Но даже таких убежищ было мало. Нам приходилось протискиваться в них по двое и устраиваться там нос к носу. Это было ужасное ощущение, тебе казалось, что тебя похоронили заживо, и требовалась воля, чтобы оставаться там. Поэтому некоторые предпочитали заворачиваться в одеяла и спать под деревьями, несмотря на разрывы снарядов в тумане, настолько силен в них был страх перед этими черными ледяными могилами.

Однажды ночью погода изменилась. Ветер сменился на северный. Шквал тряс вершины могучих дубов и постепенно превратился в ураган. Он затопил наши гробницы-убежища, в которые просочилась вода, поднявшись до уровня земли.

Мы отчаянно пытались осушить эти норы консервными банками, но были вынуждены признать свое поражение.

Склоны гор, по которым хлестали ветер и дождь, лишились листвы буквально за несколько дней. Река Пшиш вздулась и вырвалась в долину несколькими бурными потоками. Она снесла деревянные мосты, лишив нас всякой возможности наладить снабжение, доставку боеприпасов и продовольствия.

Конец

Сильные осенние дожди, господствующие в это время года на Кавказе, положили конец даже мыслям о наступлении.

Нам пришлось закопаться в грязь там, где мы были к концу битвы. У подножья нашей горы вода точно так же выдавила и русских из их убежищ. Мы по ночам могли слышать, как они ругаются.

Солдаты на ощупь выходили в темноту с ведрами в руках, напрасно пытаясь осушить свои норы. По обе стороны линии фронта слышались почти одинаковые ругательства. Немцы кричали: «Проклятье!», русские откликались: «Сатана!», мы чаще всего использовали: «Ради бога!»

Большевикам повезло больше нас, так как зима спасла их. Благодаря ей немецкие войска остановились, когда лишь несколько километров гор и лесов отделяло их от Черного моря и Туапсе.

Эта остановка всего в 10 километрах от победы стала роковой.

Нам не оставалось ничего иного, как постараться закрепиться на голых вершинах, где мы напрасно сражались целых три месяца.

Самой острой проблемой стали убежища. Наши старые лисьи норы были заполнены грязной водой. У нас не было ни топоров, ни пил, вообще никакого саперного снаряжения. Патрули были посланы, чтобы обшарить развалины соседней деревни, надрать там гвоздей и постараться найти топоры.

Наши пехотинцы с помощью штыков вырыли себе норы в нескольких метрах ниже вершины горы, прокопав канавки для стока воды. Потом мы сумели накрыть эти ямы бревнами в три наката, а сверху насыпали метр земли. Эта импровизированная крыша могла выдержать разрыв снаряда, но сквозь нее все равно просачивалась вода.

Внутри этих отшельнических хижин мы сколотили помосты полметра высотой и навалили сверху голых веток в качестве матрасов. Всю ночь вода поднималась в этих норах. К утру она достигала

глубины 20 или 30 сантиметров. Мы использовали ее, чтобы топить наших вшей. В любое время мы могли выгрести целую горсть из-под куртки или из брюк. Мы с облегчением швыряли их в воду, плескавшуюся на полу.

В последние два месяца мы не имели возможности помыться и сменить белье. Паразиты ели нас заживо. Однажды утром я выскочил наружу, разделся и за один заход убил более семисот вшей.

Наши волосистые участки тела буквально кишели ими. Они слипались вместе, словно початки кукурузы. Мы избавлялись от них, вытряхивая свою одежду над кострами. В этом случае мы могли видеть сотни странных белесых вшей, ползающих по рубашкам.

Мы стряхивали их на раскаленный железный лист. Они лопались и разлетались в разные стороны, как фейерверк. Но потом одежда блестела от их высохших выделений.

Разлившаяся речка Пшиш выглядела самой настоящей большой рекой. Однажды ночью она подошла к подножью нашей горы и превратила луг в грязевой залив, совершенно непроходимый. В нем плавали разложившиеся трупы большевиков, которые постепенно уносило течение.

Наши кухни были отрезаны от нас, и так как они стояли внизу, вода затопила их. На следующий день мы могли видеть только верхушки металлических труб и головы лошадей, которые отчаянно боролись за спасение. Мы их вытащили, однако они все равно умерли от голода.

Их вонючие трупы вскоре стали нашей единственной пищей.

С наших баз снабжения ничего не поступало, потому что вода, поднимаясь на два или три метра, снесла мосты, построенные нашими саперами, словно соломинки. В течение недели мы жевали куски грязного мяса, которое мы ножами отрезали от туш дохлых кобыл. Мы отчищали это мясо, как могли, и ели его сырым с солью.

Нам удалось спасти немного муки, что позволило выпечь несколько лепешек с дождевой водой.

Самый крошечный огонек ставил под угрозу весь сектор. На вершине не осталось никакой листвы. Русские бдительно следили за нами. Поэтому даже самая тонкая струйка дыма, поднимающаяся над горой, немедленно притягивала к себе 30 или 40 мин. Кроме того, дым делал невыносимыми условия в наших хижинах. Из глаз сыпались огромные слезы, и мы спешили побыстрее затоптать огонек.

Мокрые, страдающие от голода, лежащие в затопленных землянках, мы становились жертвами самых различных болезней. Каждое утро солдаты, покидающие свои норы, тряслись, как в лихорадке, их лица стали совершенно желтыми. Как только будет наведен новый мост, их придется немедленно эвакуировать, причем количество заболевших просто пугало. В считанные недели с Кавказа были вывезены 12 000 больных.

Желтуха, пневмония и десять других болезней подстерегали каждого из нас, наша численность неотвратимо сокращалась. Мы быстро потеряли половину личного состава.

Тем не менее мы должны были держаться и нести свою ношу страданий до самого конца. Мы проводили томительные часы, следя за противником, обстреливая из пулеметов и автоматов любого русского, который появлялся недалеко от наших постов, расположенных на расстоянии от 50 до 100 метров один от другого.

Каждую ночь наши патрули спускались к норам русских, что было довольно сложно. Тем не менее наши солдаты старались выполнить эти невозможные задания как можно лучше.

Во время одной такой вылазки на рассвете патруль неожиданно натолкнулся на русских. Его встретили огнем, и патруль вернулся без своего командира по фамилии Дюбуа. Он упал недалеко от реки Пшиш. Солдаты решили, что он погиб.

Ночью из россыпи камней, отделявшей нас от противника, мы слышали призыв о помощи на французском языке. Два добровольца спустились в ущелье и притащили назад «мертвеца» Дюбуа.

Честно говоря, он действительно был почти мертвым. Его плечо было пробито пулей во время боя. Поэтому он не сумел подняться

обратно по склону после рассвета. Кроме того, он не хотел терять возможность выполнить приказ и выявить позиции русских, пусть делать это приходилось несколько необычным образом. Он пересек реку, просочился между двумя блиндажами и несколько часов провел, изучая лагерь противника.

Сделал это Дюбуа превосходно. Обнаружив телефонную линию, ведущую на командный пункт русских, он сумел перерезать провод ножом, хотя сделать это было очень трудно, потому что у него не действовала одна рука.

Озадаченные русские отправили телефонистов проверить линию. Они выследили Дюбуа, и тому пришлось снова нырять в реку под интенсивным огнем. Он получил еще несколько ран. Разрывная пуля вырвала из ноги кусок мяса размером с грейпфрут. Он кое-как заполз в кусты и наложил себе жгут. Затем, когда наступила ночь, он пополз к нашим скалам, которые находились над ним на высоте 900 метров. Дюбуа сумел проделать половину пути, поддерживаемый только неукротимой волей к жизни.

Его притащили почти совершенно обескровленным. Медикам пришлось тащить его по противоположному склону горы, снова через грязь и мрак.

Перед тем как лечь на операционный стол, он попросил карандаш и бумагу. В течение 20 минут он набросал карту советских позиций, время от времени делая глоток коньяка для подкрепления сил, и отдал карту немецкому полковнику, командовавшему сектором. Только после этого он с чистой совестью отдал себя в руки хирурга.

Он был всего лишь младшим офицером, одним из многих. Но наши парни держали свою клятву. Они знали, что за это можно отдать и жизнь.

Только вера в идеалы могла поддерживать наших товарищей, превратившихся в настоящие ходячие скелеты.

На своем ледяном пике мы жили в атмосфере сумасшествия. Несколько сотен русских трупов гнили и гримасничали совсем недалеко от нас.

Однажды ночью в октябре русские все-таки попытались отбить вершину. В 23.00 они поднялись почти к самой вершине горы. Они думали, что их никто не слышит, но все наши пулеметчики уже стояли на своих местах. Когда большевики оказались в нескольких метрах от стволов, пулеметы затрещали. Советский батальон был выкошен начисто.

Красные были захвачены врасплох, их солдаты судорожно цеплялись за корни растений в самом конце подъема. Так они и умирали — впившись пальцами в землю. Некоторые покатались обратно по камням. Другие все-таки сумели пробежать еще несколько метров и умерли уже на плато. Но самыми ужасными были трупы, повисшие на ветвях дубов.

Добраться до них было невозможно, не попав под пулеметы и минометы красных, которые в свою очередь следили за малейшим шевелением на нашем голом склоне.

В течение нескольких недель мы были вынуждены следить за медленным разложением трупов, происходившим прямо у нас на глазах. Наконец у них начали отваливаться головы, они падали вниз одна за другой и оставались на камнях. Над плечами не оставалось ничего, кроме нескольких отбеленных шейных позвонков.

* * *

В 15.30 тени уже вытянулись до нашей горы. К 16.00 окончательно стемнело. Нам пришлось прятаться в свои убежища, полные воды, растянуться на нарах, застланных ветками, и отдаться на волю сотен паразитов. К 23.00 мы больше не могли выносить это. Дрожа, мы начинали ждать, когда первые лучи солнца пробьют предрассветный сумрак.

Противник становился все более настойчивым. Американцы только что высадились в Алжире и Марокко. Большевики не верили янки до этой неожиданности. Падение Северной Африки изменило все.

Раньше к нам приходили многочисленные пленные и сдавались. Часто, для того чтобы добраться до нас, эти несчастные бросили наугад по ночам и подрывались на наших минах. Охваченные паникой,

уцелевшие мчались назад к своим позициям, где их немедленно расстреливали. Через день после высадки американцев в Рабате и Алжире русские перестали приходить. Они восстановили утерянную уверенность.

Нам приходилось вести наблюдение постоянно. Наши наблюдатели сменялись каждые два часа. Но облегчение было мнимым. Мы падали в свои норы, переполненные водой. Люди могли полностью погрузиться в нее. Нам приходилось вытаскивать их оттуда, промокших до нитки. Некоторые начинали плакать, словно дети.

Но больше всего нас ужасали трупы русских, лежавшие между нашими постами. Внутри у них все сгнило, и они стали жидкими. Нащупывая путь в темноте, мы могли натолкнуться на эти бурдюки с жидкостью, иногда вся нога уходила ему в брюхо. После этого нас охватывало отчаяние, так как нам приходилось чиститься от остатков разложения человеческого тела, которые липли к коже и вызывали рвоту.

Мы дошли до предела. До предела!
Предела физической выносливости.
Предела духовных сил.

Мы боролись только потому, что нас удерживала солдатская честь. Добровольцы, мы хотели остаться до конца, пусть он будет горьким, до последнего удара наших измученных сердец.

Мы больше ни на что не надеялись.

Однажды утром, прочитав приказы, мы уставились пустыми глазами на параграф, в котором было указано время и условия нашей замены.

Нам потребовалось много времени, чтобы осознать это. Тем не менее это была правда. Валлонский легион должен был вернуться в Бельгию. Это означало трехнедельный отпуск дома и новое пополнение из нескольких тысяч бельгийских добровольцев.

Мы двинулись назад по длинному и грязному горному склону, по которому мы однажды в октябре поднялись с таким трудом. Что стало с нашими несчастными товарищами, которые той самой ночью приложили столько сил, чтобы попасть на самую вершину? От нашего легиона, уже поредевшего в первую зиму на Донце и полностью восстановившегося к июню 1942 года перед большим наступлением на

юге, остались ровным счетом 187 человек. Именно столько перешли по хрупкому деревянному мосту реку Пшиш.

Мы медленно двигались обратно к вершине, где перенесли так много. Высоко над нами реяло золотое знамя на ветвях нескольких деревьев, которые еще не сдались зиме. Подобно им, наши идеалы, выстраданные и гордые, все еще упрямо реяли во враждебном небе.

Глава 5

Окопы на Днепре

Декабрьским вечером 1942 года наш поезд, набитый солдатами-отпускниками, пересек реку Кубань. Мы могли видеть, как немецкие саперы сооружали огромный стальной мост над зелеными водами, колоссальный мост с двумя полосами движения.

И это в то время, когда фронт уже откровенно трещал к северу и северо-западу от Сталинграда!

Немцы, методичные как всегда, не позволяли себе ни малейших сомнений и продолжали укладывать массивные стальные балки на опоры, чтобы заменить временные деревянные мосты, торопливо построенные в период августовских побед.

С такой же безмятежностью они продолжали собирать в Майкопе и Краснодаре огромные запасы валяных сапог, теплой одежды, лыжи, сигареты и шоколад. И ведь буквально через месяц все это разлетится в стороны, когда склады будут подорваны зарядами динамита.

Немцы слушали только немецкое радио. Мы оказались более благоразумными и потому узнали, что русские наступают с востока и намерены отрезать войска на Кавказе, выйдя к Ростову. Мы понимали, что они уже близко.

Район пока оставался достаточно спокойным, лишь редкие часовые торчали на дорогах вдоль заливчиков, покрытых бледно-зеленым льдом. Мы ничего не слышали. Мы ничего не видели. Только случайные вороны вопили в затянутом тучами небе.

Утром мы прибыли к мостам возле Ростова. От подвижек льда их прикрывали огромные волнорезы.

После объединения Украины с Европой вся эта земля превратилась в огромную строительную площадку. Где год назад мы могли видеть лишь железнодорожные линии, изъеденные ржавчиной, ведь Советы абсолютно все бросают на произвол судьбы, и остовы зданий, сожженных русскими, теперь стояли современные станции с

пятнадцатью или двадцатью путями, многочисленные новые дома из кирпича и бетона.

Удивленные, мы таращились в окно автомобиля. Повсюду стояли сотни щитов с названиями крупнейших немецких фирм, указывая, что эти заводы и склады принадлежат гордым победителям в этой промышленной войне.

Мы, солдаты, захватили пустынные земли, где Советы уничтожили и сожгли буквально все перед тем, как отойти на восток. Немецкой промышленности потребовались всего четырнадцать месяцев, чтобы отстроить все заново, установить порядок и построить все это буквально с нуля.

На Днепре происходило то же самое, что и в Донецком бассейне. Двухэтажный мост, один уровень для поездов, второй — для автомобилей, был построен всего за несколько месяцев через эту величественную реку, имевшую ширину более километра. Насколько видел глаз, город искрился огнями: по ночам всюду светились огнями заводы и фабрики. Бесконечная черная река струилась к морю, поблескивая сотнями отраженных огоньков, которые мерцали подобно колдовским блуждающим огням.

Снег покрывал бескрайние украинские поля, где иногда видны были желтые рощицы, и только синие и зеленые узорчатые занавески на окнах белых изб оживляли картину. Но теперь повсюду строились новые станции, склады, огромные сахарные фабрики. Мы привезли сюда сотни сельскохозяйственных машин, красных и зеленых, красивых, как елочные игрушки. За один год Германия превратила Россию в самую богатую колонию в мире.

Потрясающая работа!

Но и потрясающий самообман. Рейх слишком рано начал устанавливать мирный европейский порядок там, где все еще царил закон джунглей, ненависть и эгоизм, и потому следовало действовать исключительно по законам военного времени, законам убийства и уничтожения.

В 1943 году война, можно сказать, тащилась. Были призваны новые отважные души. В 1941 году мы отправились в Крестовый поход на восток, потому что этого требовала наша совесть. В 1943 году причины остались теми же самыми, поэтому мы готовы были и дальше нести жертвы. Каковы бы ни были риск и мучения в ходе этой борьбы, боль разлуки, нехватка взаимопонимания, которые нас часто окружали, мы твердо намеревались и дальше исполнять свой долг.

Жизнь только можно считать оправданной, если ее украшают благородные деяния.

Всем хотелось участвовать в эпической борьбе. В конце января 1943 года наш легион второй раз собрался в брюссельском Спортпаласе для вторичной отправки на Восточный фронт. Десятки тысяч бельгийцев пришли приветствовать наших солдат. А затем поезд понес нас в Россию.

Тем не менее нас не отправили немедленно на фронт. Нам все еще не хватало некоторых наших подразделений, которые в последние месяцы помогали немецким частям, отступающим с Кавказа. От Майкопа они отошли до устья Кубани, на полуостров Перекоп и, в конце концов, в Крым. Потом направились через Симферополь и Херсон на Днепр и лишь потом присоединились к нам на польской границе, завершив длинное круговое путешествие продолжительностью четыре месяца.

Наши тяжелые битвы в 1941 и 1942 годах ничуть не испугали нашу молодежь, наоборот, они привлекли массу новых добровольцев. Почти 2000 молодых бельгийцев проходили подготовку. Нашей первой задачей было создать спаянное соединение. Большинство новобранцев были шахтерами. Некоторые были разочарованы своей тяжелой работой в шахтах. Многих привлекала наша идея социальной справедливости и мечты о честности и достоинстве. Несколько бывших офицеров и солдат бельгийской армии, находившиеся в лагерях военнопленных, также попросили зачислить их. К нам прибыло несколько сотен бывших военных, все еще одетых в старые мундиры, в которых они пытались остановить немецкое наступление в мае 1940 года.

Вот так две армии заключили братское соглашение, причем одна пыталась героически отстоять целостность нашей страны в 1940 году, но позднее, забыв старые дурные воспоминания, с августа 1941 года

старалась помочь спасти самое важное: Европу, которая стала единой родиной для всех нас.

Бывшие рабочие составляли три четверти личного состава нашего легиона. Впрочем, в него вступили и молодые люди из аристократических семей и выходцы из бельгийской буржуазии, золотые медалисты иезуитских колледжей, сыновья известных дипломатов, юристы, гражданские служащие, бизнесмены.

Нас объединяла общая цель: достойно представить свою нацию среди тех двадцати народов, которые присоединились к общей борьбе. Мы должны были добровольно исполнить свой долг европейцев, сражаясь против смертельного врага Европы. Мы должны были завоевать для нашей Родины голос в европейском сообществе, которое родится в результате войны. Наконец, мы должны были подготовить отборные войска, которые смогут гарантировать социальную справедливость, когда мы вернемся домой после окончания военных действий.

Вот за эти идеи мы были готовы отдать свои жизни.

Такие заявления не были пустой риторикой. Из 6000 бельгийских добровольцев, которые вступили в Валлонский легион с осени 1941-го по весну 1945 года, 2500 погибли как герои. 83 процента наших солдат получили одну и более ран в ходе этой грандиозной борьбы. Из первых 800 добровольцев только трое дожили до конца войны: простой солдат, молодой офицер, ставший капитаном, раненный три раза, и автор этих строк, который получил пять ранений.

Возвращение на Днепр

К ноябрю 1943 года наш легион, который теперь стал штурмовой бригадой «Валлония», сильным соединением в составе Ваффен СС, имел 2000 солдат и 354 единицы машин и бронетехники.

Наши колонны шли вдоль рек, окруженных ивами и желтеющими тополями, затем пересекли уже лишившиеся листвы леса Силезии. В 1943 году этот промышленный район еще был совершенно цел. Угольные шахты и заводы синтетического бензина работали полным ходом. Деревни в маленьких долинах выглядели чистенькими и мирными.

Но в Южной Европе уже раздавались раскаты отдаленного грома, предвестники великих бурь. В августе 1943 года англо-американские войска пересекли Средиземное море, в чем им, несомненно, помогли двуличная политика и предательство итальянцев. Сицилия была захвачена этим штормом. Затем союзники вторглись на континент: в Калабрию и Неаполь одновременно. Союзников уже нигде не удавалось остановить: ни в Мессинском проливе, ни в Сиракузах, ни под пальмами Туниса.

Крупномасштабные высадки, которые поддерживали тысячи самолетов, проводились стремительно и успешно. Это было очевидно. Разве может такая операция, когда ее повторят на берегах Атлантики, завершиться неудачей, если на Средиземном море она везде приносила успех?

Второе испытание наших сил имело место на Украинском фронте, к которому сейчас катили наши триста грузовиков.

До лета 1943 года мы верили в то, что Германия еще воспрянет на Восточном фронте. Сталинград, конечно же, был болезненным ударом. Но немцы перейдут в контрнаступление, как это произошло в 1942 году.

Контрнаступление началось. Германия бросила все наличные силы в направлении Воронежа на Дону. Штурм провалился после

жестокой битвы, в которой были уничтожены несколько тысяч танков. Русские, используя свое преимущество, сначала отбросили немцев к Харькову, а потом захватили город.

Это был более серьезный удар, чем Сталинград, хотя менее эффектный. Мы больше не могли списывать происходящее на случайности. Кто на войне не сталкивался с неприятными случайностями? Но теперь это повторялось раз за разом. Мы больше не могли даже остановить советский паровой каток, не говоря уже о том, чтобы отодвинуть его назад. От Харькова наши войска в России были отброшены к Днепру, пересекли его, откатились до Киева и Днепропетровска.

Но в любом случае наше соединение, укомплектованное добровольцами, вступило в бой. Мы были полны решимости сражаться против большевиков до последнего мгновения. Мы знали, что каждый наш удар принесет результат.

Более того, на войне, пока не потеряно все, не потеряно ничего. У Германии еще имелся большой резерв безопасности, от Минска до Бордо, от Афин до Нарвика. Она еще располагала огромными материальными ресурсами, ее изобретательные инженеры создавали блестящие и ужасные образцы вооружения, которые удивляли противника и придавали уверенность войскам. Многочисленные колонны отборных войск присоединились к нам, особенно знаменитые дивизии «Адольф Гитлер» и «Мертвая голова». Эти элитные солдаты, проезжая мимо нас, кричали: «За один месяц мы вернем Киев!»

Наши поезда катили по югу Польши под бледно-голубым чистым небом. Женщины в темной одежде и зеленых шляпах покинули свои маленькие глинобитные хижины и шли по грязным тропинкам в раскрашенные деревянные церкви.

Мы вдыхали ледяной аромат почвы.

На следующий день на рассвете мы ненадолго остановились в Лемберге, где получили огромное количество зимнего обмундирования: теплое белье, валяные сапоги, белые маскхалаты, шерстяные башлыки.

Под грузом этих одеяний мы чувствовали себя неуклюжими, плохо соображая, как упаковать все это имущество. Однако мы помнили ужасную зиму 1941 года на Донце, когда наши жиденькие мундиры насквозь пронизывал ледяной северный ветер. На этот раз командование приняло необходимые меры предосторожности. И все-таки мы получили многовато всяческого добра, поэтому умные головы уже спрашивали себя: как именно они будут хранить такое огромное количество багажа, когда настанет пора пеших маршей и грузовики не смогут сопровождать нас.

Но в общем наши солдаты испытывали детскую радость при виде теплой одежды. Вскоре каждая багажная повозка была набита дарами Санта-Клауса.

Мы пересекли Галицию, которую уже поливали осенние дожди. Затем длинные поезда повернули на юг. Далеко на западе синели горы. Огромная мутная река, на берегах которой росли камышовые дебри, проскользнула под мостом. Мы пересекли Днестр и попали в Бессарабию.

С этого момента мы двигались по дорогам, забитым настолько, что нам требовалось от 15 до 20 дней, чтобы попасть из Лемберга на фронт. Массы солдат, возвращавшихся из отпусков, совсем не рвались поскорее попасть на фронт и искали возможность оттянуть неизбежное. В направлении Одессы во множестве неслись спальные вагоны и вагоны-рестораны. Со станционных платформ, куда мы выбирались, чтобы размять кости во время остановок на 40 и даже 50 часов, мы могли видеть ярко освещенные роскошные вагоны.

Но в целом движение было почти парализовано.

Бармены проскакивали без задержки, а вот армия либо не двигалась вообще, либо шла совсем крошечными шажками. Наши поезда застряли в Румынии на однопутной линии.

Постепенно мы уверились, что направляемся в Крым.

Крымский полуостров уже был отрезан от материка советским наступлением, но немецкие подкрепления отправлялись из Одессы морем. Поэтому мы совершенно не удивились, когда однажды утром увидели красные стены старой крепости в Тирасполе, расположенные на высоком правом берегу Днестра.

С другого берега реки мы видели однообразные избы, колодцы с длинными черными журавлями, миллионы стеблей подсолнухов, серых и обезглавленных, что было верным признаком приближения зимы.

Но поезд останавливался на мрачных станциях, совершенно очевидно повернув на восток. Поход в Крым завершился. В течение двух дней мы непрерывно катили вверх. Северо-восток, северо-восток, северо-восток. Огромные украинские станции, занесенные снегом, пролетали мимо. Счастливые женщины, выглядевшие сильными и полными в стеганых одеждах, жевали подсолнечные семечки и плевали шелухой, как если бы они работали грузчиками в грузовых доках.

Мы подъезжали все ближе и ближе к Днепру, но далеко к северу от Днепропетровска. Мы уже могли слышать отдаленную артиллерийскую канонаду.

Наконец вечером мы заметили яркие отблески пламени справа от себя и такие же яркие отблески слева.

Поезд двигался вперед еще несколько часов, втискиваясь между этими фейерверками. Мы все глубже и глубже лезли в какое-то бутылочное горлышко. Советские самолеты обстреливали дорогу. Перед нами появились горящие здания. Это была Корсунь.

Мы высадились там посреди ночи.

Ольшанка

Нам предстояло занять позиции примерно в 30 километрах восточнее Корсуни.

Нашим 354 машинам потребовались три дня, чтобы проделать последний отрезок путешествия, на который обычно уходили два часа.

Чудовищная река грязи, этой ужасной русской грязи, густой, как смола, залила все дороги. Ее глубина доходила местами до полуметра.

Наши новые водители были вынуждены вести машины по этой липкой массе, они нещадно вырубали вишневые сады, чтобы проложить новый путь. Буквально перед самым лесом мы влетели в огромное болото. Там пришлось двигаться по гати, сколоченной из тысяч бревен. Мы тряслись, как в лихорадке.

Тропа, которая пересекала сосновый лес, тоже была устлана бревнами, но не из-за грязи, а из-за мелкого песка, в котором любая машина немедленно утонула бы до самого мотора.

Большевики прекрасно знали сложности этого маршрута. Поэтому лес буквально кишел партизанами, которые по ночам весьма умело ставили мины. Утром на них взрывались две или три машины. Это была стандартная ежедневная плата.

Через каждые 500 метров были построены огромные бревенчатые бастионы, похожие на африканские форты. Там жили ремонтные команды, укрываясь за внушительными стенами.

Восточнее сосновый лес выходил на Днепровскую равнину.

В Белозерье, большой деревне, растянувшейся на несколько километров, располагался штаб переформированной дивизии СС «Викинг». Нам предстояло сражаться вместе с ней до лета 1944 года.

Прекрасно вооруженная, полностью моторизованная, укомплектованная тысячами молодых мужчин, крепких, как лесорубы, дивизия «Викинг» получила задачу оборонять Днепр, уже обойденный с северо-востока и с юга дивизиями Сталина.

Советские войска выбросили парашютные десанты на правый берег в районе Белозерья, как раз когда отступающие немецкие дивизии отходили на левый берег и толпились у моста, ожидая своей очереди переправляться.

Вражеских парашютистов сразу обнаружили. Многие были уничтожены в последовавших схватках, уцелевшие были отогнаны в большой лес возле Черкасс. Там они связались с многочисленными партизанами.

Зона, которую нам выделили, располагалась южнее сектора дивизии «Викинг» и граничила с западной опушкой леса. Парашютисты и украинские партизаны несколько недель действовали в этом лесистом районе на правом берегу Днепра. Они установили связь с главными силами Красной Армии, которая форсировала реку ниже по течению.

Лес с запада выходил на реку Ольшанка, которая имела ширину от 15 до 20 метров. Река текла с юга и проходила рядом с деревней Староселье, потом ненадолго поворачивала на северо-запад, затем снова поворачивала к деревне и текла на восток. Она проходила через деревню Байбузы, стоящую на холме на левом берегу. На другом берегу реки на самой опушке леса находилась занятая противником деревенька Закревка.

Ольшанка вертелась и крутилась между утесами. Через 5 или 6 километров она подходила к четвертой деревне — Мошны. Затем Ольшанка окончательно скрывалась в лесу. Она становилась шире, и здесь через нее был перекинут бревенчатый мост. Каждая изба имела рыбные ловушки, сети и другие рыбацкие снасти. Деревню украшала великолепная церковь с внушительным куполом.

От Мошны Ольшанка снова поворачивала на восток. И уже в самом конце ковыльной степи под хмурым ноябрьским небом раскинулся город Лозовок. Высокие белые дюны возвышались над рекой, впадающей в Днепр, между островами золотого песка и черными елями.

Такова была местность, на которой впоследствии разыгрались жестокие бои.

Прежде всего нам нужно было занять населенные пункты Мошны и Байбузы.

Значительная часть сил нашей бригады отправилась в Мошны, к тамошним рыбакам и обгорелому мосту.

В качестве командира 3-й роты я должен был оборонять Байбузы. Рота почти целиком состояла из горячих голов из организации «Молодые рексисты», которые прошли тщательную подготовку, чтобы впоследствии занять руководящие должности. Эти парни 16 и 17 лет были людьми кристальной чистоты и идеализма.

Я прибыл вместе с ними в Байбузы. Две длинные линии изб стояли на вершине холма. Ниже этих крытых соломой домишек местность начинала плавно понижаться в сторону Ольшанки. Загадочный лес внимательно следил за нами.

Русские хорошо укрепились на опушке, или, по крайней мере, так казалось, потому что они ничем не выдавали своего присутствия. Мы расставили свои минометы, пушки, зенитки и противотанковые орудия. Пехота заняла позиции.

Деревня была спокойной. Лес был спокойным. Среди серых подсолнухов не было видно ни одной спины ползущего человека. Я устроил командный пункт в первой избе с юго-запада.

В 20.00 в темноте грохнул одиночный пушечный выстрел.

А через пять минут мой командный пункт, изрешеченный зажигательными пулями, вспыхнул словно факел, его золотое пламя разбрасывало мириады искр.

Он осветил весь холм.

Тем не менее после взрыва мы не слышали ничего, хотя несколько коричневых фигур проползли мимо, когда пробирались обратно к берегу реки. Внизу, в густом кустарнике, горящие глаза следили за пожаром.

Бой между нами и лесом начался.

Молчаливый лес

Мы обосновались на новом участке Украинского фронта 21 ноября 1943 года. Через несколько дней, чтобы испытать своих новобранцев и получше узнать местность, я с первыми проблесками дня переправился на советскую сторону.

Деревянный мост Байбузы — Закревка еще стоял, эту хрупкую деревянную конструкцию должны были взорвать и русские, и мы, но и русские, и мы на всякий случай сохранили ее.

Мы повернули на юг. Группой около десяти человек мы пересекли поле стеблей подсолнуха и вышли к реке Ольшанка. Вода была ледяной и доходила нам до пояса. Я разместил на другом берегу реки пулемет, чтобы прикрыть отход. Затем мы долго ползли через болото, прежде чем добрались до леса.

Высокие ели молчали, на золотом песке не было видно ни единого следа. На полянке мы нашли стадо и двух пастухов. Это было все.

Чтобы вернуть большевикам поздравления, которыми нас встретили в первый же день, мы на обратном пути подожгли три стога, стоявшие недалеко от вражеских позиций.

Вернулись мы с пустыми руками. Лес хранил свои секреты.

Когда мы закончили сооружение траншей и брустверов на восточной и юго-восточной окраинах деревни Байбузы, командир корпуса, как и следовало ожидать, отдал приказ сменить позиции и передвинуться вперед, на правый берег Ольшанки.

Теперь нашим войскам предстояло построить лагерь в чистом поле. Но хуже того, приближалась зима. Наверху, в Байбузы, мы были вынуждены искать укрытие в жалких хижинах, построенных на совершенно голой местности, на глиняных стенах которых выступала вонючая вода. Но, по крайней мере, у нас была крыша над головой и два крошечных окна. Внизу была пустынная грязная равнина или мокрый песок на открытом речном берегу.

Мы расположили свои огневые точки на обрывах или возле маленького мостика у Закревки. В 200 метрах от Ольшанки стоял большой холм, увенчанный березовой рощей. Мы сделали его осью

нашей обороны. Под покровом ночи мы перетащили туда зенитки. Холм теперь окружала сеть траншей, прикрытых колочей проволокой.

Через две недели нашей бригаде приказали расширить свой участок еще дальше на юг до деревни Староселье. Новый сектор уходил в степь до деревни Ирдынь, находившейся в руках красных. Между этим населенным пунктом и нашими бункерами находилось широкое раскисшее поле. В этой трясине торчали кусты орешника и ежевики, камыши.

Шел снег. Кое-где в заснеженной степи виднелись заячьи следы. Закаты были зловеще красными.

Для наших парней наступило трудное время. Часто, когда патрули отправлялись в дорогу, тонкий лед обламывался под ногами. У нас участились случаи обморожения ног.

Но все эти помехи ничуть не повлияли на наш моральный дух, который оставался по-прежнему высоким. Когда требовалось отобрать 6 человек для патруля, каждый из моих 80 парней приводил себя в порядок, надеясь, что теперь-то настанет его черед.

На другом фланге нашего участка в Мошны парни старательно окапывались.

По крутому берегу реки бежала тропинка. В расположении противника среди лиловых и пурпурных деревьев можно было различить развалины монастыря. Наши люди копали и улучшали траншеи, пока патрули осматривали правый берег, все еще утыканный кукурузными стеблями.

Русские появлялись по вечерам, осторожно нащупывая дорогу.

Наши солдаты в темноте тоже переправлялись на другой берег реки.

Поля, покрытые липкой черной грязью и присыпанные первым снежком, были усеяны минами. По ночам мы могли ждать взрывов. Вспышка, грохот, крики, и те, кто выжил, возвращались назад, истекая кровью.

Один из таких, маленький шахтер из Шарлеруа, которому исполнилось всего 17 лет, стройный, как девушка, потерял обе ноги и руку, оторванные в ходе такой вылазки.

Около месяца он провалялся в полевом госпитале в Корсуни. Он худел буквально на глазах, но все-таки улыбался при каждом нашем посещении. Его немного утешило награждение Железным Крестом.

Он так и умер, держа в руках орденскую ленточку, словно гладил райскую птицу.

Лес оставался таким же загадочным, как и прежде.

Тем не менее каждую ночь люди проскальзывали мимо наших постов, ловкие, как леопарды. Мы могли слышать в темноте приглушенные голоса, которым издали отвечали их товарищи. Мы понимали, что это сигналы, мы чувствовали их присутствие. Иногда наши часовые стреляли. Но утром мы не находили ни следов крови, ни отпечатков ног.

Нам очень хотелось увеличить численность патрулей. Я сам ходил с ними и проводил ночные часы, скорчившись в траншее вместе с одним из часовых. Но мы ничего не видели. Это просто повергало нас в отчаяние, так как каждое утро у нас в тылу на минах подрывались все новые грузовики.

С наступлением темноты деревня оживала. Подавались какие-то сигналы. Они прятали партизан. Красные бесшумно скользили в темноте в своих кожаных сандалиях. Они знали каждый сантиметр территории. Они были неуловимы.

За целый месяц ни мы, ни дивизия «Викинг» не захватили ни единого пленного.

Кровь в кустах

Любой ценой нам требовалось узнать, что же происходит в этом бело-фиолетовом лесу.

Кое-что нашептали крестьяне. От них мы узнали, что около десяти тысяч человек скрываются в лесном массиве около Черкасс.

Но где?

Они получают оружие. Мы видели со своих передовых постов, что красные строят многочисленные блиндажи и подтягивают противотанковые орудия, часто переставляя их с места на место.

Но мы видели только первые сотни метров. Что происходит дальше, под покровом сосен и мощных дубов, тянувшихся до Днепра на восток и Черкасс на юго-западе?

Каждая изба представляла собой загадку.

Наши соседи были дружелюбны, как и все крестьяне на Украине. Они проклинали коммунизм, который поработил их, разрушил их жизнь, уничтожил церкви. Но иногда они бестактно ругали немецкую администрацию. У некоторых семей либо отец, либо сын скрывались в лесных логовищах неподалеку.

Я тщательно проверил все и понял, что моя деревня Байбузы счастлива, несмотря на войну. Валлоны дружелюбны по натуре. Они быстро сходились со своими хозяевами, становились друзьями и дарили им маленькие подарки.

Я начал снова проводить церковные службы. Чудесный священник вернулся из леса, где он скрывался 23 года, и служил по воскресеньям с рассвета до полудня, одетый в пурпур и золото. Вся деревня собиралась на церемонию, отбивая сотни поклонов, сотни раз целуя землю, целыми часами вторя монотонным и чувствительным молитвам, которые надрывали вам сердце. Десятки икон сияли при свечах своими медными и серебряными окладами. Желтобородый священник крестил детей, родившихся на этой неделе. Он непрерывно давал детям целовать иконы, одну за другой. Затем он торжественно проносил каждого малыша по церкви, поддерживая их головки. Он держал их на вытянутых руках, так чтобы вся деревня могла видеть ребенка и порадоваться появлению нового прихожанина. Наконец он

возвращал измученного малыша худым матерям, которые были одеты бедно, как и все жители Байбузы, но все-таки не скрывали своей гордости.

Вне зависимости от того, был ночью бой или нет, я регулярно посещал православную службу утром в воскресенье вместе со старыми крестьянами, носившими окладистые бороды, дородными мамашами и вшивыми ребятишками. После нескольких часов православной молитвы наш капеллан начинал католическую мессу. Ни один из украинцев не покидал церковь. Эти люди соскучились по религиозным службам, они искренне преклоняли колени и продолжали молиться.

Помогая старому хозяину моей избы, который потерял ногу во время прошлой войны, я возвращался на свой командный пункт, весь покрытый насекомыми. Однако меня потрясала восхитительная простота манер и вера этих крестьян.

Тем не менее из этих же маленьких домиков каждую ночь крик совы сообщал что-то важное партизанам.

Мы не могли злиться на наших крестьян за их отеческие чувства, но бдительно следили за ними.

Их наивная простота в конце концов преодолевала наши западные комплексы. Они любили своих соотечественников, которые стреляли в нас с опушки леса. Но точно так же они питали привязанность к нам, так как мы жили в их деревне под их крышами, привязанность такую же простую и сильную.

По вечерам я накидывал свой белый халат, надевал патронташ на казацкий манер, когда наша мамаша стояла на коленях перед иконами. На рассвете, когда я возвращался из патруля, старики уже ждали меня. Я опускал свое оружие, заиндевевшее на холоде. Я не погиб! Бедные люди, ласковые и добрые, которые каждый раз молились за нас, приняв нас в своих домах, как сыновей, в то время как их собственные дети подкарауливали нас в лесу.

Мы получили приказ прочесать лес. От нас требовалось найти врага и захватить пленных.

Дважды взвод моей роты пересекал реку Ольшанка. Я отправлял по 50 человек. К рассвету они доходили до лесистых холмов за Закревкой.

Лес был просто серией возвышенностей, на которых нельзя было устроить боевые позиции. Теперь наши солдаты могли заявить, что действительно контролируют район. Новые вершины, покрытые кустами, возвышались над нами, с них противник мог уничтожить нашу роту в считанные минуты. Люди углубились на два километра в лес. Они обнаружили тропы, следы повозок и отпечатки сапог. Но не прозвучал ни один пистолетный выстрел. Противник спрятался, притворившись мертвым, или ушел под землю. Наша экспедиция обнаружила только двух трусов, которые сразу бросились наутек, скинув полушубки, чтобы бежать быстрее.

Это была единственная добыча, которую мои парни притащили назад.

1-я рота также получила приказ прочесать местность. В 04.00 пятнадцать добровольцев под командой молодого офицера с пылким темпераментом молча вошли в ледяную воду Ольшанки и исчезли в темноте.

Они добрались до старого монастыря. В этот момент они прошли первые советские посты, но ни одно предупреждение не прозвучало в ночи.

Первые отблески света тронули ветки. Сизый рассвет поднимался над Днепром. Лейтенант и его 15 подчиненных продолжали идти вперед.

Они услышали рев скота, увидели следы. Осторожно пробираясь от куста к кусту, они добрались до вершины холма. Всего в нескольких метрах от них стояли двое советских часовых! Долгожданные пленники были в их распоряжении!

В мгновение ока они бросились на часовых, сбили их на землю и связали. Никто не успел крикнуть. Наши люди отошли на 30 метров в сторону, чтобы спуститься на дно небольшой долины, а потом вернуться.

Но там оказались несколько ледяных луж. Один из двух пленных внезапно опрокинул конвоира и бросился бежать. Его застрелили, но этот выстрел вызвал тревогу. В считанные секунды на наших солдат

бросилась целая армия, армия таких людей, каких нельзя было даже представить.

Наши товарищи, захватившие двух часовых, сами того не зная, дошли до входа в большой партизанский лагерь, спрятанный за холмом. Сотни вооруженных гражданских кинулись на них и окружили.

И кто были эти бойцы? Не только одни мужчины, но также шайка растрепанных женщин и куча грязных мальчишек 13 или 14 лет, вооруженных автоматами.

Наши патрульные немедленно образовали кружок. Но их атаковали более 400 советских партизан.

Молодой лейтенант погиб одним из первых, получив пулю в голову. Остальным требовалось немедленно вырваться из ловушки. Попытка вернуться назад была нереальной, так как путь отступления был отрезан. Из-за каждого дерева по ним били автоматные очереди.

Единственной возможностью спастись была отважная попытка прорваться прямо через советский лагерь, а уже потом постараться выскочить из окружения. И они бросились вперед мимо коров, овец, костров, землянок. Наши солдаты сражались отчаянно и посеяли панику среди старых оборванных женщин.

Но только двое наших товарищей избежали гибели. Они долго бродили по лесу, пока однажды ночью наш дозор не подобрал их, полумертвых от холода и усталости.

Самые сильные немецкие дивизии в начале декабря 1943 года начали контрнаступление с целью отбить Киев. Сначала наступление развивалось успешно, немцы прорвали фронт у Житомира и продвинулись дальше на 80 километров.

Однако снова они были остановлены грязью и откатились назад с огромными потерями.

Вместо того чтобы кардинально изменить положение, эта попытка резко его ухудшила. Теперь уже мы оказались под угрозой удара с севера и северо-запада. Одновременно на юге дивизии советского генерала Конева нанесли мощный удар, развивая успех, они

продвинулись далеко за Днепр в направлении Кировограда и Умани. Мы могли видеть на опаловом горизонте огромные красные пожарища, отмечающие продвижение врага.

Штаб армейского корпуса очень хотел знать, что намерены делать русские в центре нашего сектора.

Фронт на севере трещал, фронт на юге разваливался. Но что готовится прямо напротив нас на востоке, в проклятом лесу возле Черкасс?

Пришел приказ провести более крупную операцию, которую следовало начать на рассвете 3 декабря. План был очень смелым. 300 наших солдат должны были тайно, под покровом ночи, пройти 3 километра по глубокому болоту, которое отделяло лес с юго-запада от Староселья.

Колонна должна была просочиться между советскими постами охранения, а затем войти в лес позади вражеских позиций. Ей требовалось пройти несколько километров в направлении на север и дойти до высот у деревни Ирдынь.

В назначенный час 300 человек должны пойти на штурм. Они нанесут красным удар с тыла и уничтожат их.

Я должен был командовать операцией. Вечером 22 декабря я оставил свое завещание на маленьком деревянном столе в избе и отправился навстречу новым приключениям.

Ирдынь

Предполагалось, что мы будем в Староселье в полночь. Снова шел снег.

Нашим грузовикам потребовались 4 часа, чтобы по бревенчатой дороге пройти 15 километров, после чего мы пересекли сосновую рощу к юго-западу от исходного рубежа. Нам пришлось сделать этот крюк, чтобы противник не сумел раскрыть наши планы.

Из Староселья мы спустились к болотам. Нам следовало подойти к ним с юга от позиций, которые следовало уничтожить, поэтому красные в Ирдыни совершенно ничего не подозревали.

2-я и 3-я роты Валлонского легиона действовали совместно. Отделение немецких саперов, имевшее большой запас мин и огнеметов, сопровождало нас. Их задачей было уничтожить все укрепления в Ирдыни после нашего штурма. Наши пехотные роты должны были развернуться в лесу восточнее Ирдыни по всей ширине населенного пункта. Затем предполагалось ударить по русским, захватить весь район и удерживать его столько, сколько потребуется саперам для уничтожения укреплений. После этого вероятный исходный район для советского удара в центре наших позиций будет полностью уничтожен минами и огнем, а нам следовало как можно быстрее пересечь трясины и вернуться на свои позиции.

Мы взбирались по крутой тропе в полном молчании. Затем колонна пошла по снегу вниз. Время от времени кто-то из солдат поскользнулся и падал, теряя пулемет и шлем, и катился на дно оврага.

Колонна остановилась на границе болот. Было уже почти 04.00. Полная луна очень кстати скрылась среди набежавших облаков.

Таинственные черные болота расстилались перед нами, полные опасных ловушек и капканов.

Разведчики пошли вперед. Еще накануне ночью они пытались пересечь болота и потому более или менее представляли путь. Я следовал за ними, а за мной одной колонной шли все 300 человек, которые больше всего опасались как-то нашуметь.

Почти всюду лежал снег, перемешанный с водой и грязью.

Мои солдаты в толстых зимних одеждах просто взмокли. Их лица покрылись крупными каплями пота под толстыми шерстяными башлыками. Иногда нам приходилось пересекать ручей по низкому деревянному мостику. Тогда их сапоги ужасно грохотали. В непроглядной тьме солдаты поскользывались и часто оказывались по пояс в ледяной воде.

Но вдруг совершенно неожиданно на юго-востоке завывала сирена. Мы подумали, что все пропало. Все дружно бросились ничком прямо в грязь, но сирена продолжала вопить.

Ничего не случилось. Мы так никогда ничего и не узнали об этом случае. Вероятно, где-то на другом участке объявили тревогу. Эти истощенные вопли продолжались еще минут двадцать.

Мы двинулись дальше.

Мы уже могли различить в темноте неясные очертания особенно больших кустов. Они росли на берегу. Но там же должны были находиться и вражеские посты.

Мы двигались исключительно осторожно, что никак не выдать своего присутствия. Это стало бы настоящей трагедией, если бы русские внезапно обстреляли солдат, измученных долгим переходом, которые могли отступить только через затопленные болота.

Я добрался до маленького кустика. Потом ко мне присоединился солдат, еще один... Все наши 300 бойцов пересекли болото скрытно, как летучие мыши. Мы нырнули в лес. В призрачной тишине солдаты несколько минут отдыхали, упав на снег.

Теперь нам следовало выбрать правильное направление. Русские посты справа и слева были достаточно далеко, либо их часовые спали слишком крепко, уверенные, что никакой противник не сумеет ночью пересечь 3 километра трясины.

Но в результате несколько сотен человек оказались в тылу русских войск. Нам оставалось пройти осторожно еще 4 километра, чтобы оказаться прямо на восток от советской базы в Ирдыни.

В полном молчании мы продолжили ночной марш глубоко в тылу врага вдоль вымощенной бревнами дороги через густой лес. Разведчики и саперы, которые имели миноискатели, шли в 50 метрах впереди нашей колонны.

Держа пальцы на спусковых крючках, мы следовали за ними по обочине дороги, готовые в случае атаки немедленно нырнуть в лес.

Но было лучше не думать о вражеской атаке в подобной ситуации, далеко в тылу противника, без всякой возможности получить помощь или бежать. Если бы противник хотя бы заподозрил, что 300 человек крадутся рано утром позади его позиций, он наверняка постарался бы поймать нас. Раньше или позже, но мы были бы уничтожены, несмотря на любое сопротивление.

Небо постепенно светлело.

Мы уже почти добрались до цели. Я послал пехоту на опушку леса к Ирдыни. 2-я рота имела приказ занять исходную позицию для атаки с юго-востока. Хотя людям приходилось идти по компасу, они двигались достаточно быстро. 3-я рота должна была атаковать с востока. Под прикрытием деревьев они почти окружили окраины деревни, довольно обширные, кстати сказать, как у всех русских населенных пунктов.

Снег пошел еще гуще. Я распределил своих солдат среди молодых елочек, так как понятия не имел о расположении вражеских дозоров. В любую секунду могла начаться суматоха. Я хотел ждать до последнего момента. Если что-то сорвется, когда еще мы сумеем забраться на восток от Ирдыни? Нам требовалось любой ценой сразу добиться успеха, но при этом не потревожить противника.

Мы долго ползли по снегу, чуть ли не полкилометра от опушки. Под собой мы видели крыши Ирдыни, несколько завитков дыма, хилые изгороди.

Мы двигались уже 20 минут, когда я заметил двух советских солдат. Вероятно, они все-таки что-то услышали. Они носили свои странные меховые шапки с ушами. Русские встревоженно смотрели в нашу сторону.

Мои солдаты замерли в снегу. Чуть приподняв голову, я осмотрел местность. Рядом проходили другие русские, человек тридцать, все с автоматами в руках.

Мы поползли дальше. Русские двигались параллельно нам. Совершенно очевидно не догадываясь о том, что происходит под деревьями. Линия фронта находилась в совершенно

противоположном направлении, на западе, а не на востоке. Если их что и беспокоило, то явно не с той стороны, где мы находились. В конце концов, почему потрескивает мертвое дерево? Почему шуршат ветки?

Сопровождаемые этим странным эскортом, мы продвинулись еще на 50 метров или около того. Цель была просто соблазнительной: пара очередей, и эти 30 красных будут мертвы. Я делал отчаянные знаки своим людям, чтобы они ни в коем случае не поддались искушению. Нашей задачей было не убийство этих 30 солдат, а захват Ирдыни. Единственное, что сейчас было важным, — как можно дальше забраться на восток.

Слева мы уже могли различить центр населенного пункта.

Внезапно загремели выстрелы. Прямо перед нами находились два советских бункера, расположенные в лесу. Они и открыли огонь. Согнувшись, мы бросились туда. Русские, волосатые гиганты, отчаянно отбивались. Мой автомат разломился пополам прямо у меня в руках. Я схватил автомат одного из раненых и прыгнул прямо между укреплениями красных. Наши солдаты прижали красных к земле. Те, кто остался жив, в панике бежали в деревню. Мы погнались за ними.

После захвата блиндажей нам предстояло схватиться уже со всем советским гарнизоном, немного сбитым с толка, но все равно сильным. На юге я мог слышать шум боя, который вела 2-я рота. Блиндажи открывали огонь один за другим. Десятки домов уже горели, доказывая, что саперы свое дело знают. Дожидаясь, пока 2-я рота присоединится к нам, мы должны были прочно держать свои позиции.

Красные открыли ответный огонь из множества пулеметов, минометов и пушек. Снаряды и мины сыпались вокруг нас, оставляя на белом снегу серые проплешины.

Я был ранен в правую руку, вокруг падали люди. Местность была абсолютно голой до самых домов. Несколько человек попытались было добежать до первой избы, но нам пришлось откатиться назад к деревьям вниз по заснеженному склону, когда пулеметы открыли бешеный огонь. Снег вокруг был усеян крошечными красными

точками, похожими на вишни, но это были не ягоды, а человеческая кровь.

Танки с противоположной стороны Ирдыни увидели наши ракеты. Они двинулись вперед, чтобы поддержать атаку. Их снаряды пробиты во вражеской обороне бреши, через которые мы могли войти. В результате мы заняли центр деревни, где установили пулеметы, которые тут же начали избиение противника. Еще несколько мгновений ожесточенной борьбы, и красные обратились в бегство по всему сектору, их отбросили к лесу на северо-востоке.

2-я рота продемонстрировала свою отвагу, а самые смелые бойцы даже присоединились к нам в боевом порыве. Ирдынь была захвачена. Более 80 русских погибли в рукопашной схватке, их тела валялись повсюду, залитые кровью. Многочисленные раненые ползли по снегу. В плен попал всего лишь один человек, не имевший ран, единственный.

Немецкие саперы действовали, как всегда, медленно и методично. К счастью, в деревне не было гражданского населения. Укрепленные блиндажи, взорванные минами, взлетали на воздух, а затем падали назад неряшливой кучей досок. Весь колхоз был охвачен красными и золотыми языками пламени, эффектно смотревшимися на фоне хмурого рассвета. Еще час — и все укрепления красных будут полностью уничтожены.

Но мы быстро поняли, что этот час будет для нас очень тяжелым.

Шум боя быстро охватил весь лес. Со всех сторон к русским подходили подкрепления. Противник, отброшенный в густые заросли, начал обстреливать деревню. Отборные русские снайперы полезли на деревья. Мы развернули цепь солдат на опушке, но на нее обрушился прицельный огонь.

Немецкие саперы заторопились, они обязаны были довести дело до конца. Противник кружил вокруг нас, взяв в плотное кольцо. Что нам делать, когда придется начать отступление? Пытаться пройти 3 километра по открытому месту или снова отходить через вязкое болото?

Я приказал трем четвертям солдат начать отход. Тем временем мы предпринимали одну контратаку за другой.

Примерно через час почти вся колонна уже вышла из-под обстрела советских пулеметов. Мы видели людей в болоте, которые

походили на мух, попавших на клейкую бумагу. Но в любом случае они уже были спасены.

Саперы наконец завершили свою титаническую работу. В свою очередь они тоже отошли. Теперь нас здесь ничто не задерживало.

Но уйти будет нелегко.

* * *

Нам потребовались три часа, чтобы пройти три километра по грязной заболоченной низине.

Я установил несколько пулеметов за окраиной деревни вдоль рельсового пути, который до войны использовался для доставки торфа из болот. С этой насыпи мы могли свободно расстреливать противника, прижатого к земле рядом с лесом.

Большая часть моего арьергардного взвода вошла в болота, неся с собой раненых. Некоторые из них понимали, что обречены. У молодого парижского металлурга (в составе нашей бригады воевали около 100 французских добровольцев) была оторвана рука и распорот живот. С лицом, искаженным от страданий, он требовал, чтобы его положили у стога. «Я хочу умереть, видя, как сражаются мои товарищи», — сказал он просто.

Большинство раненых уже не могли идти. У одного из моих юношей были прострелены оба легких. Он лежал на снегу, раздетый до пояса, с двумя маленькими розовыми дырочками на желтой коже, лицо его было совершенно зеленым. Мы чувствовали, что должны спасти этих парней любой ценой. Самые сильные из нас тащили их на спине, но грязь проваливалась под ногами. Когда мы пересекали ручей, часть раненых упала в воду, и мы лишь с огромным трудом сумели вытащить их оттуда.

Наш отход поочередно прикрывали две маленькие группы. Пока одна стреляла, вторая занимала позицию примерно в сотне метров позади ее. Когда вторая была готова открыть огонь, первая бросалась бегом, обходя ее с флангов, чтобы в свою очередь занять позицию позади второй.

Один из моих последних товарищей получил тяжелую рану в живот. Каждый из нас по очереди тащил его, пока мог. Наши спины

были совершенно залиты его кровью. Мы смогли волочь его с собой до самого конца боя, однако он умер в госпитале два дня спустя, но умер свободным.

В полдень мы наконец пересекли болота и добрались до холма, на котором стояло Староселье, не бросив ни единого раненого и не потеряв советского пленного, который был так важен для нашего командования.

Мы присоединились к нашим танкам, которые поднимались по крутому склону, неся раненых, которых уложили на охапки веток.

Наш успех был полным. Ирдынь была совершенно уничтожена. Но мы не слишком радовались этому. Когда мы забрались в свои грузовики, то неприятно удивились тому, как много в них свободных мест.

Праздники

На Рождество 1943 года в каждом доме была поставлена рождественская елка, вместо снега украшенная ватой, позаимствованной у медиков.

Любое Рождество, которое я встречал на фронте, было обязательно печальным. Люди пели, пили, шутили. Но затем каждый вспоминал Рождество дома: покрасневшие щеки, веселых детей, счастливую жену, веселые песни. Глаза затуманивались, когда перед мысленным взором проплывали эти далекие видения, а в действительности человек видел убогую хижину. И тогда солдат выскакивал наружу, и мы находили его плачущим в ночном одиночестве.

В этот вечер в нашей дивизии 15 человек покончили с собой, их сердца не выдержали долгих месяцев разлуки и страданий.

Я хотел посетить все блиндажи наших добровольцев. Среди снега и темноты мне пришлось проделать около 10 километров, заглядывая в каждое такое прокуренное убежище. Некоторые отделения, особенно укомплектованные молодежью, пытались делать хорошее лицо при плохой игре и встречали меня радостными криками, но я нашел гораздо больше мрачных лиц, чем улыбающихся. Один солдат, который больше не мог сдерживаться, бросился на землю и бил по ней кулаками, призывая своих родителей.

Ровно в полночь, когда все, кто еще держался, хором затаили «Святая ночь», небо расцветилось огнем, но это не был ангел-вестник или трубы Вифлеема. Это была атака! Красные, полагая, что в это время люди окажутся под столом, открыли огонь из всех орудий и перешли в наступление.

Но в действительности это стало облегчением. Мы вскочили на ноги. И снег, освещенный разрывами, трассирующими пулями и вспышками выстрелов, красными, зелеными и белыми сигнальными ракетами, превратил ночь в действительно праздничную. Вот так мы и провели сочельник, отражая попытки противника переправиться через реку Ольшанка.

На рассвете стрельба прекратилась. Наш священник причастил солдат, которые отделились за отделением приходили с позиций в православную часовню. Там наш валлонский священник, одетый в полевую форму фельдграу, служил вместе со старым деревенским попом в малиновой скуфейке.

Опечаленные и огорченные были утешены. Их родители, жены и любимые дети в это время слушали дома ту же самую рождественскую мессу и получали такое же причастие. Солдаты возвращались с просветленной душой, чистые, как бескрайняя степь, которая засверкала перед ними днем.

Вокруг избы, которую я использовал как наблюдательный пункт и командный пост, гранаты и снаряды разнесли практически все здания. Мой маленький домик, его три вишневых дерева и замерзший колодец каким-то чудом уцелели во время огневого налета. Старая крестьянка, которая с ужасом смотрела на зазубренные пробоины в стенах, все-таки вернулась в свою хибарку.

Но две ее соседки были разорваны на куски в рождественскую ночь, как раз когда они ели борщ. Снаряд влетел точно в маленькое окошко.

На фронте смерть встречается повсюду. Она только и ждет, чтобы кто-то потерял голову или отступил.

В бою испуганный солдат это мертвый солдат. Отвага делает человека сильным, даже почти неуязвимым. Со смертью нельзя примириться, но следует смело смотреть ей в лицо.

Наступил новый, 1944 год.

Мы предпочли бы, чтобы сразу наступило третье или четвертое января, чтобы дни сразу стали обычными, когда ты уже не думаешь вообще или думаешь как можно меньше.

Но нам пришлось ожидать новой атаки со стороны ублюдков. Неужели в эту полночь они повторят свой рождественский спектакль?

Мы получили приказ ожидать атаки. Предполагалось, что они атакуют накануне Нового года.

Два взвода моей роты в темноте выдвинулись на заснеженную равнину, пересекли реку и заняли позиции в кустарнике.

Третий взвод пересек Ольшанку в километре правее. Его задачей была провокация. Он должен был забраться в заросли ежевики в нескольких сотнях метров южнее Закревки и открыть сильный огонь, чтобы противник бросился крупными силами именно туда. В этом случае два остальных взвода сумели бы штурмом взять укрепления, находящиеся напротив деревни Байбузы.

Наши солдаты пошли в атаку. Противник в панике бежал.

Мы вернулись на рассвете. Я принес на спине молодого добровольца, который первым ворвался в советский блиндаж, но налетел на автоматную очередь.

Хотя оба его колена были раздроблены, он не издал ни стога. Его волосы, мягкие, как у ребенка, прилипли мелкими завитками к вспотевшему лбу. Бедный парень испытывал страшные мучения как раз в то время, когда во всем мире миллионы людей завершали праздничную ночь.

1 января, 05.00. Тусклое красное солнце поднималось над заснеженным лесом. Степь больше не казалась синей. В долине еще трещали выстрелы. А во всем мире в это время люди танцевали, люди пили, женщины смеялись, лица пьяных мужчин несли на себе отпечаток всех грехов, которые их отягощали. День медленно поднимался над белой степью, искалеченный юноша умирал, потому что он верил в нечто возвышенное, потому что его идеалы были настолько сильны и чисты, позволили принять мученическую смерть.

Утром я положил на сверкающий, как бриллианты, снег рядом со своей избой этого юношу с замерзшими кудрями. Его глаза больше не видели мир, ради спасения которого он умер.

Закревка

1944 год начался плохо.

Советские войска нанесли мощный удар на северо-востоке и юго-востоке нашего сектора. Их наступление получилось очень впечатляющим, и остановить его не удавалось.

Тем не менее наше командование отдавало приказы без признаков волнения, и мы также исполняли их. Мы были намерены удерживать слияние Ольшанки и Днепра до скончания веков.

Из Берлина прибыли несколько актрис, которые оказались в тылу у нас. Приезжавшие мотоциклисты расписывали прелести с необыкновенным темпераментом, чудь не забывая о приказах, которые они доставляли.

Тем не менее с каждым днем острия советских клещей сближались все больше позади нас.

Но мы не беспокоились о подобных вещах. Для солдата на войне существует только его участок фронта. Остальное — это дело генералов и журналистов.

На рассвете 4 января штурмовая бригада «Валлония» получила приказ поддержать атаку наших танков. Нашей целью была деревня Закревка, куда мы уже наведались 1 января. Теперь требовалось уничтожить укрепления, построенные в лесу позади деревни.

Кроме того, нам приказали достать пленных.

В 1941 и 1942 годах мы просто не знали, куда их деть. Однако теперь советские солдаты сражались насмерть и ускользали у нас между пальцев, увертливые, как ужи. Генерал Гилле, командир дивизии СС «Викинг», требовал по крайней мере пятерых пленных, чтобы проверить сведения нашей разведки.

1-я рота должна была пересечь Ольшанку в 03.00 и укрыться в лесу северо-восточнее Закревки, чтобы помешать советским подкреплениям вмешаться во время боя. Моя рота пересекала реку на надувных лодках в 02.00. Мы должны были подобраться к западной

окраине Закревки и ждать начала штурма. 2-я рота наносила удар с юга, выйдя из Староселья по лесной дороге.

За ночь саперы должны были очистить эту дорогу от мин. В 05.00 в дело вступали танки, которые несли на броне наши основные силы. Они должны были идти прямо на Закревку. После этого пехота присоединялась к атаке, развернувшись между танками.

Это была рискованная операция.

Наши танки могли попасть на мины и подорваться еще во время выдвижения на исходный рубеж, хотя успех во многом зависел именно от них.

* * *

Моя рота укрылась недалеко от Ольшанки примерно в 300 метрах севернее вражеских наблюдателей. Наши длинные белые маскхалаты прекрасно работали на снегу. Я подполз к самой воде и оставался там более часа, прижав ухо к земле. Ни один шаг не прозвучал в промерзшей почве. Ни один всплеск не побеспокоил поверхность реки.

Саперы закончили надувать наши лодки и тихо спустили их на черную воду.

Нам предстояло двигаться вдоль троса, так как течение было сильным. Сто человек с помощью лодок переправились на противоположный берег.

Нам все еще предстояло пройти около километра, прежде чем достичь леса. Со своего маленького командного пункта чуть южнее Закревки я слушал посвист ветра, и нервы мои были напряжены до предела. Ветер дул над степью, но он не приносил никаких других шумов, ни шума моторов, ни шелканья курка.

Мои люди добрались до поросших лесом холмов.

Время шло. Вскоре мы услышали отдаленный грохот танков, вошедших в лес с юга. Наши саперы уже пробрались на вражеские позиции, разыскивая мины и обезвреживая их. Лес по-прежнему оставался немым. У меня все сжалось внутри, когда я подумал об этих отважных парнях, которые без всякой рисовки двигались вперед в

холодной ночи, работали, ждали или ползли по снегу, чтобы передать приказ.

Было уже почти 05.00. Теперь рев танковых моторов и лязг гусениц стали совершенно отчетливыми. Красные, занимавшие опушку леса на юге, не успели даже толком проснуться. Наши солдаты, прыгнув с танков, бросились в блиндажи с гранатами в руках.

Сонные красные похватили свои автоматы, но внезапность была полнейшей. Все быстро кончилось, они были либо убиты, либо ранены, либо захвачены в плен. Наши танки без остановки двинулись дальше сквозь лес.

Я выпустил сигнальные ракеты, как только ракеты 2-й роты прочертили в небе искрящиеся дуги. Часть моих солдат бросилась в Закревку с северо-востока и востока с тыла, чтобы встретить наши танки, идущие с юга. Остальные отогнали русских, стоявших у противотанковых орудий на лесистых холмах.

В рукопашной схватке валлонам не было равных, и она решила исход боя. Советский офицер, командовавший артиллерийской батареей, подорвал себя гранатой, когда увидел, что орудия потеряны.

Десятки отдельных схваток происходили в лесу. Люди метались между избами, в оврагах и вокруг стогов. Наше отделение связи было загнано на восточную оконечность поля боя. В несколько секунд пять специалистов, нагруженных телефонами и катушками с проводами, были схвачены. Русские утащили их в чащу леса. И больше мы их не видели.

Один из наших танков был подбит, но мы довольно быстро сумели отремонтировать его. Мы захватили внушительную добычу, буквально все, что можно было найти в Закревке.

Мы привели более 30 пленных, одетых, как обычно, в тряпье, однако сильных, как звери, подобно которым они жили в вонючих и грязных норах, выкопанных в земле.

Эти дикари питались тем, что находили в избах и на зимних полях, или тем, что могли отрезать от трупов: гнилые головки подсолнухов, початки кукурузы, заплесневевший хлеб.

Они обладали выносливостью троглодитов, но имели, помимо звериной силы, сверхсовременные автоматы с магазинами на 70 патронов. В грязных вещевых мешках, привязанных веревками на

спине, они держали все, что им требовалось для ведения боев на протяжении двух недель.

Эти ободранные гиганты, косоглазые монголы с вытянутыми головами, жесткими черными волосами, щеками, толстыми, как свиной окорок, эти хищные азиаты, с блестящими глазами-щелочками, невымытые, вонючие, негибачаемые, больше всего походили на доисторических чудовищ, если поставить их рядом с нашими молодыми солдатами, стройными и подтянутыми, с чистой кожей.

Мы погнали эту толпу к себе в тыл, как если бы мы гнали стадо диких свиней. Их грубые, жестокие лица смеялись, потому что мы не убили их немедленно и даже дали им сигареты.

Но хоть мы и захватили 30 дикарей, еще десятки тысяч стояли против нас. Не говоря уже о тех сотнях тысяч таких же дикарей, которые находились восточнее, севернее и южнее.

Ободранные толпы наступали.

И мы уже ощущали давление этой орды.

Первые трещины

Советские армии хлынули с севера и советские армии рванулись с юга, они сближались все больше и больше. На западе, в 80 километрах позади нас, не более 150 километров разделяли наступающие с двух сторон советские войска.

К 7 и 8 января мы уже могли поверить, что на Днепре все потеряно для нас. Надвигаясь с северо-востока, советские танки прошли по тылам немецкой армии, преодолев сто километров двумя бросками.

Методы русских были простыми. Они грузили на танки охапки автоматов. Когда они входили в города, группы из пяти, шести или десяти танков сразу собирали гражданское население. Каждый оборванец, каждый сопливый пацан немедленно получал автомат. Через час, не имея никакой военной подготовки, триста таких башибузуков в отрепье уже сопровождали наступающие танки.

Советская армия пополняла свои ряды без всякого труда по мере развития наступления. Эти резервы человеческого «сырья» были поистине неисчерпаемы.

К счастью, удары красных 7 и 8 января имели только локальный успех, хотя и были исключительно отважными. Без всякой поддержки десятки советских танков прорвали фронт и вышли на оперативную глубину.

Немецкие танки, спешно переброшенные в район прорыва, сумели их окружить. У русских танков закончилось топливо. Экипажи попытались укрыть машины в кустах и замаскировать, но все они были обнаружены в течение трех дней и постепенно уничтожены.

* * *

Но тревога не ослабевала. Если русские отправят более крупные силы, атака наверняка увенчается успехом.

Честно говоря, наши позиции на берегу Днепра были плохими. Мы занимали кончик длинного языка. Дивизия «Викинг» и штурмовая бригада «Валлония» были единственными соединениями,

прикрывавшими юго-восточный фас выступа. Рано или поздно их обязательно должны были отрезать.

Сразу после нашего прибытия сюда в ноябре 1943 года уже было очевидно, что мы обречены. В начале января 1944 года эта истина открылась буквально всем. Только ликвидация нашего выступа и выпрямление линии фронта могли спасти нас от неизбежного окружения.

Мы полагали, что наверху понимают ситуацию, так как мы получили приказ выйти из боя и отойти, чтобы занять позиции в 20 километрах дальше на юго-запад.

Это было здорово, но это был только первый шаг.

Предполагалось, что отход начнется в полночь. Мы уже провели рекогносцировку новых позиций. Все было готово.

Но в 23.00 из штаба дивизии пришел приказ, отменяющий все приготовления. Гитлер лично категорически потребовал удержаться на Днестре. Оставить Днепр для него было равносильно моральному поражению. Это также означало потерю позиций, с которых можно было начать наступление на Харьков и Донец. В любом случае, отход был отменен официально.

Солдаты консервативны по своей природе. Те, кто хоть немного был в курсе дела и уже отправился назад на грузовиках, с философским терпением вернулись на позиции в районе слияния Ольшанки и Днестра. Но те, кто слушал по радио советских коммюнике, и те, кто отмечал на карте движение советских клиньев на севере и юго-востоке, нервничали. Они понимали, что мы оказались в смертельной опасности.

Мощные удары сотрясали весь сектор. Дивизия «Викинг» была вынуждена отвести половину своих сил с Днестра и отправить их на запад в город Черкассы.

В другом секторе лес возле Теклино образовал большой треугольник, врезавшийся в наши позиции. Он целиком перешел в руки большевиков, и все контратаки были напрасны.

Генерал Гилле решил приказать валлонам атаковать этот лесной массив.

Вечером 13 января мы покинули берег Ольшанки в обстановке строгой секретности. Наше ночное путешествие на тяжелых грузовиках по снегу и льду на несколько километров привело нас в лес к Теклино.

Теклино

Штурм Теклино должен был начаться на следующий день 15 января.

Вечером на разведку исходного рубежа были отправлены офицеры. Сначала несколько километров мы ехали по шоссе на Черкассы. Потом мы свернули налево на кочковатую дорогу, которая вела к осиновой роще. Оттуда мы могли видеть весь нужный район.

Обширные заснеженные поля тянулись до самого леса у Теклино. Ближайшее, узкое рядом с нами, заметно расширилось к востоку.

Каждый командир роты получил свое задание и проверил совпадение карты с местностью. Сгустились сумерки. Деревья превратились в красочный пурпурный занавес. Глубоко встревоженные, мы рассматривали эти гладкие поля, эти голубые овраги, через которые нашим людям придется пробираться ночью к лесу, где затаился противник. Немцы, которые провели несколько бесплодных контратак, уверяли, что русские хорошо укрепились.

Артиллерийский полк дивизии должен был поддержать нас. Он развернулся в полном составе за грядой холмов на западе.

Несколькими днями ранее я стал адъютантом командира нашей бригады. Поэтому мы с ним в 03.00 встретились с генералом Гилле. Мы устроили импровизированный командный пункт, связанный телефоном со всеми нашими ротами.

В 01.00 наши солдаты начали с кошачьей осторожностью выдвигаться на исходный рубеж. Легкие маленькие санки, похожие на финские, позволяли доставлять боеприпасы. Каждые 15 минут на другом конце провода почти неслышные голоса командиров рот сообщали об их продвижении.

В 04.00 огонь нашей артиллерии обрушился на опушку леса.

Орудия дивизии «Викинг» были старыми. Они непрерывно прослужили полтора года во время кампании без всякого ремонта. Нам приходилось вести невероятно сложные вычисления, чтобы управлять

огнем, однако стрельба оставалась потрясающе меткой. 4000 снарядов легли на голову врага, уничтожая одну траншею за другой, разнося в щепки деревья.

Наши солдаты, невольно пригнувшиеся во время огневого налета, от которого звенело в ушах, с криком бросились в атаку как раз в тот момент, когда артиллерия перенесла огонь на следующий рубеж.

Моя бывшая 3-я рота бросилась в рукопашную с такой стремительностью, что вскоре потеряла контакт с остальной бригадой. После трудного подъема она захватила два особенно крутых холма, на которых русские все-таки удержались в разрушенных траншеях, несмотря на обстрел.

Несколько молодых женщин в форме сражались особенно упорно, просто обезумев от ярости.

Наши солдаты не хотели убивать женщин. Тем более что эти были довольно симпатичными. Самая красивая из них дралась, как тигрица. В горячке боя ее нежная белая грудь даже выскочила из гимнастерки цвета хаки. Так она и умерла. Веснушки на ее лице сияли, словно зимний вереск, а ее маленькие замерзшие груди светились розовым. После боя мы забросали ее снегом, чтобы никто не мог побеспокоить останки.

После захвата этих упорно обороняемых позиций 3-я рота перешла к штурму блиндажей в лесу. Они были рассеяны на протяжении 4 километров. Но уже через километр сильно поредевшая рота с трудом удерживала захваченное. Она напрасно ждала, чтобы подтянулась остальная бригада, действовавшая левее.

Но остальным ротам в это время пришлось ничуть не легче.

Они сумели пройти 5 километров по лесистым холмам лишь с огромным трудом. Бой был исключительно упорным. Артиллеристы дивизии «Викинг» поддерживали действия пехоты, сумев согнать красных с вершин холмов.

Однако в этот момент артиллерия русских начала контрбатареиную стрельбу. Оказалось, что восточнее леса находятся несколько «Сталинских органов», которые могли выпустить по 36 ракет каждый, накрыв целый участок. Буквально за час мы потеряли 125 человек убитыми и ранеными.

С командного пункта мы видели, как наши маленькие санки скатываются с заснеженных холмов, унося раненых. Полевой лазарет

был переполнен. Десятки людей в окровавленных повязках лежали на носилках и просто на снегу, кровь замерзала на морозе. Невыразимо страдая, они ждали своей очереди, ждали, когда врачи займутся ими, а окровавленные санки продолжали сновать взад и вперед к проклятому лесу.

* * *

Затем русские контратаковали и отбросили бригаду. Только 3-я рота удержалась, зацепившись за холмы, но в результате она была отрезана от остальных.

Мы вместе с командиром бросились вперед, чтобы остановить отступление. Но русский удар был фантастически силен. Мы уже понимали, что вскоре вся бригада будет выкинута из леса, если не считать 3-ю роту, потерявшуюся где-то там в чаще. После этого нас отбросят в открытое поле, где отступление превратится в избиение.

К 17.00 положение удалось стабилизировать, однако оно оставалось катастрофическим. Лес захватить не удалось. Бригаду от опушки отделяли только 200 метров. 3-я рота пропала. Ее могли уничтожить в любой момент.

Мы устроили импровизированный военный совет в избе на дне долины. Все скорбно кивнули. Генерал Гилле по своей привычке выждал 10 минут, ничего не говоря. Потом он крепко сжал челюсти, сверкнул запавшими глазами и встал.

«Продолжать атаку», — сказал он коротко. Он посмотрел прямо на нас, хмуро и серьезно.

«Вы должны захватить лес», — добавил он.

Наступила морозная ночь.

Температура опустилась до 20 градусов ниже нуля.

Солдаты на опушке дубового леса нигде не могли прилечь, они также не могли развести даже самого маленького костерка. Они

замерзали насмерть, несмотря на зимнюю одежду. Им оставалось только закопаться в снег, пока часовые караулят наверху.

Саперы раскатали колючую проволоку и протянули ее между деревьями. Они заминировали подходы, кроме узких коридоров, которые были тайно отмечены, чтобы могли вернуться наши разведывательные патрули.

Мы попытались установить связь с 3-й ротой. Взвод, сформированный только из добровольцев, ушел в лес на северо-восток.

Но наша информация оказалась неточной. На самом деле 3-я рота не зашла так далеко, как мы думали. Зато взвод проскочил слишком далеко на восток и натолкнулся на сильно укрепленную позицию. Последовала безумная ночная схватка. Командир взвода, настоящий гигант с плечами шириной с дверь, ворвался в один из русских блиндажей. Солдаты вытащили его оттуда, потому что он получил автоматную очередь в живот. На перевязочном пункте он сопел, как паровоз. Все думали, что он обречен, однако, как ни странно, он выжил. Через восемь месяцев он вернулся в наш гарнизон Бреслау, такой же массивный, как и раньше, только теперь на груди он носил Железный Крест 1-го класса.

И все-таки многочисленные раны в живот подорвали его здоровье. Буквально через пару недель он понял, что не может больше жить, как все. Он взял на складе противопехотную мину, ушел на берег Одера и там взорвал сам себя.

На речном берегу мы наши только куски мяса и несколько костей — все, что осталось. На столе в казарме он оставил короткую записку: «Я не хочу жить инвалидом. Прощайте, друзья! Vive la Legion!»

Ночная атака отважного взвода не дала никаких результатов. Найти 3-ю роту так и не удалось. На следующее утро я лично предпринял попытку отыскать исчезнувших товарищей.

Танки нашей бригады стояли на северной опушке леса. Я улегся на броню одного из наших штурмовых орудий, и мы проехали по степи 2 километра на восток от исходного рубежа вечерней атаки.

Именно там, как полагал штаб, должна была находиться пропавшая рота.

Но мы ошибались. На полпути к намеченной точке мы въехали в дубовую рощу, до которой было не более километра. Измученные и неспособные что-либо сделать, наши солдаты увидели внезапно появившееся перед ними самоходное орудие. Обрадованные, они стащили меня на землю.

После жаркой встречи, которую мне устроили, быстро выяснилось, что здесь находятся всего лишь несколько солдат. Водитель танка с огромным трудом привез меня назад, так как нас обстреляли и рядом взлетело более двадцати столбов снега и земли.

Но во второй половине дня наши саперы, которые старались растянуть изгородь из колючей проволоки как можно дальше на северо-восток, совершенно неожиданно нашли еще нескольких парней из 3-й роты, которые закрепились в юго-восточном конце своего сектора. Бедные парни посинели от холода. Они расположились среди 20 трупов русских. Мы быстро связались с ними, протянув линию над сотнями мин. К наступлению ночи нам удалось создать сплошной фронт.

Но эта была та еще ночь!

3-я рота удерживала захваченные ею холмы. В земле прямо под собой они обнаружили какие-то могилы, вырытые до наступления морозов, в которых могли спать два или три человека. Эти советские стрелковые ячейки были глубиной с гроб. Русские застилали их сухими листьями и, оказавшись внутри норы, закрывали вход куском брезента. В такие могильники никто не мог залезть, кроме ловких татар, монголов и сибиряков, которые прижимались друг к другу. В этом случае они чувствовали себя немного удобнее, согреваясь теплом тел, как дикие животные, сбивающиеся в клубок.

Наша молодежь заняла место мужиков, чьи окоченевшие тела, твердые, как камень, валялись повсюду. На этих двух холмах наши добровольцы захватили семь советских пушек. Немецкая артиллерия здорово им помогла. Местность вокруг была буквально перепахана снарядами, каждое дерево либо рухнуло, либо было расщеплено, получив сотни осколков. Кучи трупов лежали повсюду, мертвецы еще сжимали свои по-вязки, круглые бородатые лица киргизов украшали

красные от замерзшей крови бороды. Волосы девушек в хаки, лежащих навзничь, уже засыпал снег.

Нашим молодым солдатам такое жуткое соседство сделало ночь просто ужасной, да вдобавок этот сильнейший холод. Эти юнцы, как и знаменитые валлонские драгуны императрицы Марии-Терезии, едва ли набрали бы десяток усов на всю роту. Хотя в глазах у них мутилось от усталости, они всю ночь отважно несли караул среди ледяных трупов, которые постоянно приходилось отталкивать прочь.

* * *

Остальные роты на ночь расположились на земле, твердой, как бетон. Мы сумели построить импровизированные укрытия, натаскав обломки деревьев и сложив кое-как. Мы прижимались друг к другу, чувствуя, как холод заползает внутрь.

17 января прибыл генерал Гилле, чтобы проверить, как идут дела на нашем участке.

За его разведывательным броневиком шел танк. Он был набит шоколадом, сигаретами и коньяком. Солдаты прекрасно поняли, что означают эти подарки: нам предстояла новая атака.

В это трудно было поверить.

Лица людей были желто-зелеными, как лук-порей, впрочем, точно такими же были лица многочисленных советских трупов, валявшихся поблизости.

Ночь, когда мы завершали свои приготовления, была холодной и ясной.

Семьсот бункеров

Послать всю нашу бригаду на штурм леса у Теклино, как в первый день, значило обречь ее на верную гибель.

Мы больше не могли полагаться на эффект внезапности. Русские удерживали все высоты в глубине леса. Только какая-нибудь остроумная и отважная атака, специалистами по которым были наши солдаты, могла принести определенный успех.

Мы решили, что в полночь пять групп валлонов, вооруженные пулеметами, проскользнут по узким проходам в наших минных полях. Они потихоньку просочатся вглубь вражеских позиций. Им было приказано пройти как минимум 800 метров. Одно из этих отделений должно было отвлечь внимание красных, один человек должен был пойти на смертельный риск и изобразить бегство, чтобы противник поверил, что имеет дело с одиночкой-разведчиком.

Но нашей целью была не разведка. Мы собирались спрятаться и остаться там. Под покровом темноты наши группы должны были пересечь оборонительный пояс противника в тех местах, которые господствовали над окрестностями. Затем на рассвете, в тот момент, когда бригада пойдет на штурм, они должны открыть бешеный огонь из своих пулеметов в спину большевикам, которых наверняка собьет с толка стрельба в тылу.

Эти пять групп состояли только из добровольцев. У каждого пулемета в тылу врага должны были находиться по два валлона. Третий должен был вернуться к нам, чтобы сообщить о результате столь необычного задания и совершенно точно указать места расположения пулеметов.

Высоко над головой тут и там мигали яркие звезды. Красный диск луны, который мерцал между могучими кронами высоких дубов, окружал ореол гало. Но внизу, под ветвями мрак был непроглядным, лишь отдельные голубые отблески небесных светил прорывались там,

где упавшее дерево образовало разрыв в сплошной завесе, закрывающей небо.

Несколько часов нам предстояло следить за теньями.

Русские тоже осторожно прощупывали нас. Трижды солдаты красных подрывались на наших минах, при этом мигала яркая красная вспышка. Наши наблюдатели каждый раз получали небольшую контузию, так как взрыв происходил совсем рядом с ними. «Еще один», — должно быть, бормотали они, оттирая замерзшие носы снегом. Затем в зловещем лесу снова воцарялась тишина.

Наконец наступила полночь. Наши парни, таща с собой пулеметы, поползли по секретным коридорам, которые наши саперы оставили свободными от мин.

Два часа, три часа ожидания, и наша тревога слегка ослабла.

Но холод был чудовищным. Мы мерзли, если ходили, и мерзли, если стояли на месте. Время от времени деревья вздрагивали от удара, когда очередной мужик касался растяжки мины.

Каждый из наших наблюдателей до рези в глазах вглядывался в темную лесную чащу. Если вылазка удастся, наши посыльные скоро придут к колючей проволоке, прикрытой минами. Их караулили и русские, и сама Смерть.

Взорвалась мина. «Помогите! Помогите!» — закричал кто-то. Это был первый из наших товарищей, который налетел на вражескую мину.

Он с трудом полз в темноте. Мы слышали, как он движется, слышали его тяжелое дыхание. Второй взрыв, еще более сильный, чем первый, потряс нас. Теперь бедняга налетел уже на одну из наших мин.

Нам пришлось ползти к нему, чтобы забрать. Он превратился буквально в груды рваного мяса, однако у бедняги еще хватило сил сообщить, что остальные добрались до места и все идет нормально.

Чтобы спасти остальных посыльных, которым также предстояло пробраться через советские минные поля, мы начали время от времени окликать их. Четыре раза мы слышали шепот. «Не двигайся, за тобой идут!» — шептали мы, когда наш отважный товарищ скользил по узкому коридору между минами и колючей проволокой, чтобы встретить посыльного и проводить на наш командный пункт.

К 04.00 стало ясно, что наша затея полностью удалась. Все пять групп расположились примерно в километре от нас на фронте

предстоящей атаки. Одна из них устроилась даже в 1300 метрах, позади второй линии обороны русских.

Это было великолепно.

В 05.00, когда верхушки деревьев только начали окрашиваться в пурпур восходящего солнца, все наши роты прошли по очищенным от мин проходам, отмеченным белыми лентами.

Теперь оставалось только броситься на врага.

Это была хорошо подготовленная операция. Командиры рот несли с собой полевые телефоны, чтобы каждый из них был в курсе продвижения всех остальных. На правом фланге нам удалось быстро захватить холмы. Группа пулеметчиков, умело выбрав места, не только создала требуемое впечатление, но и хорошо поработала. Группы трупов русских лежали на склонах холмов.

В центре рота двигалась по более простой местности. Левое крыло, поддержанное танками, наступало вдоль опушки и также продвигалось довольно быстро.

По специальному приказу я снова на несколько часов принял командование 3-й ротой. Я прошел вместе со своими кадетами около 30 метров, чтобы избежать ненужных жертв. Земля была покрыта слоем снега толщиной полметра. Противник наверняка расставил свои ловушки.

Последовал страшный взрыв. Первые трое парней, которые шли в 25 метрах позади меня точно след в след, подорвались на вражеской мине. Я сумел пройти, не коснувшись ни одной из полутора сотен проволок, тянувшихся во всех направлениях. Но, увы, другим повезло меньше. Их ноги было страшно изуродованы. Через пять минут окровавленные култышки замерзли, превратившись в бледные палки цвета слоновой кости, твердые как камень.

Русские зима была безжалостной. Серьезная рана в конечность означала потерю конечности. Сани увозили пострадавших в тыл, пока мы продолжали двигаться вперед.

Противник соорудил прочные укрепления. Бой начал затягиваться. Мы дрались до вечера. На следующий день рано утром

мы полностью заняли лес.

Перед нашим наступлением немецкая артиллерия в последний раз обстреляла вражеские позиции. Нам приходилось перешагивать через застывшие тела буквально на каждом метре территории. Но перед последней рукопашной схваткой красные зверски убили всех пленных. Одного молодого эсэсовца они просто распяли. Другие лежали еще живые, но их живот и ноги были залиты кровью. Чудовища отрезали им половые органы и затолкали в рот.

Несмотря на победу, вид этих зверств ужаснул нас.

За четыре дня боев мы захватили семьсот блиндажей.

Нам на смену пришли латыши в длинных белых куртках.

В 200 метрах от наших окопов сияла долина. Огромный лес у нас за спиной снова был свободен. Он снова окрасился в мирные цвета: белый, синий, лиловый. Покойники стали твердыми, как деревяшки. Они больше не пугали нас, как в первый день.

Наши роты одна за другой выходили из боя. Большие грузовики бригады ожидали солдат внизу в долине. Мы прошли по снежной тропе, извивавшейся вдоль высот, часто оглядываясь, чтобы увидеть вдали треугольник леса у Теклино.

Совсем маленький треугольник. Но запомнили мы его навсегда.

Ловушка захлопнулась

Десять дней прошли, прежде чем разыгралась грандиозная драма. Нас снова отправили на позиции на Ольшанке.

Двигавшиеся с севера советские армии безостановочно шли по всей ширине Украины. Они уже находились недалеко от Винницы, расположенной в 200 километрах в тылу у нас, и приближались к последней крупной реке, которую немцы пока удерживали до румынской границы — Бугу.

Эта северная армия больше не пыталась добиться локального окружения, как в начале января. Теперь русские начали гигантскую операцию.

Советские армии на юго-востоке уже захватили Кировоград. Если бы они сумели соединиться с армиями, наступающими с северо-запада, образовался бы гигантский котел.

Чтобы предотвратить эту угрозу, почти вся дивизия «Викинг» переместилась на юго-восток, на наш правый фланг, тогда как ранее она находилась слева на северо-востоке вдоль Днепра, занимая участок длиной 80 километров и загибая фланг на реку Ольшанка до наших позиций в деревне Мошны.

Нам пришлось растянуть позиции от Мошны до Лозовка, который стоял на самом Днестре. Теперь мы обороняли участок фронта протяженностью около 100 километров.

И если наши артиллерийские, противотанковые, зенитные и саперные подразделения были относительно целыми, пехотные роты значительно ослабли за последние два месяца боев. Теперь в них осталось не более 1000 солдат. В результате мы столкнулись со страшной опасностью, так как могли держать в среднем по 20 человек на километр фронта.

Мы разносили опорные пункты все шире, поэтому они вполне могли быть захвачены поодиночке либо просто обойдены.

К северо-востоку от большого моста в Мошны местность была совсем дикой — ржавого цвета кусты, тростники, песок, болото. Пройдя несколько километров по унылым топям, мы попали в Лозовок.

Там у нас находилась буквально горстка солдат, всего одна рота, точнее — 2-я рота капитана Дерикса, которая была переведена из Староселья. Она должна была прикрывать весь восток нашего сектора, другими словами, степь, город Лозовок, несколько километров песчаных дюн и, на сладкое, так сказать, правый берег Днепра.

Мы были счастливы находиться здесь и видеть, как гордо реет флаг нашей Отчизны. Но, если отбросить в сторону подобные сантименты, нашим людям приходилось нелегко на берегу огромной грязной реки, перед этими великолепными островами, посреди равнины, где повсюду находились многочисленные враги.

Штаб дивизии переместился на 30 километров южнее. Командный пункт нашей бригады расположился в Белозерье, которое с этого момента стало центром наших позиций. Здесь, куда вчера сходились многочисленные телефонные линии командира дивизии «Викинг», где стояли его передвижные радиостанции, а на каждом углу торчали фельджандармы, наш скромный взвод связи смотрелся как-то жалко.

В пятницу 28 февраля 1944 года я получил приказ прибыть в штаб дивизии в Городище. Равнина, на которой росли тысячи фруктовых деревьев, выглядела просто очаровательно. На заснеженных холмах романтически виднелись черные или красноватые крылья ветряных мельниц.

Генерал Гилле и его штаб разместились рядом с православной церковью в современном белом здании, которое советские самолеты обстреливали из пулеметов буквально каждые четверть часа.

Старшие офицеры продолжали шутить, но это было какое-то фальшивое веселье. Мне по секрету показали радиограмму, которую командир дивизии отправил Гиммлеру: «Через три часа дивизия «Викинг» будет окружена».

Тем не менее никто не хотел верить в реальность происходящего. Наверняка кто-то что-то делает ради нашего спасения. Советские самолеты прилетали снова и снова, ожесточенно бомбя штаб дивизии. Но среди всего этого хаоса фельджандармы обшаривали избы и вытаскивали наружу кучки симулянтов. В общем, законченный сумасшедший дом. Несмотря на свои заверения, офицеры было откровенно обеспокоены, а солдаты смертельно устали.

Я вернулся в Белозерье, вдыхая сухой воздух, восхищаясь прозрачной голубизной чистого неба, несмотря на все наши проблемы.

Но уже через два часа на командном пункте зазвонил телефон, штаб дивизии передал одну, но страшную фразу: «Русские войска соединились на юго-востоке».

Одиннадцать немецких дивизий, более или менее укомплектованных, были окружены. Ровно через год после трагедии на Волге начинался второй Сталинград.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке Royallib.ru](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)